

БОЙЦЫ
ВСПОМИНАЮТ

БОЙЦЫ ВСПОМИНАЮТ

ББК 63.3(2)722.78
Б77

Авторы этой книги — участники Великой Отечественной войны. Летчик и партизан, пулеметчик и фронтовой корреспондент, артиллерист и пехотинец...

Время неумолимо. Все меньше в строю ветеранов. Тем ценнее для нас их свидетельства о том грозном времени.

Адресована книга широкому кругу читателей.

Очерки Г. Санасаряна, В. Карташева, В. Лямина, Н. Берлина, И. Лисова, Г. Степанова, М. Заплатаина, В. Дедюхина, Н. Хаунена рецензировал председатель Пермской секции Советского комитета ветеранов войны А. Д. Пучнин

В подготовке книги приняли участие журналисты И. Ежиков, В. Костычев.

© Пермское книжное издательство, 1988.

Б77 **Бойцы вспоминают.** — Пермь: Кн. изд-во, 1988. — 216 с.

ISBN 5—7625—0038—1

Сборник воспоминаний ветеранов Великой Отечественной войны.

ББК 63.3(2)722.78

Г. САНАСАРЯН
ЖАРКИМ ЛЕТОМ
42-го

Генрих Тигранович Санасарян. Родился в Харькове. В сентябре 1941 года после окончания средней школы призван в армию. Воевал на Южном фронте в должности командира стрелкового взвода. В июле 1942 года был тяжело ранен. Из армии демобилизовался в 1946 году. С этого времени живет и работает в Перми.

МОЯ СЕМЬЯ. ДРУЗЬЯ.
СПОРТИВНЫЕ УСПЕ-
ХИ. ТОЛЬКО НА ФЛОТ.
ВОЙНА

Мои родители Тигран Петросович и Арменуи Айрапетовна родились, выросли и связали свою судьбу в древней столице Армении городе Ване. Когда в 1915 году началась турецкая резня, они покинули Ван. Им удалось добраться до Симферополя. Здесь наша семья — отец, мать, я, сестры Флора и Эмма — жила до войны.

В 1931 году я поступил в армянскую среднюю школу, а окончив семь классов, перешел в русскую. Здесь и подружился с Мишей Ермаковым и Володей Соловьевым. Оба были хорошими спортсменами: Миша увлекался боксом, а Володя — велосипедом и легкой атлетикой. Стараюсь во всем походить

на своих новых товарищей, решил заняться спортом и я. Честно говоря, никогда не подозревал в себе никаких особых спортивных талантов. И вот в 1938 году состоялся мой первый официальный старт. Бег — дистанция 60 метров. И надо же так случиться, что никому не известный бегун пробегает шестидесятиметровку за семь с половиной секунд! Меня включили в сборную легкоатлетов Крыма. В 1938—1940 годах мне довелось участвовать во многих всесоюзных соревнованиях.

Но все-таки не спорт стал главным в моей жизни. Обстановка в мире была напряженная, и события у озера Хасан, на Халхин-Голе занимали много места в наших разговорах. Потом была война с белофиннами, и все чаще Миша, Володя и я стали подумывать о военной карьере. Самым рассудительным и постоянным в своих армейских привязанностях был Володя Соловьев. Он мечтал стать танкистом. Мы же с Мишей спорили постоянно: он убеждал меня в преимуществах летной службы, а я его — военно-морской. Видимо, эти споры нужны были, чтобы убедить самих себя. Незадолго до окончания школы я собрал документы и послал их в Ленинградское высшее военно-морское училище, а Михаил, как мне было известно, вел интенсивную переписку с летными школами. Моя мечта, похоже, сбывалась, потому что в 1940 году меня вызвали в военкомат и сообщили, что в случае призыва зачислят меня на флот. Но пришло воскресное утро 22 июня 1941 года. Война!

МЕСЯЦЫ НЕИЗВЕСТНОСТИ. ПОЖЕЛАНИЕ ШКОЛЬНОЙ ПОДРУГИ. ВМЕСТО ФЛОТА — В АВИАЦИЮ. ЛЕЙТЕНАНТ НА БЕЛОМ КОНЕ. НЕ ЛЕТЧИК, НО ПЕХОТИНЕЦ

С 23 июня по 10 сентября 1941 года мы ежедневно приходили в военкомат с одним вопросом: «Когда?» Но там

упорно хранили молчание. А события на фронте не радовали. Каждый день, слушая радио, мы узнавали: «В результате кровопролитных боев наши войска оставили... оставили... оставили...» Названия этих никому не известных больших и малых населенных пунктов, безымянных высот произносились как названия столиц крупных государств. А мы ходили по пыльному дворику симферопольского военкомата и ничем не могли помочь Родине.

Наконец добились приема у военкома.

— Ждать, — сказал он, — никуда не уезжать. Вы причислены к категории — «до особого распоряжения».

И вот 10 сентября 1941 года мне сообщили, что я направлен в Майкопское военно-воздушное училище. То же направление получил и Михаил. Итак, авиация. Как сейчас помню этот день. Сборный пункт — симферопольский велотрек. Огромное скопление народа: призывники, родственники, друзья, знакомые. И вот все уже позади: и слова прощания, и напутствия, и слезы. Симферопольский вокзал и громкий крик:

— По вагонам!

В день отъезда меня пришла проводить одноклассница Инна Радченко. Она подарила на память свою фотографию с такой надписью: «Моряку по призванию, летчику по призыву». Думаю, она очень бы удивилась, узнав, что я не стал ни летчиком, ни моряком. Но обо всем по порядку.

11 сентября наш эшелон прибывает в Керчь, и ночью того же дня нас погрузили на какую-то шаланду, чтобы через Керченский пролив доставить в Темрюк. На море сильно штормило, нижнюю палубу заливало водой, шаланду кренило. Из Темрюка по Кубани мы добрались до Краснодара, а спустя несколько дней маршировали по Майкопу.

Первое время в качестве курсантов военно-воздушного училища мы жили за городом в летних лагерях. Я думаю, что в те дни мы еще не осознали, что же такое война. Много было шуток, розыгрышей. Спали в шалашах, человек

по десять. Не во всех наших жилищах были двери, а ночи уже стояли холодные. Тот, кто первым просыпался от холода, выходил на свежий воздух, «занмствовал» дверь у другого шалаша и, утеплившись, продолжал прерванный сон. В общем, двери кочевали всю ночь.

В отделении вместе со мной служил веселый парень Боря Фогель. Он был наделен особым даром общения. Этот дар сочетался у него с прекрасным чувством юмора, причем, придумывая и совершая очередной розыгрыш, Борис сохранял абсолютно серьезное выражение лица.

— Генрих, — спросил он как-то, — ты молоко любишь?

— Еще бы!

— Я тут в километре от лагеря обнаружил дом с коровой и договорился с хозяином. Так что после занятий готовь посуду, пойдем. Да и ребятам парного молочка принесем. Но сам понимаешь, из лагеря надо уйти незаметно.

Соблюдая все правила конспирации, в 6 часов вечера я пришел на условленное место. Весь наш взвод — в полном сборе, с котелками, хоть на парад выводи! Разумеется, кроме Бориса. Это была его очередная шутка. Правда, не все по достоинству оценили ее, нашлись желающие устроить ему темную, но все обошлось.

Кто-то из писателей заметил, что обычно веселые люди и есть самые храбрые. Уже после войны я узнал, что Борис Фогель героически погиб, защищая Сталинград.

С сентября по ноябрь мы занимались строевой и политической подготовкой, изучали материальную часть. Но быстрое наступление гитлеровцев изменило все планы. Пришел приказ: пешим маршем двигаться в Нальчик.

Весь батальон — 350 человек — вышел из Майкопа. Стояла вторая половина ноября. Наступавшая холодная зима 41-го уже давала о себе знать и в кавказских предгорьях. Шквальный ветер, пурга, мерзлая колея. Днем над дорогой пролетали фашистские самолеты, поэтому мы шли только ночью. Впереди колонны на белой лошади сжал лейтенант, имени которого сегодня никто не помнит. А фами-

лия сохранилась в памяти: Богач. Он поднимал падающих от усталости, тех, кто уже не мог идти, сажал на своего конягу, уговаривал хоть ползком, но продвигаться вперед. 30 ночей продолжался этот переход, и все 350 человек пришли в Нальчик! Сейчас, спустя столько лет, когда я вспоминаю этого лейтенанта, он мне представляется очень добрым. Тогда же он казался строгим.

У меня сохранились маленькие, в ладошку, фотографии ребят, с которыми я шел по зимней дороге: Витя Демин — убит, Миша Козерман — убит, Боря Фогель — убит...

В Нальчике мы были зачислены курсантами Урюпинского военно-пехотного училища. Начались регулярные занятия. Обучали нас добротнo, по довоенным меркам. Постоянно совершали марш-броски на 25 километров. Вот тут игодились занятия спортом. Бывало, что к финишу приходил первым, впереди офицеров роты.

В июне 1942-го сдали государственные экзамены. Шесть человек из нашего выпуска закончили училище с отличием. Среди них оказался и я. Командование предложило всем шестерым остаться в качестве командиров учебных взводов. Никто не согласился, все ребята рвались на фронт.

И вот зачитан приказ о присвоении нам офицерского звания. Через несколько дней мы прибыли в Луганск в распоряжение штаба Южного фронта. Большинство ребят направлялось в 37-ю армию, а я и еще несколько человек — в 18-ю.

Погрузились в полторку и после долгой езды по пыльной и жаркой степи прибыли в штаб 353-й стрелковой дивизии. Командир дивизии с ромбом в петлице побеседовал с нами. И снова в путь. В тот же вечер были в полку. Запомнились кабинет командира полка, фикус в кадке, хозяин кабинета в роговых очках. Меня направили в батальон, которым командовал старший лейтенант Степанцов. Это был статный, красивый офицер, родом из Ростова. Коротко представившись и определив в роту, он предложил поесть

и... попеть. Немало удивленный таким началом воинской службы, я прослушал сольный концерт старшего лейтенанта в сопровождении гитары, на которой он себе аккомпанировал. Пел, надо признать, мой командир хорошо, да и репертуар был подобран со вкусом: русские песни и цыганские романсы.

Впоследствии я убедился, что это было не представление, рассчитанное на то, чтобы поразить новичка. Нет, просто горячая натура Степанцова, его южный темперамент требовали постоянного выхода. На фронте были разные командиры: кто-то строго следовал уставу в обращении с младшими по званию не только в боевой, но и в спокойной обстановке. Степанцов же являл собой полную противоположность такому типу командиров. Его непосредственность и доступность, граничащие с фамильярностью, а порой и с панибратством, могли и не нравиться. Но сейчас я думаю, что у Степанцова такая форма общения с нами, молодыми лейтенантами, преследовала благородную цель: он, как бывалый фронтовик, прекрасно понимал, что нам, восемнадцатилетним командирам, по существу пока еще гражданским лицам, необходима обыкновенная человеческая теплота при вхождении в армейские дела.

Думаю, что такой психологический подход Степанцова во многом помог нам адаптироваться, ощутить себя равными с другими, опытными командирами. Нам не могло не льстить, что он не поучал, бравирюя опытом, а, как отец своим родным детям, ненавязчиво, уважая наше мнение, втолковывал важные истины. Мы любили старшего лейтенанта, готовы были пойти за него в огонь и воду.

В июне 1942 года наша дивизия занимала долговременную глубокоэшелонированную оборону в районе Дебальцево. Степная растительность в эти дни пошла в буйный рост, и наши окопы, ячейки, пути сообщения напоминали цветочные клумбы. Ежедневно приходилось заниматься косьбой, а скошенной травой маскировать свои позиции. В составе взвода, которым я командовал, было не-

сколько солдат моего возраста, но большинство состояло из опытных бойцов 25—35 лет.

Так прошло несколько ничем не примечательных дней. Днем — интенсивная перестрелка, артиллерийская и минометная стрельба, ночью — слепые очереди трассирующими пулями да взлетающие в воздух осветительные ракеты.

Однажды в конце июня к входу в блиндаж, где я сидел, подошел неизвестный мне старший лейтенант в выгоревшей гимнастерке без ремня и в парусиновых сапогах. Было видно, что он только что проснулся. Старший лейтенант с хрустом потянулся, жестом остановил мою попытку исполнить уставные обязанности и вдруг неожиданно подмигнул мне. Я сидел, а он, стоя напротив, довольно бесцеремонно рассматривал меня. Я чувствовал себя неловко, чем-то вроде музейного экспоната. Изучив, видимо, все мои внешние достоинства и недостатки, он пошел вдоль окопа, но, не пройдя и пяти шагов, вернулся и коротко представился: — Старший лейтенант Балюк.

Подробно расспросив о том, кто я и чем занимаюсь (а пересказ моей скудной фронтовой биографии занял не больше двух минут), Балюк задумался.

— Вот что, Санасарян, — помедлив, сказал он, — вам пора подумать о военной карьере.

Памятуя «уроки» Бори Фогеля, я изобразил на лице готовность тут же последовать его совету, находясь в полной уверенности, что напал на очередного полкового шутника.

Но я ошибался. На следующий день последовал вызов в штаб батальона. Там уже были командир, комиссар и старший лейтенант Балюк. Степанцов с ходу задал мне вопрос, хочу ли я воевать под началом Балюка. Ничего не понимая, я спросил: в качестве кого? Старший лейтенант вступил в разговор и объяснил, что он — командир взвода разведки.

В РАЗВЕДКЕ ТОЛЬКО ОДНА ДОЛЖНОСТЬ.
СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ БАЛЮК. ПЕРВЫЙ «ЯЗЫК».
НЕМЕЦКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ. ЧТО ЖЕ СЛУЧИЛОСЬ

Когда три фронтовых офицера предлагают зеленому новичку службу в разведке, то, видимо, этому есть какие-то причины, подумал я и, осмелев, спросил, в какой должности я буду у Балюка.

— В разведке только одна должность — разведчик, — ответил старший лейтенант.

Мое зачисление в разведку состоялось тут же, и, собрав свои нехитрые пожитки, я перебрался в землянку разведчиков. Начались занятия. Меня обучали рукопашной борьбе, владению холодным оружием, в общем, всему тому, без чего разведчик в первую же свою вылазку во вражеский тыл окажется «под колпаком».

Балюк относился к той особенной породе людей, которые есть, были и будут во все времена. Их отличает колоссальная жизнестойкость, абсолютная вера в то, что погибнуть, умереть они не могут никогда. И если люди, которые постоянно находятся в контакте с таким человеком, понимают, что это не поза, не желание самоутвердиться, то и они заражаются подобной жизненной энергией, а в жизни и, тем более, на войне это далеко не последнее дело.

Настал день, и Балюк, решив, что «начальные классы» разведки я окончил, счел необходимым взять меня в разведку.

Собрались около одиннадцати вечера, двинулись за «языком».

Окружающая местность, как я говорил, представляла из себя степь, кое-где пересеченную балками или перелесками, иногда попадались небольшие холмы. Отойдя метров двести от наших позиций, мы попластунски продолжили движение. От балки к балке, неуклонно мы приближались к линии немецких окопов. Метрах в трехстах от передовых

постов гитлеровцев Балюк приказал мне и еще двум бойцам остановиться, а сам с сержантом в считанные секунды исчез из виду. Минут сорок мы наблюдали взлетающие с характерным звуком наши и немецкие ракеты, слушали ночные рулады цикад. Балюка и сержанта все не было. Поскольку из оставшихся я был единственный офицер, мне и предстояло принять решение: либо идти на поиски старшего лейтенанта, либо возвращаться к своим. Второй вариант сразу был отброшен, я отдал было команду покинуть балку и идти на помощь, как раздались громкие крики. Немцы открыли суматошную пальбу. Чего греха таить, в эти минуты подумал о самом худшем.

К счастью, все обошлось. Через несколько минут в балке оказался вынырнувший из ночи сержант и сообщил, что командир ждет нас метрах в ста южнее. Так оно и оказалось. Добирались до своих мы довольно долго, потому что немцы непрерывно подвешивали в абсолютной черной донской ночи свои «люстры» и вели огонь по всему, что казалось им подозрительным. Приказав всем ложиться спать, Балюк отправился к Степанцову. Видимо, тот устроил старшему лейтенанту хорошую головомойку, потому что голос у него утром оказался охрипшим. Увидев меня, комиссар Калюжный неинтересовался подробностями ночного фиаско и добавил, что спасло Балюка только то, что все вернулись живыми. Командир и комиссар решили ограничиться устным выговором. Во всяком случае, лейтенант не выглядел расстроенным.

Спустя день мы снова пошли на задание. Теперь в немецкие окопы поползли втроем: сержант, Балюк и я. Метрах в десяти от окопов мы с сержантом остались, а командир вплотную подполз к ходу сообщения и исчез в нем. Следующие 15 минут показались нам целой вечностью. Вдруг метрах в пяти от нас появились сначала рука, а затем и голова старшего лейтенанта. Спрыгнув в окоп, мы увидели Балюка, оседлавшего фрица. Немца быстро спеленали, бережно уложили в плащ-палатку и поволокли в

нашу сторону. Отойдя метров на триста, командир провел «ревизию языка»: дохляк, как он выразился, был ему не пужен. Спустя час немец был доставлен на допрос к Степанцову и Калюжному, которые, несмотря на позднее время, не спали. Увидев всех живыми и невредимыми да еще с добычей, Степанцов облегченно вздохнул.

До начала крупного немецкого наступления 1942 года я еще несколько раз ходил в разведку. Пусть недолгая, но очень интересная служба в разведке дала мне много. Умение быстро ориентироваться, принимать единственно верные решения, рисковать, но не вслепую, а заранее предвидя возможный результат, наконец, овладение школой ближнего боя — все это в разведке проходило быстрее, с постоянной проверкой полученных знаний, где «двойка» означала смерть. Но еще больше, наверное, дало общение со старшим лейтенантом Балюком. Он руководил нами не по праву старшего по званию или должности, а по праву человека исключительных моральных качеств и подлинного профессионализма. Его отличала особая требовательность, он никогда не опускался до мелочей, однако в главном, принципиальном не знал пощады. Те три недели в разведывальном взводе Балюка ускорили мое духовное возмужание и, я думаю, сыграли немаловажную роль во всей моей дальнейшей жизни.

...Разведданные различных уровней показывали, что новый натиск немцев на южном фланге советско-германского фронта не за горами. Мы знали об этом и готовились. Прошло уже больше года войны, трагические уроки июня 41-го были, как нам казалось, полностью осмыслены. На пути немцев стоял Ростов.

Когда из Нальчика я добирался к месту службы, то проезжал и через Ростов. Даже меня, не специалиста в области долговременных оборонительных сооружений, поразила оборона города. На многих улицах Ростова были созданы баррикады. Но это были не те баррикады, которые создаются в пожарном порядке из всего, что попадает

под руку в критический момент: вывороченного из мостовой булыжника, груды досок, мешков с песком и перевернутой автомашины. Нет, ростовские баррикады с полной уверенностью можно было называть дотами и дзотами, настолько мощны были эти бетонированные сооружения. Все наиболее важные магистрали, перекрестки, подходы и выходы из города находились в зоне обстрела. Чтобы взять Ростов, немцам пришлось бы приложить максимум усилий без гарантии на успех. Именно так считал я, проезжая через донскую столицу. То, что случилось спустя два месяца, не укладывалось ни в какие рамки, с моей точки зрения.

Незадолго до сдачи Ростова я и еще несколько офицеров были вызваны в штаб дивизии, где нам объявили о новых назначениях. Жаль, конечно, было расставаться со старшим лейтенантом Балюком, но приказ есть приказ, тем более, что командование учло мою просьбу вновь направить в батальон Степанцова. Начальник штаба дивизии объяснил нам, что перемещения связаны со значительными потерями в офицерском корпусе.

Приняв взвод, которым ранее командовал опытный фронтовик лейтенант Школа, я столкнулся с некоторыми трудностями. Моя манера говорить, отдавать приказы и ставить боевую задачу заметно отличалась от стиля Школы. А если ко всему добавить мой тонкий, мальчишеский голос, то станет понятно, почему я часто ловил на себе иронические взгляды солдат. Никто не собирался щадить моего самолюбия. Надо было делом и личным примером добиваться сначала уважения, а потом и авторитета. С какой благодарностью вспоминал я в это время Балюка!

В первых числах июля наш полк был поднят по тревоге. Было приказано скрытно сосредоточиться на новых рубежах под Красным Лучом. Примерно в полночь батальон достиг заданного пункта, и нам разрешили немного отдохнуть. Но уже в четыре утра прибежал вестовой и принес приказ срочно явиться на командный пункт полка, к

Степанцову, который накануне был назначен исполняющим обязанности командира полка. Здесь собралась большая группа офицеров. Старший лейтенант Степанцов приступил к отдаче боевого приказа на наступление.

К пяти утра мой взвод занял исходный рубеж. Утренний туман немного рассеялся, и стали видны очертания высоты, которую нам предстояло взять. Началась непродолжительная артиллерийская подготовка, и после ее окончания мы пошли в атаку. Немцы открыли сильнейший огонь из автоматов, пулеметов, минометов, орудий. Примерно через час после начала наступления на нашем правом фланге послышался гул моторов фашистских танков. Не знаю, сколько их было, но вскоре под натиском двух наших «КВ» они отползли на свои позиции. Появились первые раненые и убитые. Как сейчас, помню паренька лет семнадцати с Украины, взводного пулеметчика по фамилии Рула. Его бой, первый и последний, продолжался не более получаса: он был тяжело ранен, и я приказал отнести его в тыл. Около девяти утра над нашими позициями появились «юнкерсы». Они пикировали звеньями: один бомбит небольшими противопехотными минами, второй поливает из крупнокалиберного пулемета. И карусель начинается сначала. Когда круговерть прошла раза три-четыре, я уже разобрался в нехитрой тактике фашистских летчиков: звено совершает два-три захода и уступает место следующему.

К полудню взвод достиг небольшой балки, где я решил временно закрепиться и передохнуть. Потери были большими, до половины личного состава. Ночь прошла сравнительно спокойно, но около четырех часов утра нам приказали оставить занимаемые позиции и двигаться в направлении села Ребрикова. Вместо наступления мы вели арьергардные бои, чтобы, как сказал старший лейтенант Степанцов, «дать возможность войскам Южного фронта закрепиться на новых оборонительных рубежах». Двое суток шли тяжелейшие бои у Ребрикова. На третий день под

яростным немецким натиском село было оставлено нами и начался новый переход — к Ростову.

В 1942 году превосходство немецкой авиации было еще значительным, и потому передвигались в основном ночью. Марш начинался, как правило, около семи вечера, а заканчивался к восьми утра следующего дня. Двигаться днем категорически запрещалось: тут же появлялся немецкий разведывательный самолет «Фокке-Вульф-189», или, как его называли за двухфузеляжную конструкцию, — «рама». Прилетела «рама» — через полчаса жди «юнкерсов»-пикировщиков.

Перед маршем нас кормили. Чаще всего давали сухой паек, причем нередко почему-то селедку. И вот здесь, после такой трапезы, очень важно было вытерпеть жажду в течение 20—30 минут. Я неоднократно говорил об этом бойцам и даже запрещал им пить после еды. Но не зря говорят, что нет ничего проще, чем давать добрые советы. Зной невероятный, вокруг безводные донские степи. Однажды, не выдержав, отстал от подразделения, постучался в придорожный дом и попросил у хозяйки воды. Основательно напившись, догнал взвод.

Минут через двадцать начались мои мучения. Фляга была пуста, а просить воды у бойцов означало себя полностью дискредитировать. Не выдержав, припал к первой попавшейся луже, весьма замшелой на вид. За этим занятием меня и застал пачальник штаба полка майор Митропольский. Приказав немедленно подняться, сказал:

— Как вам не стыдно, лейтенант!

Все обошлось, хотя он был вправе наказать меня.

Вообще говоря, организм, видимо, в состоянии приспособиться к самым невероятным условиям. Но к одному мы так и не привыкли. Это к маршу в предрассветные часы. Говорю за себя одного, но, по-моему, в это время вся колонна двигалась на подсознании. У нас выработалось умение спать на ходу, и только толчок рядом идущего или падение способны были ненадолго разбудить. Днем выспать-

ся не удавалось: либо бой, либо бдение в наскоро вырытых окопах.

В двадцатых числах июля наш батальон вышел в предместья Ростова. Вновь перед моим взором возникли Буденновский и Ворошиловский проспекты с их мощными фортификационными сооружениями. Было очень много техники, людей. Я полагал, что нам предстоит долгая оборона. Но, к моему удивлению, кажется, 23 июля последовал приказ отойти за Дон. Сделать это было не просто. Фашисты днем и ночью бомбили единственную переправу через реку. Картина выглядела жутко, особенно ночью на фоне сплошного зарева пожаров. Бомбежка шла непрерывно, но все-таки нам удалось переправить на левый берег значительное количество боевой техники. 23-го весь наш батальон находился на левобережье. А переправа продолжалась — на лодках, плотках, подручных средствах, а то и просто вплавь. Моему взводу повезло: мы раздобыли лодки и переправились без потерь.

Особенно тяжело в эти дни приходилось саперам. Невозможно было сосчитать, сколько раз за эти дни они восстанавливали сожженную, разбомбленную, снесенную течением переправу. Не могу сказать, что во всем этом огненном действе правила свой бал паника, но нервозность, неорганизованность, противоречивость в поступающих командах несомненно присутствовали. Многие оставались непонятным в те дни: хотя мы знали, что немецкое наступление, начатое месяц назад, было необычайно мощным, сдача Ростова казалась неоправданной. Конечно, в те дни, располагая данными на уровне командира взвода, просто невозможно было сделать правильные выводы о причинах случившегося.

В 1941 году еще было, куда отступать. В 42-м отступать было некуда. Последними рубежами были Волга и Кавказ. 28 июля появился известный приказ «Ни шагу назад!». Для того чтобы полностью понять июльскую ситуацию, мне хочется привести выдержку из «Правды» от того же 30 ию-

ля 1942 года: «Советские воины! Ни шагу назад! — таков зов Родины. Советская страна велика и обильна. Но нет ничего более вредного, как думать, что раз территория СССР обширна, то можно отходить дальше и дальше, что можно и без предельного напряжения сил уступать заклятому врагу хотя бы клочок советской земли, что можно оставить тот или иной город, не защищая его до последней капли крови»...

Между тем наш батальон, закрепившись метрах в ста от Дона, до 25 июля прикрывал отход наших частей на восток.

РАНЕНИЕ. ПУТЬ ДО ГОСПИТАЛЯ. ЛЕЧЕНИЕ. ПО СЛЕДАМ ТОВАРИЩЕЙ. СНОВА В НАЛЬЧИКЕ

Ночью мы оставили свои позиции и двинулись в направлении станции Хомутовка. Полдня было тихо, и у нас хватило времени основательно закрепиться. В полдень начался бой, который длился не более двух часов. Но каждая секунда этого боя в сознании растягивалась до часа, двух, трех. Дважды мы поднимались в атаку. Ценой невероятных усилий и огромных потерь нам удалось отбросить гитлеровцев на 600—700 метров. Наступило непродолжительное затишье. Но вскоре появилась ненавистная «рама» и долго летала над нашими позициями. Медленно, как коршун, выскивающий добычу, она парила на большой высоте. И исчезла. Стая «юнкеров» не заставила себя ждать. Было их очень много, и они спокойно и методично бомбили и расстреливали нас в течение 40 минут. Как на учебном бомбометании, сгервятники делали заход за заходом.

Бомбежка продолжалась. В небе — ни одного нашего истребителя. Те, кто испытал на себе подобный методичный расстрел с воздуха, знают: в короткие секунды передышки, между пикированием очередного «юнкера», при-

поднимаешься на локтях, чтобы сориентироваться, попытаться рассчитать, куда метит вражеский летчик.

В один из таких «подъемов» я внезапно почувствовал острую боль в правой руке. Перевернувшись на левый бок и приподняв левой правую руку, я увидел кровавое месиво с осколками костей. За несколько месяцев боев не получил даже царапины (я даже начинал подумывать, что попал в «поле неуязвимости» лейтенанта Балюка) — и вот, сразу серьезное ранение! Кто-то из бойцов туго перевязал рану, а командир роты, узнав о случившемся, приказал сдать командование взводом и двигаться в медсанбат. Передвижной полевой госпиталь, как выяснилось, находился в 30 километрах от места боев, на станции под названием Верблюд. Что ж, Верблюд так Верблюд. Солнце жгло немилосердно, пить нечего. Боль с каждым часом усиливалась. Дорога была совершенно пустынной. Иногда появлялись одиночные немецкие самолеты, мы с сопровождающим меня бойцом бросались в придорожную пыль, но, как ни странно, ни разу не подверглись их атаке: то ли они не замечали нас, то ли не считали достойной добычей. Скорее всего эти пираты шли на обстрел колонн беженцев, которые были на 40—50 километров впереди нас. К концу вторых суток наконец добрались до полевого госпиталя 12-й армии. Операция длилась минут тридцать, после чего я уснул. Утром госпиталь погрузили в вагоны, и через трое суток, в первых числах августа, мы прибыли в Железноводск. Город встретил нас тихим южным вечером, война осталась где-то позади. Но это было обманчивое впечатление.

Немецкое наступление продолжалось, и поток раненых, прибывающих в госпиталь ежедневно и еженощно, навел на тяжелые размышления. Я вновь очутился на операционном столе. Хирург в течение всего часа повторял «да!», ни к кому при этом не обращаясь.

Через несколько дней состояние здоровья резко ухудшилось, и меня поместили в отдельную палату, так назы-

ваемый изолятор. Одну из дежуривших сестер звали Клавой. Это была милая, симпатичная девушка лет восемнадцати, она всячески пыталась отвлечь меня от постоянной боли, подолгу разговаривала на различные темы. Регулярно приходили и соседи по прежней палате — Николай Колбаса, Володя Хряпин. От них узнал, что всех тяжелораненых на носилках выносят в коридор. Никто из моих товарищей и врачей не мог дать вразумительный ответ на вопрос, зачем это делается. Очевидно, подумал я, предстоит новая эвакуация. Но куда и когда?

Прошла еще пара дней, и мои друзья пришли прощаться. Выглядели они виновато, старались смотреть куда-то в сторону. Сообщили, что уходят в Пятигорск, а оттуда в Нальчик, а нас, тяжелораненых, повезут позже. Меня это успокоило, и я ненадолго задремал.

Проснулся от необычной тишины: ни стонов, ни характерного звона медицинской посуды. Собрав последние силы, встал с кровати. Держась за стену, добрался до коридора. То, что я увидел, поразило меня: на полу валялись одеяла, простыни, наволочки, бинты. Пройдя несколько шагов по коридору, набрел на какую-то кладовку, где подобрал пару английских солдатских ботинок и парусиновый халат. Каждый шаг давался с огромным трудом, но минут через десять мне удалось выбраться в госпитальный двор. Было около десяти вечера, надо мною — абсолютно черное небо, усыпанное звездами. Привыкнув к темноте, я заметил несколько телег, стоявших на шоссе. Вокруг них сустились санитарки и врачи. Все стало на свои места. Я не был оставлен товарищами, брошен на произвол судьбы (а такие мысли мелькали, пока одевался). Нет, просто всех тяжелораненых укладывали на телеги и должны были «малой скоростью» доставить в Пятигорск.

Внезапно из темноты показалась колонна. Это шел соседний эвакуогоспиталь. Решил пристроиться к колонне и идти, пока хватит сил. Первые два километра дался с огромным трудом, то и дело приходилось догонять исчезаю-

щий в крошечной тьме хвост. До сих пор не могу понять, как удалось выдержать взятый темп. Хотя эвакогоспиталь двигался довольно медленно, мне и эта скорость казалась сумасшедшей. Той ночью я вспомнил своего тренера Андрея Константиновича Франжуло, в прошлом отличного штангиста. Вспомнились его слова о том, что бороться надо до конца, а потом еще немного.

Где-то на середине пути у меня открылось второе дыхание, и возникла шальная мысль догнать свой эвакогоспиталь, догнать Николая, Володю, Клаву...

Когда Николай и Владимир увидели меня, лица их вытянулись от удивления. По моей просьбе они разыскали и Клаву. Она расплакалась и сказала, что врачи были уверены, что я безнадежен: заражение крови. Подошли врачи. Смотрели — не верили, кто-то с горькой иронией процитировал Пушкина: «Я ускользнул от эскулапа — худой, обритый, но живой». Послышалась команда на построение. Я, Николай Колбаса, Владимир Хряпин пошли вперед, опережая колонну, и около восьми утра увидели окранны Пятигорска.

Не сомневаюсь, останься я в госпитале, даже при наличии самого квалифицированного ухода шансов выжить у меня было бы маловато. То, что мне, тяжелобольному, удалось преодолеть многокилометровый путь, видимо, включило в организме какие-то дополнительные резервы.

Август 1942 года, последний месяц лета. Наши госпитальные колонны шли пешком из Пятигорска в Нальчик, откуда санитарным поездом нас должны были отправить на лечение в Закавказье.

За двое с половиной суток переход был завершен.

Жаркое лето 42-го... До конца войны еще чуть меньше трех лет.

ДВАДЦАТЬ ДНЕЙ В АДУ

Виктор Гаврилович Карташев. Родился в Осе Пермской области. В марте 1942 года призван в ряды Красной Армии. Учился в Пермском пулеметно-минометном училище.

Пулеметчик Карташев был среди героических защитников Сталинграда, позже сражался на Синявинских высотах и Ораниенбаумском плацдарме.

После войны закончил техникум, работал на машиностроительном заводе в Копейске Челябинской области. После выхода на пенсию продолжает трудиться на том же предприятии.

Выдающуюся стойкость и мужество проявили бойцы 895-го стрелкового полка и 184-го пулеметного батальона в бою в районе фабрики-кухни. Пулеметчики Виктор Карташев, Виталий Бутаков, Аркадий Мишин, Борис Кузнецов, Сергей Кобелев, Михаил Петухов, Пьянков, окруженные со всех сторон фашистами, в течение пяти суток без пищи и воды самоотверженно сражались с врагом. Они нанесли фашистам большие потери, отстояли порученный им объект. В этом бою только один пулеметчик сержант Виктор Карташев уничтожил более полусотни гитлеровцев.

Ф. Н. Смахотворов,
бывший командир
193-й стрелковой
дивизии,
генерал-майор
в отставке

В марте 1942 года было открыто Пермское пулеметно - минометное училище и начался набор

курсантов. Из Осинского района в ночь на 13 марта вышло несколько подвод с призывниками в это училище. Более тридцати молодых осинцев, в их числе и я, были зачислены в пулеметный батальон. Училище готовило средних командиров с присвоенным выпускникам званием «лейтенант».

В дни учебы курсанты изучали все виды пехотного оружия, материальную часть пулеметов, тактику наступательного боя, топографию и баллистику. Программа занятий была рассчитана на шесть месяцев, но первый выпуск был сделан досрочно, потому что обстановка на фронтах складывалась очень серьезная.

10 августа нас привели в клуб училища. Командир училища объявил, что завтра мы, курсанты, выезжаем на фронт и доучиваться будем на передовой.

11 августа наши батальоны, около двух с половиной тысяч бойцов, шли на Пермь II под духовой оркестр. День был солнечный, нас провожали сотни пермяков, многие со слезами на глазах. Мальчишки подстраивались к колонне, стараясь шагать в ногу...

Через несколько дней наш эшелон прибыл в Курган. Курсантов-пермяков зачислили в 193-ю стрелковую дивизию. Она отдыхала и пополняла свои ряды после тяжелых боев на Калининском фронте. Из курсантов Пермского пулеметно-минометного училища сформировали 184-й отдельный пулеметный батальон.

Командиром батальона стал уже побывавший в боях, веселый и смелый двадцатилетний лейтенант Александр Прокопов из Ташкента. Во время боев в Сталинграде ему присвоили звание старшего лейтенанта. Он погиб 8 октября 1942 года и похоронен на берегу Волги. Заместителем командира батальона был лейтенант Стариков, смелый офицер. Он погиб после Сталинградской битвы.

Начальник штаба батальона — старший лейтенант Семен Бойко, кадровый офицер. Он уже участвовал в боях за Севастополь, был ранен. Мы, курсанты, хорошо запо-

нили его уже при первой встрече. Он был всегда подтянут, чисто выбрит, с черной повязкой на глазу: полученное ранение давало о себе знать. Командиром роты был старший лейтенант Яков Баркун.

В сентябре переформирование дивизии закончилось.

На курганском вокзале вскоре мы погрузились в вагоны, и пошла жизнь на колесах. За Саратовом эшелон несколько раз бомбили фашистские самолеты. Прошла первая тревожная ночь. Поезд останавливался в степи. Приходилось выбегать из вагона и окапываться. Земля твердая и трудно поддается ударам саперной лопаты.

В одну из ночей самолет зашел с хвоста эшелона и обстрелял нас из пулемета. Я находился в последнем вагоне. Пули по нашему вагону прошли по бровке крыши, но в соседних после этого обстрела появились убитые и раненые. Мы похоронили товарищей. Могилу внутри обложили досками, которые взяли с нар из вагонов.

Поезд медленно катился по неоглядным степям Западного Казахстана. Но вот, похоже, доехали. Эшелон остановился около Ленинска. Мы выгрузились из вагонов и дальше шли пешком. Материальную часть — пулеметы и боеприпасы — несли на себе. Идти было тяжело, жарко, мучила жажда.

Из-под множества солдатских сапог в воздух поднималось облако пыли. Дышать становилось тяжело. Впереди, на горизонте, — сплошное зарево. Слышно уханье дальноточных орудий. В воздухе пахло гарью. Это горел Сталинград. Днем он тлел и дымился, ночью пылал ярким пламенем. Шли всю ночь. Раздалась команда на привал. Наша рота разместилась в маленьком овраге.

Кругом степь, даже нет высокой травы, а о воде приходилось забывать. При наступлении темноты снова раздалась команда: приготовиться в путь. Наконец вышли к берегу Волги.

27 сентября день выдался солнечный, мы решили искупаться в старой Волге. Вода в старице прозрачная, ка-

жется зеленоватой от отражения зеленых деревьев, растущих на берегах. Хорошо освежились, надели чистое белье, которое старшина выдал нам еще в Кургане. Вечером перед строем был зачитан боевой приказ: выбить противника из рабочего поселка Красный Октябрь. Задача ясна каждому командиру и бойцу. Еще раз проверили материальную часть оружия, осмотрели обмундирование.

Направились к переправе. Двигалась пехота. Машины везли пушки и боеприпасы. Лошади, запряженные в брички, фыркали от невыносимой пыли. Дорога вся в выбоинах. Местами сделан настил из тонких жердей, а где и просто набросан пучками хворост. У причала — разбитые лодки. На берегу под кустами, в ямах и траншеях сидели бойцы.

Получили приказ переправляться на правый берег. Ночь темная: ни луны, ни звезд. Только яркие линии трассирующих пуль поднимаются в небо и создают своеобразный веер из разноцветных светлячков. Прожекторы шарят в небе. За несколько часов поймано в световые лучи прожекторов и сбито пять самолетов, но нам, еще необстрелянным, трудно было определить, чьи это самолеты — наши или немцев. Только позднее узнали, что это были наши самолеты У-2, которые по ночам бомбили немецкую передовую. Вдруг становится светло как днем. В небе вспыхивают десятки осветительных ракет, подвешенных на парашютах.

Повзводно подходим к воде и грузимся по четыре-пять человек в лодку. Каждая лодка поднималась метров на 30—40 вверх по течению, затем быстро шла на противоположный берег реки.

Позади нас плюхнулось несколько мин, поднимая огромный столб воды. Только лодка коснулась берега, как мы уже прыгаем в воду. Высадились на небольшой остров, покрытый высокими, стройными ивами. С острова на правый берег Волги переправились по деревянному трапу — зыбкому мостику, прикрепленному к стальным тро-

сам. Мостик качался на волнах, по намокшим доскам ноги скользили, и стоило только потерять равновесие, как можно было искупаться в волжской воде. Так и случилось с солдатом нашей роты, его вытащили и помогли отжать воду с намокшей одежды.

Кто нес катки от станкового пулемета «максим», тому было еще труднее передвигаться по мостику. Требовалось большое усилие, чтобы не свалиться в реку.

На рассвете мы заняли оборону в большом двухэтажном доме. В подвале находились семьи рабочих завода «Красный Октябрь». Дети плакали, просили у родителей есть, но у них не было еды. На их счастье, на заводских путях оказались два вагона с рожью, от бомбежки они загорелись. Жители набрали горелого зерна и из него делали лепешки, которые имели неприятный вкус и запах гари. Одна из старушек угостила нас таким хлебом. Мы отдали детям свой НЗ. Как были рады матери и дети! Некоторые даже прослезились.

Вечером 30 сентября наша рота переходила на другой участок фронта. Проходили по территории завода «Красный Октябрь». Корпуса цехов были целыми. Только двухэтажное здание и крыша химической лаборатории пробиты снарядами. Казалось, люди только что оставили лабораторию. На первом этаже стояли металлорежущие станки. В складе каждая проба металла лежала в отдельной ячейке стеллажа, завернутая в бумагу. На второй этаж вела деревянная лестница, в комнатах было много бутылей с различными кислотами.

Недалеко от завода — клуб. Около него проходила железнодорожная линия. На путях стояли две цистерны с нефтью. Днем 30 сентября немцы бомбили эти цистерны, и они загорелись. Я был неподалеку и чувствовал жар от горящих цистерн. Возле клуба — окоп, на его бруствере — один из наших станковых пулеметов. Во время пикировки «юнкерсов» на цистерны я успел прыгнуть в окоп к пулемету. Окоп был глубокий и узкий, сверху прикрыт листом

железа и придавлен прутком металла. Бомбы упали так близко, что лист железа снесло. Пулемет «максим» был превращен в кусок металла, а меня засыпало землей. Откопал меня и помог выбраться из окопа младший полторук. Я перебежал в кирпичный дом, который был расположен юго-западнее клуба. В окне первого этажа была установлена противотанковая пушка. Под лестничной клеткой я увидел старика, сидевшего в углу на своих полжидках. Рядом стоял эмалированный чайник, но воды в нем не было.

После артиллерийского обстрела и «обработки» с воздуха немцы пошли в атаку. Бывший офицер вермахта, непосредственный участник битвы на Волге, Гельмут Вельц в своей книге «Солдаты, которых предали» так описывал этот бой:

«На русские позиции обрушивается залп за залпом. Взлетают целые гирлянды снарядов. Там уже не должно быть ничего живого. Если дело пойдет так и дальше, саперам останется только продвинуться вперед и занять территорию. Кажется, так оно и есть. Бесперывно бьют тяжелые орудия. Навстречу первым лучам восходящего солнца в просветлевшем небе несутся бомбардировщики с черными крестами. Они пикируют и с воем сбрасывают на цель свой бомбовый груз, а за ними новые и новые. Взлетают на воздух блиндажи и огневые точки, оборонительная полоса противника разрушена, горят цистерны с нефтью.

Да, не хотел бы я быть сейчас там! «Они пошли!», — толкает меня в бок Фиддер, показывая вниз. Поднимаю бинокль, действительно, огневой вал уже перенесен в глубь обороны противника. Первые наши группы уже приближаются к передовому краю русских. Еще каких-нибудь 20 метров, и они уже займут передовые русские позиции! И вдруг они залегают под ураганным огнем. Слева короткими очередями бьют пулеметы. В воронках и на огневых точках появляется русская пехота, которую мы

считали уничтоженной. Нам видны каски русских солдат. Глазам своим не верим. Как, неужели после такого ураганного артиллерийского огня, после налета пикирующих бомбардировщиков, которые не пощадил ни единого квадратного метра земли и перепахали все впереди, там все еще жива оборона! Каждое мгновение мы видели, как валяются на землю и уже больше не встают наши наступающие солдаты, как выпадают у них из рук винтовки и автоматы. Немногим немцам удалось убраться обратно».

Пять свежих батальонов врага было разбито в этом бою. Но и наши роты сильно поределели. Так прошел целый день.

Ночью я опять сидел в окопе. Ко мне спустилась девушка, она искала воды. Помню, я ей посоветовал сходить к Волге. Вскоре она со слезами вернулась обратно. Девушка рассказала, что ее на Волгу не пропустил заградотряд.

Вот наша рота вышла на исходный рубеж севернее фабрики-кухни, вдоль железной дороги. На нашем левом фланге горело здание котельной фабрики-кухни.

Когда стрелки шли в атаку, мы поддерживали их огнем из пулеметов. Но вот мы меняем огневые позиции. Пулемет в ямах и воронках чуть не заваливается. «Максим» тяжелый, но вес его не чувствуется. Появилась какая-то невероятная сила и быстрота в движениях. Рубашка и гимнастерка, промокшие от пота, плотно прилипли к спине, на зубах скрипела земля. Во рту пересохло, стало горько. Винтовка болталась за плечами и мешала бежать. Свистели пули, рвались мины, но немцев не видно. Они укрылись в грудах щебня в разрушенных зданиях. Попался какой-то окоп, установил в него пулемет, заправил новую ленту. Мне показалось, что очень долго заряжал, а на самом деле, быть может, не прошло и минуты. Нажимаю на гашетку, пулемет работает хорошо. Бочкарев с Кобелевым залегли с винтовками недалеко от меня...

В наш пулеметный расчет входили: Алексей Бочкарев, Сергей Кобелев, Шулаков и я. Командиром расчета был младший сержант Коробицин. Вечером 29 сентября я его видел последний раз. У него левая рука была перебинтована, но винтовка была с ним.

Шулаков в первом же бою был ранен в руку и ушел на переправу.

Бочкарев был среднего роста. Лицо продолговатое, в угринах, нос прямой, толстые губы, волосы русые. Он не любил носить с собой ничего лишнего, даже вещевого мешка не имел, а патроны всегда толкал в карманы шинели и брюк. После смены позиций сразу же, не теряя времени, надо было окопаться, а у него не оказалось саперной лопаты. Нам с ним пришлось окапываться одной по очереди. Но после этого боя Бочкарев приобрел себе малую лопатку и больше никогда с ней не расставался.

Бойцы спешно окапывались, дорога каждая минута. Чем глубже окопаешься, тем лучше будешь отражать атаки врага и удерживать занимаемую позицию. Вскоре с запада показалось облако пыли—это шли фашистские танки, за танками—пехота. Несколько танков развернулось и—прямо на нас. Трудно описать те чувства, которые испытывает в эти минуты человек.

В воздухе—сплошной гул, кажется, что земля вся живая и стонет. Танки на ходу стреляли из пушек и пулеметов, били немецкие орудия и минометы. Снаряды и мины рвались вблизи нас, поднимая в воздух массу земли. Все шипело, гремело и выло. В воздухе—тысячи осколков и пуль. Несмотря ни на что, наши бойцы огбивали атаку фашистов из последних сил. Вскоре танки замедлили ход, пехота залегла.

Помню, в нашем пулемете кончилась лента, надо было быстро вставить другую, я наклонился в окоп за второй коробкой, но в эту минуту мина разорвалась около моего «максима». Осколками пробило кожух, погнуло ствол и заклинило замок. Противный запах от разорвавшейся

мины ударил в нос. Мелькнула мысль, что разбитый пулемет будет только привлекать к себе внимание, поэтому столкнул его в воронку.

Бой длился два часа, перед нами горело два подбитых танка, но остальные продолжали вести огонь по нашим окопам. Позади нас стояла противотанковая пушка. Она успела подбить один танк, но была разбита. Вторая пушка стреляла прямой наводкой. Дело дошло до противотанковых гранат, правда, их было у нас очень мало. Кто-то недалеко от меня гранатой подбил еще один танк, он развернулся на одной гусенице, повернул башню и стал стрелять из пушки по нашему правому флангу. К нам на площадь подоспели бронебойщики 184-го отдельного пулеметного батальона из роты противотанковых ружей. Атака немцев была отбита, позиции удержаны. Наши роты сильно поредели, было много раненых и убитых. Так пролежали до темноты. Ночью мы заняли оборону в здании фабрики-кухни.

Фабрика-кухня имела Т-образную форму и, если не считать подвал, была одноэтажной, с большими окнами, расположенными на север и на юг. В подвале — маленькие окна, примерно 80 на 80 сантиметров. Метрах в 15 западнее фабрики-кухни — кирпичное здание котельной. В нем сохранилось только два котла с остатками воды, потолка и крыши не было, стены разрушены. Наводчик Карпов установил пулемет в пробоину стены котельной, отсюда можно было простреливать местность перед зданием.

Северо-восточнее фабрики-кухни начиналась железная дорога, идущая вдоль Волги. На северо-западе была равнина, площадь с правой стороны, небольшой овраг, а за оврагом дома, большинство — деревянные. Виднелось трехэтажное здание фасадом на юг. Говорили, что это школа № 5. На западе от фабрики-кухни в 150—200 метрах — баня.

Откуда-то нам притащили еще один станковый пулемет и ручной пулемет Дегтярева. Первый установили в окне подвала и поручили мне. Ночью же обложили окно бревнами, кирпичами и засыпали землей, так получился своеобразный дзот.

В подвале за толстыми кирпичными стенами можно было отсиживаться во время артобстрела, но мы боялись, что вот-вот рухнет потолок. Как только кончилась очередная артналет, немцы сразу же пошли в атаку. Мы рассредоточились. Бочкарев залег с ручным пулеметом в развалинах котельной. Карпов лежал за станковым пулеметом, я находился около своего. Кобелев, Бутаков, старший сержант Грибель, младший сержант Шапошник, Топорков и Мухин с винтовками и автоматами залегли в развалинах с северной стороны. На этот раз главный удар немцы нанесли по правой стороне фабрики-кухни. До десяти фашистских танков шли по ложине на школу № 5. Нам же пришлось отбиваться от автоматчиков. Слышны выкрики офицеров и галдеж солдат. Немцев так много, что кажется, им не будет конца. Но наш огонь заставил их задечь и не давал подняться.

Я стрелял до тех пор, пока вода в кожухе не нагрелась до кипения. Помню, почти все заряженные ленты были израсходованы. В этом бою нам удалось удержать занимаемые позиции, а фашисты отошли с большими потерями. У нас были убиты Топорков и Мухин. Топорков был лет 25—27, худощавый, с продолговатым смуглым лицом, среднего роста. В минуту затихья он всегда вспоминал о доме, о родных, знакомых.

Мухин — круглолицый, коренастый девятнадцатилетний парень, сдержанный, молчаливый. Всегда обижался на быстро растущую бороду...

Младший сержант Шапошник был легко ранен в ногу, еще несколько бойцов вышли из строя. Нам оставалось все меньше и меньше, но задача перед нами стояла та же — врага не пропустить. Севернее фабрики-кухни зани-

мал огневую позицию пулеметчик Аркадий Мышкин. В этом бою его пулемет был разбит, а сам Мышкин убит. Позднее старший сержант Кузьмин рассказал мне, что фашистский танк проутюжил окопы и вместе с пулеметом раздавил наводчика Мышкина. Кузьмин пытался ночью пробраться к своим окопам, но в траншеях была слышна немецкая речь, и он пришел к нам на фабрику-кухню.

Все же наш правый фланг был потеснен. Немцы строчили из пулеметов по фабрике-кухне. Разрывные пули щелкали о стены подвала. По всем сторонам фабрики-кухни рвались мины, снаряды выворачивали комья земли. Рваное железо впивалось в кирпичи и в землю, поднимая фонтаны серой пыли. Кругом нависли клубы едкого дыма.

К нам в подвал перешел командный пункт 2-го стрелкового батальона 895-го стрелкового полка и разместился под лестничной клеткой. Комбатом был лейтенант средних лет. Рыжая борода, круглое румяное лицо. Мне помнится, что он был 1915 года рождения. По архивным документам Министерства обороны СССР, числятся командирами 2-го батальона 895-го стрелкового полка в октябре 1942 года лейтенанты Кашин и Спиридонов, но который был с нами, я не знаю.

Спали мы по очереди, не выпуская винтовки из рук. На головы надевали каски, под каску клали кирпич. Однажды откуда-то принесли баян, самовар и полный мешок различного тряпья. Оказалось, недалеко от фабрики-кухни вывернуло снарядом из земли очень много вещей. Там было все: от женских туфель до красного бархата и белого материала. Тряпки намгодились для перевязки раненых, и самовар пришелся кстати.

В подвале оказалась яма с водой. Какая была вода в ней, никто не знал, а пить хотелось. Вот здесь нас и выручил самовар. Правда, у многих после употребления этой воды получилось расстройство желудка. Питание доставлять было очень трудно. Хлеб нам приносили в мешках, получали только корки да крошки.

С перебоями в питании еще можно было мириться, нужнее были боеприпасы. Нужны были гранаты, патроны, без них, каждый понимал, может случиться непоправимое.

2 октября немцы наносят комбинированный удар. Над нами пролетают «юнкеры» — эскадрилья за эскадрильей. Они принимают боевой порядок, ведущий самолет круто пикирует, воеет сирена, от самолета отделяются бомбы. Издали они кажутся черными точками. Не успеет раздаться взрыв, как самолет взмывает вверх, а к земле идет другой. Бомбы летят вниз с ревом и свистом.

После бомбежки немцы пошли в очередную атаку. И она была отбита. Но полк понес большие потери. Раненых почти нет. Люди умирают, но не отступают.

Опять появляются «юнкеры». Они бомбят тылы и переправу, по нам бьют артиллерия и минометы.

Появились танки. Слышу команду приготовить гранаты. Бойцы обрушивают по пехоте шквал ружейного и пулеметного огня. Через несколько минут завязывается рукопашная схватка. Наши бойцы отбиваются штыками и прикладами. Многие горько сожалели, что еще в пути на фронт бросили штыки. У немцев появляются все новые и новые цепи атакующих. Наши по одному начинают отходить.

8 октября фашисты продолжали рваться к Волге. Пьяные, они, не сгибаясь, шли во весь рост, стреляя на ходу.

В этот раз они нас чуть не выбили с фабрики-кухни. Гранат больше не оставалось. Дело дошло до рукопашного боя. 6-я и 7-я роты, державшие оборону фабрики-кухни и банн, были смяты, часть людей успела отойти к котельной. Ее мы никак не могли отдать фрицам. В котлах мы брали воду для питья.

Однажды вечером, после отражения очередной атаки фашистов, пришел к нам командир полка майор Ворожейкин. Без шинели, в фуражке, он говорил быстро и громко. Спросил, как идут дела, в чем мы нуждаемся.

Мы, как всегда, жаловались на недостаток боеприпасов. Я в это время лежал у пулемета. Он увидел меня и, спросив, как я воюю, залег к пулемету. Вместо меня ответил комбат. Он сказал, что сегодня хорошо работал «максим» во время отражения атаки.

Командир полка ходил к нам часто, но после этого посещения он у нас больше не появлялся. 20 октября я узнал от комбата, что майор Ворожейкин убит девятнадцатого числа.

Немцы штурмовали наш подвал каждый день. 11 октября фашисты снова пошли в атаку. Силы неравные, но был приказ: ни шагу назад, и мы его выполняли. Чудом уцелевший пулемет Карпова помогал отражать очередную атаку. Снарядами из танка разбита стена. Карпов вместе с пулеметом оказался под стеной. Так погиб отважный пулеметчик.

В строю остался только один мой пулемет, но и его в этот день «изранило» осколками снаряда. Произошло это так: примерно в двух метрах разорвался снаряд, «максим» замолчал. А мне повезло, легко контузило, но все же пришлось полежать в подвале, пока не прошел шум в голове. Потом «максимку» подлечили. Сначала пробойны в кожане залепили хлебом и завязали тряпками, но вода все равно просачивалась, тогда мы выстрогали палочки и забили их с тряпками.

Из пулемета теперь можно было короткими очередями стрелять. 14 октября его уничтожило прямым попаданием, я в это время был в подвале, набивал патронами ленты.

13 октября вечером из КП полка сообщили комбату, что немцы утром начнут наступление почти на всем фронте. Немцы кричали из своих окопов:

— Рус, завтра будешь буль-буль в Волге.

Они были так уверены в победе, что открыто кричали о своем наступлении. И даже сообщили, что в нашем полку осталось всего 82 человека.

Утром началась артподготовка. Ровно в девять часов немцы силами до двух полков автоматчиков и при поддержке 40 танков пошли в наступление. (О количестве танков и пехоты я узнал от комбата после боя.) Загрохотали фашистские танки. Они на ходу вели огонь из пушек и пулеметов. Самолеты большими партиями заходили на бомбежку наших тылов. Комбат был у телефона и кричал в трубку:

— Дайте сапоги, сапоги износил, пальцы голые!

Но ему отвечали, что сапоги (то есть боеприпасы) пужны не только ему...

На всем участке шли тяжелые бои. Но все же к нам пробрались два бронейщика. Притащили противотанковое ружье и несколько гранат. Очень трудно описать ход этого боя. Кругом стрельба, свист пуль, грохот. Немцы применяли разрывные пули. Ударяясь о развалины, пули рвались и издавали своеобразный звук-щелчок. Слышны стоны и отдельные выкрики.

Бойцы автоматным и винтовочным огнем отражали атаку врага. Я не мог дотронуться до ствола винтовки, так он накалился от непрерывной стрельбы. Даже накладка не могла предохранить руки от ожога.

После контузии я лежал у восточной стены фабрики-кухни. Немцы продолжали на нас нажимать. На левой стороне железнодорожной ветки, из-под угла покосившегося деревянного дома застрочил немецкий пулемет. Мне это было видно хорошо, так как расстояние было небольшое, всего метров сто. Прицелился, выстрелил. Вспышки прекратились, вероятно, я убил пулеметчика, ибо вскоре к пулемету стал пробираться другой фриц. Я и по нему выстрелил, фриц упал и лежал неподвижно. Вскоре из-за угла дома показались еще два немца. Снова нажал на курок, и еще один фашист упал, но после он перевернулся и пополз за дом. Я сделал еще несколько выстрелов, но промахнулся, сильно волновался. Вскоре ко мне при-

шел старший сержант Грибель. Он мне помог перебраться обратно в подвал.

К середине дня 14 октября немцы взяли кочегарку. Только одному красноармейцу Зайцеву удалось выбраться из нее живым. Ночью комбат послал связного в КП полка с донесением и, вероятно, с просьбой о подкреплении, так как примерно часа через два к нам пришло человек десять автоматчиков, их привел младший лейтенант Карпов.

Автоматчики принесли нам патроны, гранаты и бутылки с горючей смесью. Мы сразу же двинулись отбивать кочегарку. С криками «ура!» бросились в развалины котельной. Завязался бой, немцы отступили.

Продолжали дымить два подбитых танка. На правом фланге фашисты заняли наши окопы, но бой продолжался, правда, уже не с такой силой, каким он был в начале дня. Под вечер немцы опять вынудили нас уйти из кочегарки фабрики-кухни. Справа нас обошли немецкие автоматчики. Слева почти все бойцы погибли: только один кто-то короткими перебежками отходил к Волге. Наш левый фланг оказался открытым врагу.

Комбат сообщил обстановку на КП полка. Почти одновременно связь была прервана. Комбат послал связного, но он был убит. Пройти уже было невозможно. Вот так мы, оставшиеся в живых несколько человек, оказались в подвале фабрики-кухни. Из наших бывших курсантов оставались только Алексей Бочкарев и Сергей Кобелев, а фамилий остальных не помню. Это были бойцы из группы младшего лейтенанта Карпова. Среди нас были и раненые. Комбат ранен в ногу осколком гранаты. Старшему сержанту Грибелю поцарапало голову. Бутаков тоже что-то хромал, я ощущал последствия контузии. Мы поняли, что вырваться из подвала днем будет трудно, решили пробиваться ночью.

Подобрали последние патроны и гранаты. Продуктов у нас не было, а яму с водой окончательно завалило об-

рушившимся потолком. Пробовали откопать, но там оказалась только земляная, перемешанная с известью кашка. Комбат распределил, кому какое окно охранять, а сам взял на себя северо-восточную дверь. Ночью пробовали пробиться, но не удалось, и нам пришлось опять уйти в подвал. Так мы просидели всю ночь. Рано утром немцы стали нас забрасывать гранатами, но в подвале от гранат можно было укрыться, а осколки нам были не страшны.

К вечеру патроны были на исходе. В здании котельной наши саперы установили фугасы. Аппарат для осуществления взрыва находился у нас в подвале, но почему-то взрыва не произошло. Вероятно, был перебит кабель или немцы обнаружили фугасы и обезвредили. Утром 16 октября одного нашего бойца тяжело ранило, он стоял и просил пить. Во рту приторно горько, от жажды кружится голова.

Поняв, что они не смогут уничтожить нас гранатами, немцы подошли к окну танки и стали стрелять из пушек. Но мы перебежали в угол за железобетонную лестницу. Ее можно было разбить только прямым попаданием. Правда, очень неприятный запах от взрывчатки и дыма, но ничего не поделаешь...

Поднялась пыль, ничего не видно. Немцы стали спускаться в подвал, мы открыли огонь. Решили, что если не пробьемся, то умрем в подвале.

Автоматчиков можно было бить из винтовок, но вот с танками бороться труднее. Гранат у нас не было. Но помню, кто-то нашел одну гранату в ванной. Нужно было хорошо использовать эту единственную гранату. Комбат приказал Бочкареву уничтожить ею фашистский танк, который нас сильно беспокоил. Мы посадили Бочкарева в окно. Сильным броском он кинул противотанковую гранату под гусеницу танка. Немцы не ожидали такого смелого поступка. Даже не стреляли, и только когда разорвалась граната, открыли из автоматов огонь. Бочкарев уже

спрыснул в подвал. Позднее мы узнали, что у танка лопнула гусеница.

Вечером немцы подбитый танк уволокли за развалины котельной. Пошли вторые сутки битвы за подвал. Ни днем ни ночью не прекращался бой. Помню один случай. В окне с западной стороны подвала показалась рука фашиста. В ней черный пакет. Вот он упал в подвал, но взрыв произошел не сразу, я успел перебежать и залечь за большую чугунную трубу, лежавшую в подвале.

Однажды над моей головой застрочил пулемет. Я видел в окне пламя и ствол пулемета. Мой напарник, который следил за этим окном, молча показывает знаками: сиди, мол, и не шевелись. Он прицелился из винтовки и выстрелил в фрица. Фашист рухнул ко мне в подвал вместе с пулеметом. У немца оказались несколько галет и фляжка с кофе. Кофе мы передали раненому товарищу. Ночью по фабрике-кухне ударила наша артиллерия. Немцы стихли. Утром по ним ударили наши «катюши». Хорошо стреляли. Весь подвал трясло как в лихорадке.

Немцы стали перебегать в котельную фабрики-кухни. Часов в пять утра с нашей стороны стали раздаваться автоматные очереди. Оказалось, что это шло к нам подкрепление. Вел эту группу молодой лейтенант. Очень жаль, что его фамилию я не помню. Он никогда не сидел на одном месте. Если он не строчил из автомата, то лез с противотанковым ружьем на разрушенную лестничную клетку. Этот лейтенант был родом из Сталинграда, здесь закончил военное училище.

Бывший начальник штаба 184-го отдельного пульбатальона С. Н. Бойко только через 22 года рассказал мне, что командование 184-го пульбата знало о нас и он лично добился у командира дивизии генерал-майора Ф. Н. Сметхотворова выделения группы бойцов, которая пришла к нам на помощь.

Немцы продолжали атаки 17 и 18 октября. Лейтенант из противотанкового ружья подбил фашистский танк, про-

тивотанковую пушку. Я увидел его вечером вместе с комбатом в подвале, у него уже была перебинтована голова.

19 октября рано утром началась артподготовка. Снаряды и мины с каким-то сухим звуком рвались вблизи нас. Справа от фабрики-кухни вижу танк, идущий на полном ходу. Танковая пушка изрыгала струи огня, поливая нашего правого соседа раскаленным металлом, но там пока оборона жила. Только под вечер перестрелка затихла. В этот день мы отбили несколько атак.

Мы потеряли счет дням. Ночью темнота — хоть глаза выколи. Ветер воровато шарит по подвалу, становится прохладно. А у солдата ничего нет, кроме шинели. Начинают мерзнуть ноги и руки. Пилотка не спасает голову в прохладные октябрьские ночи.

20 октября бои были похожи на предыдущие. 21 октября днем немцы у нас опять отобрали котельную. Мы снова лишились воды.

Вечером комбат собрал нас человек шесть, объяснил положение и поставил задачу: во что бы то ни стало котельную взять и закрепиться в ней.

Мы прихватили каждый по несколько гранат РГД-33, по одной бросили в развалины котельной и следом за разрывами бросились туда. Комбат остался у входа в подвал с пистолетом в руке. Это был для меня последний бой в Сталинграде.

Когда я добежал до развалин котельной, увидел, что один фриц бежит прямо на меня. Он, вероятно от неожиданности, заорал каким-то нечеловеческим голосом и быстро бросился в сшибленную дымовую трубу, но моя пуля догнала его. Это произошло за какие-то секунды.

Затем засвистели пули над моей головой и защелкали по стене котельной. Фрицы били откуда-то с севера. Вторая очередь ударила около моих ног. Я упал за груды щебня, но одна пуля пробила мне правую ступню. Во многих местах разорвало шинель и брюки. В ноге боли я не чувствовал, но ощущение такое, что ее нет. В развалинах

никого не вижу, но слышу голос Сергея Кобелева. Оказалось, что его ранило осколками разрывных пуль. Он весь в крови. У меня в ноге началась сильная боль. А ползти невозможно, немец все время строчит из пулемета.

Но что-то надо делать, под пулями сидеть не очень приятно. Тогда я решился на отчаянный рывок. Быстро вскочил и, несмотря на раненую ногу, пробежал обратно в подвал. Вернулся и Кобелев. Остальные остались в котельной. Немцы отступили. Комбат сказал, что выносить меня некому, и предложил самому ползти на переправу. Нога страшно болела. Сильно хотелось пить, но воды не было. Когда стемнело, я простился с комбатом и выполз из подвала.

Наверху меня догнал Грибель. Он вернулся из котельной проводить меня. Дал мне тряпку перевязать ногу.

Захватил с собой винтовку: мало ли что могло случиться по дороге на переправу. Без оружия солдату остаться нельзя.

Пополз. Руки и колени в грязи. Кругом воронки, ямы и развалины. В одной из воронок переждал артналет и дальше. Мне навстречу попался солдат. Он объяснил, как найти дорогу в медсанбат.

По его словам, медсанбат находится в мартеновском цехе. Полз долго. Спина стала мокрая от пота. У разбитого здания встретил трех бойцов. Они сидели около стены и курили. Сказали, что медсанбат два дня назад выехал за Волгу. Показали дорогу дальше. Ночь была темная, шел дождь. И вот я у берега Волги. Спустился по деревянной лестнице и оказался около воды. Ко мне прибежала девушка-санитарка:

— Вас перевязать?

Перевязка мне не требовалась, но сильно хотелось пить. Я попросил девушку принести воды, но котелка ни у меня, ни у нее не было. Тогда я снял с головы каску. Девушка принесла мне в ней волжской воды. Пополз к ящикам из-под боеприпасов. Дождь усилился, шинель моя

промокла. На рассвете подошел боец-санитар и спросил, тяжело ли я ранен, но в то время я и сам не знал, как ранен: легко или тяжело. Я считал тяжело ранеными тех, кто не мог совсем двигаться, а я сам мог ползти, поэтому ответил ему, что не знаю. Но нога была разбита и сильно болела. Санитар посадил меня себе на спину и понес на бронекатер. Положил около носовой пушки. Катер отошел от берега.

В медсанбате мне наложили шины. Помню, я пытался сорвать бинты: уж очень нестерпимо болела нога. Из медсанбата меня на грузовой машине привезли в Ленинск. Там целые сутки я лежал в кинотеатре, прямо на полу, на соломе. Раненых было очень много. Оказалось, отправлять нас в госпиталь пока нет возможности: немецкие самолеты все время кружили над станцией. Но вот наконец началась погрузка раненых в эшелоны. До рассвета мы уже были в пути. На колесах пробыл девять суток. Санитарный поезд шел на Урал. Часто подходил ко мне врач, смотрел ногу и задавал один и тот же вопрос: «Как вы себя чувствуете?»

Чувствовал я себя плохо, и меня сняли в Уральске. В госпитале я пролежал полгода, и 11 июля 1943 года был опять на передовой. На этот раз под Снявино, на Ленинградском фронте. За снявинские бои получил медаль «За боевые заслуги».

Участвовал в боях под Нарвой в составе 2-й ударной армии, в освобождении городов Эстонии. 20 сентября 1944 года я был снова тяжело ранен. Пока лежал в госпитале, кончилась война.

В ГОРЯЦЕМ СТАЛИНГРАДЕ

Владимир Витальевич Лямин. Родился на станции Ферма Верхнемуллинского (ныне Пермского) района. В 1942 году был призван в армию, направлен в Пермское пулеметно-минометное училище.

Боевое крещение получил в боях за Сталинград, где был тяжело ранен. После выздоровления до конца войны старшина Лямин оставался на передовой. Награжден орденом Красной Звезды, орденом Славы III степени, медалями.

В послевоенное время работал инженером-механиком. Умер в 1982 году.

Начался 1942 год. Полгода уже идет война. Нельзя в такое время быть вдали от мест, где решается судьба Родины. И вот я, учащийся третьего курса Пермского речного техникума, подаю заявление в военкомат с просьбой о досрочном призыве. Вызывают. Прохожу комиссию. Годен. Прошу направить в летное училище. Хочу быть летчиком, как и мой брат Юрий, который уже воюет в одном из истребительных полков ПВО.

Но мной судьба распорядилась иначе. Лишь через три месяца, 15 марта 1942 года, меня призвали в армию, и я получил направление в пулеметно-минометное училище в городе Перми.

Почти дома, до него по железной дороге несколько километров. Ну что же — буду пулеметчиком. Началось формирование подразделений. Командиры взводов и выше есть в штате училища, а младший командный состав — из курсантов. Меня назначили командиром отделения и через 10—15 дней присвоили звание младшего сержанта.

Началась упорная учеба. Народ в батальоне весь наш, пермский, — из нашего Верхнемуллинского района есть человек двадцать. Изучаем уставы, несем патрульную службу, зубрим материальную часть оружия вообще и пулемет «максим» в особенности, немало занятий и в поле, особенно строевой подготовки. Маршируем так, что в голове звенит. А начальник училища посмеивается и говорит, что от хороших строевых занятий не только ноги и голова должны болеть, а и еще кое-что. Овладеваем военной наукой. Готовимся стать командирами пулеметных взводов. Знаем, что неумелый командир пользы не принесет — сам раньше времени умрет и своих людей погубит.

Наступил август. Ходят упорные слухи, что учебу не закончим. На фронте дела не блещут. Фронт требует пополнения.

Действительно, выстраивают однажды, зачитывают фамилии направляемых в действующую армию. В заветном списке меня нет. Что делать? Обращаюсь с просьбой направить и меня. Отказывают — здесь нужен. Успокаивают: еще два-три месяца, закончишь училище и туда же поедешь. Нет, думаю, ждать нельзя, тем более, что из нашей роты едет процентов 90. Добрался до начальника училища. Выслушал, выругал, выгнал. А утром, когда стали выстраивать отбывающих, вызывают и меня.

Хватаю немудреное солдатское имущество и — в строй. Короткий митинг, напутственные слова комиссара. Духовой оркестр заиграл марш, и колонна тронулась. Открываются ворота. Выходим. Вся улица запружена народом. Это родные пришли провожать. Ищу глазами своих. Нет,

не видно. Замолк оркестр. Слышен женский плач. Это матери и жены. Идем молча. От плача кругом начинает в горле поскребывать. Хорошо, что временами оркестр играет, а перерывы заполняем песней. Начинаем со своей любимой:

Урал! Сыны твои клянутся,
Что будут все героями страны!
Урал! С победою вернутся
В родимый край отважные сыны!

Гремит над городом:

Недаром мы, товарищи, с Урала,
Недаром мы прикамские бойцы...

Вот и вокзал Пермь II. Эшелон уже ждет. Быстро грузимся в вагоны. Народ кругом. С отправкой что-то задерживают. Скорей бы уж. Долгое прощание — лишние слезы. Ребята стараются держаться, но улыбок все меньше.

Наконец тронулись на восток. Значит, мимо дома проеду. Через 10—15 минут станция Ферма. Быстро готовлю письмо. Пишу коротко: еду на фронт. Сворачиваю солдатский треугольник, вкладываю в него пятак для весу, знаю: бросать придется на ходу. Точно, станцию Ферма проходим, не сбавляя скорости. К ногам дежурного бросаю письмо. Смотрю: качнулся, взял. Все в порядке.

Куда же едем? Проезжаем Кунгур, Свердловск. Ну, думаем, дальше — Сибирь. Посмотрим тайгу сибирскую. Едем. Ничего подобного. Никакой тайги. Даже хвойных деревьев мало, все больше береза.

Наконец город Курган. Команда выгружаться — значит, приехали. Строимся, идем через город. Занимаем землянку. Вскоре построение. Оглядываемся, что-то нас стало мало. Значит, и в другие места наши пермяки поехали. Появляются командиры.

Узнаем, что мы теперь 184-й отдельный пулеметный батальон 193-й стрелковой дивизии генерала Ф. Н. Сме-

хотворова. Комбат наш — лейтенант, начальник штаба — старший лейтенант, ротные и взводные в основном младшие лейтенанты. Звания невысокие. Комбату отдельного батальона, по мирному времени, надо было быть, по крайней мере, капитаном. Но удивляться скоро перестали. Дивизия, оказывается, с фронта. Была на Калининском. Ясно, что с ней должно было случиться, раз она на переформировке. В боях гибнут ведь не только солдаты. Многие из командиров уже понюхали пороху. Комбат из этой же дивизии, а остальные в основном из госпиталей, начштаба успел повоевать в Одессе и Севастополе.

Начались солдатские будни. Получаем оружие — пулемет «максим», десяток коробок с лентами патронов, винтовки и прочее имущество.

Я опять командир отделения, помощник командира взвода. В отделении со мной пять человек. Первый номер Н. Няшин, на гражданке жил в трех километрах от меня, второй номер П. Бажуков — тоже наш, из училища, и двое подносчиков патронов. Положены нам еще седьмой и лошадь, но говорят, что по военному времени и без них неплохо. Неплохо-то неплохо, а как прикинул — получается тяжело: «максим» более 60 килограммов, коробки с патронами — 120, в своем мешке полпуда, лопата, противогаз да винтовка. Но успокоили: патроны повезут в обозе.

Началась короткая пора учебы и сколачивания подразделений. Осмотрелись. Дивизия формируется по-серьезному. Пулеметчики, минометчики, артиллеристы в основном курсанты училищ. Пехоты много. Моряков в тысячи две. А всего что-то около 12 тысяч человек. По военному времени, такая дивизия редкость. Значит, в спокойное место не пошлют.

Вот и 31 августа — мой день рождения. Уже 19 лет. Праздновать не пришлось, так, кружкой чая чокнулись. А числа 10 сентября ночью построились, взвалили свое имущество на себя и — на вокзал.

Опять едем. Куда? Никто не говорит. Ясно: военная тайна. Но вот Челябинск, Саратов, Ртищево, Балашово, а потом обратно в Саратов и на астраханскую ветку. Ну, значит, в Сталинград. По сообщениям печати и радио, самое серьезное место.

Появились немецкие самолеты. Бомбят и обстреливают. При налетах выскакиваем из вагонов и в степь — недалеко, метров 100—200 от эшелона. Все кончалось благополучно, но однажды фашист накрыл из пулеметов группу солдат. Похоронили шесть человек. Жаль ребят. Не сделали ни одного выстрела, живого фрица не видали и погибли.

Вот и Ленинск. Выгружаемся. До Сталинграда надо идти пешком. И не просто идти, а поторапливаться: там очень плохо. Нас ждут. Идем всю ночь. Спешим. Пулеметы и вся поклажа — на спинах. Часть патронов везут на повозках, с нами всего четыре коробки с лентами. Многие засыпают на ходу. Хорошо, что у дороги глубокие канавы. Сойдет сонный солдат с дороги, забредет в канаву, споткнется, проснется и бегом в колонну — ищет свой расчет.

Изредка привалы. Курим в рукав. До врага недалеко. Уже слышен какой-то неясный, но мощный гул, и небо на западе необычного цвета — исчерна-багровое. Там Сталинград.

Забрезжил рассвет. Еще ночью заметил: по обочинам дороги стоят какие-то щиты с надписями, но прочесть ничего нельзя — ночи здесь удивительно темные. Но теперь уже кое-что различить можно. Подхожу к одному из них. Читаю: «В бой, товарищи! Никакой пощады врагу!» И на следующих: «Не жалея сил, презирая смерть, не допустим немцев к Волге, не сдадим Сталинград!», «Умрем, но отстоим Сталинград!», «Стоять насмерть, но врага не пропустить!», «Товарищ! Если ты не остановишь врага в Сталинграде, то знай, что он придет в твой дом и разорит твое село!», «Воин! Родина-мать не забудет твой подвиг!» и многие другие. Хорошие призывы — до сердца доходят.

До города недалеко, но останавливаемся: идти дальше опасно. Видимо, здесь часто бомбят. По дороге и обочинам и дальше, в степи, много воронок от бомб. Вот по дороге на большой скорости промчались «катюши» и юркнули в рощу. Сейчас же появились штук 10—15 немецких бомбардировщиков. И опушка превратилась в вулкан: грохот, огонь, дым и туча песка в небе.

Казалось, там все погибло, но нет. Видим, как выскакивают из этого хаоса машины и мчатся в разные стороны, ища укрытия в кустарниках. Пережидаем до вечера. Политрук рассказывает, что ночью мы должны переправиться в город. Там идет большой бой. Наш 685-й полк уже дерется в городе на левом фланге дивизии Родимцева. Полк освободил несколько улиц и отогнал противника с берега Волги.

Вечереет. Подходим к реке. Видим на противоположном берегу большой город — он весь в огне, небо от пожаров багровое, слышим гул боя: взрывы бомб и снарядов, пулеметные очереди, винтовочные выстрелы. Чуть правее от нас, в городе, на том берегу, небольшая гора, строений на ней не видно. Говорят — Мамаев курган.

Стемнело. Пришел приказ переправляться в город.

Тронулись. Идем берегом. Этот (восточный) берег пологий и песчаный. И не совсем голый, есть кустарники и даже деревья.

Ночь. А довольно светло. Горящий город освещает реку, вода кажется красноватой. Порой немецкий самолет подвешивает на парашюте осветительную ракету. Становится минут на 5—10 светло, как днем. На реке рвутся мины и снаряды.

Ноги утопают в песке. Кажется, кроме нас, тут никого нет. Тихо на нашем берегу. Но это не так, народу здесь много — сидят под деревьями, кустами, в ямах, окопах и просто в воронках от бомб и снарядов. Наверное, это бойцы нашей дивизии. Ведь где-то здесь два наших полка. При свете ракет хорошо виден берег, на нем много разби-

тых лодок. Вдруг впереди что-то зашипело и засвистело, точно не один десяток паровозов выпустил пары. Через Волгу полетели огненные ленты. Это «катюши» ударили по Мамаеву кургану. Смотрим туда, где падают мины «катуш». Все в огне. Впечатление сильное. Но почему наши «катюши» бьют по Мамаеву кургану? Ведь это недалеко от Волги, километра полтора, от силы — два. Неужели немцы уже там?

Догоняет политрук Одинцов. Прошу рассказать о положении в городе. Коротко, на ходу, знакомит: город обороняет 62-я армия, она с севера и юга отрезана от соседних армий, противник занял значительную часть города. Против нас Мамаев курган. Наши обороняют его восточный склон, западный в руках противника, за его вершину идет многодневный упорный бой, но занять ее прочно никто не может: она то у нас, то у немцев. Левее кургана на узкой полосе берега, на набережных улицах — наши, дальше к югу — немцы. На самом берегу сидят.

Мы будем оборонять завод и поселок Красный Октябрь. Там сегодня сравнительно тихо, но, по данным разведки, основной удар противник переносит туда.

Смотрим на завод, он теперь как раз напротив нас. На фоне пламени пожарищ четко видны заводские корпуса, особенно выделяются высоченные заводские трубы. Их много, около двух десятков. Правее этих труб, примерно в километре, еще трубы — это завод «Баррикады». Тут где-то и наша переправа.

Идем быстро. Уже часа два ночи. До рассвета надо быть в городе. Днем не переправиться. Река вся простреливается, да и авиация противника непрерывно бомбит.

Слышится команда: «Стой!» Привал. Говорят, пришли. Здесь переправа. Осматриваюсь. Никакой переправы нет. Ни парома, ни катеров не видно. На берегу одни разбитые лодки и плотики.

Подходит Петр Бажуков, спрашивает меня:

— Младший сержант, у тебя что в противогазной сумке?

— Как что — противогаз.

— Выбрось, он там не нужен. Там фрицы и наши друг на друге сидят. Своих травить фашист не будет. Посмотри под деревья.

Смотрю, и верно: в кустах и под деревьями кучи противогазов и все без сумок. Кладу и свой туда. Набиваю сумку гранатами. По примеру других, быстро надеваю запасное чистое белье, старое бросаю. Мыться в бане там все равно не придется. В вещмешок насыпаю патронов.

Звучит команда. Откуда-то из кустов саперы выносят лодки, их много. Быстро грузимся и сразу же отплываем.

Посыпались мины — вода кипит, значит, видит нас фашист. Помогаем гребцам, гребем кто лопаткой, кто каской, но, кажется, лодка еле движется. Наконец берег. Спешно выгружаемся. Лодки тотчас же уходят. Надо спешить. Бежим. Пробежали метров 200. Опять вода. Оказывается, мы на острове. От острова на ту сторону пешеходный мостик: бочки, а по ним настил не шире метра. Настил скрыт под водой сантиметров на 10—20. Для сохранности мостика это хорошо, а идти по нему трудно. Дует сильный ветер. Мостик под ногами ходуном ходит. Друг от друга держим дистанцию метров 20. Иначе нельзя — мостик глубже уходит под воду. И так в сапоги заливают. Ну вот и берег. Натякаюсь на плакат «Сталинград не будет сдан, могилой станет фашистам Волга!». Поднимаемся кверху по крутому обрыву. Опять лозунг «Будем стоять насмерть, за Волгой для нас земли нет!». Вот это, пожалуй, правильно написано: немногие увидят левый берег.

Мы в Сталинграде! Чувствуется сильный жар от горящих деревьев и зданий. Идем на завод. Кругом развалины, деревянные дома горят, от каменных — одни стены: нет ни крыш, ни окон, ни дверей. Одни скелеты стен с черными глазницами вместо окон. Улицы разворочены взрывами, завалены рухнувшими зданиями, газоны и скверики

изрыты траншеями. Светло как днем. Ветер гудит и с силой несется к Волге вдоль горящих улиц, обильно осыпает нас искрами. Вот и завод. Бежим вдоль его ограды. Проходная. Забегаем. На заводе пусто. Нет никого. Значит, здесь еще не передовая. Занимаем позиции.

Мой пулемет устанавливаем в окне первого этажа углового дома по улицам Центральной и Тимирязева. Прямо под нами железная дорога, выходящая с северо-западного угла завода. День прошел тихо. А вокруг нас не далее чем в двух километрах весь день шел ожесточенный бой. От проходящих мимо нас раненых узнаем, что наши войска с раннего утра перешли в атаку, но натолкнулись на встречное наступление противника. Вынуждены остановиться, и к вечеру отошли на западную окраину поселка. Это уже совсем рядом. Немного нервничаем. Нашим тяжело, а мы сидим. Правда, все время наготове. Прорыв противника к нам возможен в любую минуту. Поселок не велик, танк может проскочить его за десять минут. За нами никого нет. Наши два полка еще на восточном берегу, одна рота нашего батальона на острове. Ночью подойдут. Завтра и нам будет не скучно. Сидим. Слышу, на втором этаже кто-то поет:

Я не расслышал слов твоих, любовь моя,
Но знаю, будешь ждать меня в тоске.
Не лист багряный, а наши раны
Алели на речном песке.

Изрытая снарядами, стонала степь,
Стоял над Сталинградом черный дым.
И долго-долго над грозной Волгой
Мне снился Дон и ты над ним.

Задушевная песня. Надо посмотреть, кто там. Поднимаюсь на второй этаж. Пулеметный расчет нашей роты. Пел Иван Караваяев — мой друг по училищу, в одном взводе были.

— Иван, — говорю, — ты почему замолчал?

— Дальше, — отвечает, — слов нет. Слышал эту пес-

ню от раненого солдата, к переправе брел, конец, видимо, в госпитале допишет.

Настала ночь, в поселке бой шумит. Правда, стало тише, чем днем. Это потому, что бомбежка прекратилась. Но темноты нет, горит поселок.

В полночь видим: мимо нас идут солдаты. Это наши полки переправились. Снимаемся с места и мы. Нагрузились до отказа. Обозной лошади здесь нет. Все на себе. Идем по улице Центральной. Переходим еще одну железную дорогу. Берем влево и по оврагу — на запад. Не прошли и полкилометра, как ввязались в ночной бой. И не поймешь, противник ли наступает, или мы его из поселка вышибаем. Вроде бы мы. До утра позиций десять сменили, вышли почти на самую окраину поселка. Под утро маленько тише стало.

Разобрались. Узнаем, что поддерживали ночью 883-й стрелковый полк нашей дивизии, а 895-й полк — правее нас за Центральной улицей, ближе к заводу «Баррикады». С ним другая наша рота, а где третья — никто не знает. Да и разобраться вообще трудно. Поселок пылает, улицы все завалены, вообще свалка какая-то. Расчеты нашего взвода нашел, а остальные взводы роты неизвестно где. Но где-то здесь: один правее нас, другой левее. Ищу Мамаев курган. Вот он. Далеко сзади нас и слева. Получасм приказ занять оборону. Забираемся в развалины, маскируем пулемет. Садимся заряжать ленты. С утра их много потребуется. Заряжаем и потихоньку поминаем недобрым словом конструктора, который ленты из парусины придумал: патроны в гнезда не идут, каждое гнездо надо правилкой расширить, а потом уже патрон вставить. Тяжелая работа. Руки смозолили до крови. В каждой ленте 250 патронов, а мы их за ночь семь штук опорожнили. Часа за два справились. Оглядываемся. Где же наши танки? Нам сказали, что здесь сражается танковый корпус. Но ни людей, ни танков не видать. Подходит взводный. Спрашиваем про танки. Говорит, что вче-

ра в корпусе было их штук пятнадцать, а теперь вроде ни одного целого не осталось, а людей и вовсе нет. Геройски дрались вчера днем танкисты и почти все полегли.

Наступает утро 28 сентября. В небе появился самолет необычной формы: называем его «рамой». Немецкий разведчик над нами кружит, а это плохой признак: не пройдет и полчаса, как нас бомбить начнут. Точно, только «рама» улетела, появилось штук 30 бомбардировщиков. Началась бомбежка. Одна партия уходит, а другая уже тут. Не бомбят, а пашут, развалины переворачивают. Артиллерия духу поддает. Минометы работают. «Ванюша» скрипит — неприятный звук, словно кто-то огромные листы железа друг о друга трет или что вырывает со скрипом.

Вот и атака. Появляются танки. За ними пехота. Идут плотно, рукава засучены, почти у всех автоматы. Огонь ведут сильный и на гранаты не скупятся. Накрываем их из пулеметов. Падают. Думаем, всех уложили. Нет, через минуту поднимаются, и не заметно, чтобы их меньше стало, вроде даже прибавляется. Строчим без передышки. Вот наконец из трех танков два горят. Один отходит, за ним — и пехота. Теперь видно, что не зря трудились: много немцев лежать осталось. Беремся за зарядку лент, почти все расстреляли. Поглядываем в небо: опять «рама», потом бомбежка, снова танки и пехота. И так раз восемь за день.

А бомбят по-особенному. Со стороны, наверное, посмотреть интересно. Ну, а нам, конечно, интерес не велик. Становятся в круг и друг за другом пикируют. Бьют в один квартал, а следующая партия — в другой. Шасси при пикировании не убирают, за что зовут их «лапотниками», заводят сирену, воеет она явно немелодично, но терпеть можно. Рассчитывают на слабонервных. Но таких у нас нет.

За день позиции удержали. С наступлением темноты пришли саперы, расставили мины по переднему краю.

Ночь прошла беспокойно. Враг обстреливал из минометов и орудий непрерывно. На позициях противника всю ночь слышатся шум моторов, гортанные голоса: подтягивают резервы. Завтра денек будет жаркий.

С утра началось все так же, как и накануне, с той лишь разницей, что танков и пехоты у противника значительно больше, чем вчера, да наступал он упорнее. Особенно с юго-западной стороны поселка — от Банного оврага и по улице Карусельной. Улицу эту не зря так назвали. Карусель была настоящая.

Прижал фриц нас здорово. Несколько раз выбивали его с занятых позиций. Но к ночи узенькая полоска домов с запада и угол слева остались у противника. Ночью пытались исправить положение, несколько домов освободили, но полностью поселок очистить не удалось. За два последующих дня противник еще углубился в поселок, теперь передовая идет по Шмеринской, Угольной до Карусельной и по Айвазовского — до Банного оврага.

Бои идут и днем и ночью. Трудно приходится. Противника бьем, но и у нас потери большие. От полка остался неполный батальон.

Но из девяти «максимов» слышу только четыре или пять. В нашем взводе пулеметы целы, но людей осталось меньше половины. У меня в расчете остались из пятерых трое: один подносчик патронов убит, другой ранен и отправлен в тыл. Живы и даже не ранены: я, Няшин и Бажуков. Бои идут по всему фронту дивизии.

Крепко штурмуют немцы и наш 895-й полк, особенно по оврагу, идущему между заводами «Красный Октябрь» и «Баррикады». Но туда 30 сентября подошел 685-й полк нашей дивизии, который с 24 сентября сражался в центре города. Там отошли совсем немного. Отошли — не то слово. Немцам удавалось продвинуться только там, где не было живых.

Начался первый день октября. Немцы атакуют пуще прежнего, а нас человек 400 на полтора-два километра

фронта. Это в городских условиях совсем мало. Но держимся, цепляемся за каждую развалину, каждый овраг. Надо удержаться, есть известие, что на заводе уже концентрируются части 39-й гвардейской дивизии.

Они будут оборонять завод и уплотнят наши порядки. Разведчиков со знаком «гвардия» мы уже видели. Сегодня днем при бомбежках, в перерывах между атаками, немцы попеременно с бомбами бросали рельсы, колеса от тракторов и других машин и даже простреленные бочки. Летит сверху на нас такая бочка, верещит на разные голоса. Ну, думаем, что-то новое фриц придумал — хуже бомбы. Разобрались. Пусть, думаем, эту дрянь кидает. И чем больше ее, тем лучше, нас больше в живых останется. Кидал весь день и листовки. Что только в них не написано: и что окружены мы полностью, и что танки немецкие уже за Волгой, для убедительности даже карта с обстановкой приложена, и пропуска для сдачи в плен, и даже частушки с карикатурами. Одна из них, помню, кончается так: «В Сталинград войдем с гармошкой». И радио сегодня агитацию передавало целый день. Зря они старались. Не помогло. За весь день сумели отнять у нас несколько домов, за что и расплатились большой кровью.

2 октября бой достигли наивысшего напряжения. Противник бросил против нас по улицам Библиотечной и Карусельной по десятку танков и много пехоты. Держаться против такой массы трудно. Но надо. Хорошо помогли нам бронебойщики и несколько 76-миллиметровых пушек.

Противник настолько близко сходил с нами, что из пулемета уже было невозможно наносить существенный урон. То и дело в ход шли штык и граната.

Пехоты осталось человек 200. Это значит: за пять дней боев только этот 883-й полк, который мы поддерживаем, потерял более двух тысяч человек. Чтобы помочь пехоте более ощутимо, за день сменили позиций пятнадцать, часто занимали позицию даже впереди ее, чтобы с фланга, кинжальным огнем разить врага. Собственно, как таковой

передовой линии уже не было, бой шел участками: за большой дом, за склон оврага, а то и просто за кучу развалин. Урон противнику нанесли огромный, но и сами к ночи оказались почти у железной дороги, что идет западнее завода. Ночью нас сменили гвардейцы 39-й дивизии. А мы заняли позицию на краю оврага. Перед нами не то площадь, не то большой пустырь. Два расчета нашего взвода справа от меня, слева в овощехранилище расчет друга И. Караваева.

Ночь прошла спокойнее предыдущих. По очереди сумели поспать часа по полтора. Немцы тоже измотались, но часовые, видимо хлебнув шнапсу, до утра наигрывали на губных гармошках. Я раньше думал, что губная гармошка — детская игрушка, а оказалось — настоящий музыкальный инструмент. Здорово они умеют на ней играть...

Часа в три ночи будит меня Николай Няшин и предлагает на немцев поближе посмотреть. Согласился. Поползли. До немцев рукой подать. Ползем тихо, каждый кирпич ощупываем. Иные с дороги убираем. Упадет, нашумит, всполошит фашистов раньше времени — назад не вернешься. Подползаем. Видим, сидят шесть человек и все на гармошках наигрывают, целый концерт задают, и изредка из ракетницы в нашу сторону постреливают. Прислушиваемся: нет никого рядом? Вроде нет. Готовим по три гранаты. Четыре подряд кидаем. Николай срывается с места — и туда, где сидели немцы. Через несколько секунд возвращается. Кидаем по последней гранате, больше для остротки, и бегом к своим.

Вернулись. Спрашиваю Николая, зачем он бегал. Показывает гармошку. Таких я не видел. Сантиметров сорок длиной, и ладов у нее больше полусотни. Вот чудак. Из-за этой игрушки могли убить.

— На войне, — говорит, — случается, и убивают.

А сам зубы скалит. Улыбается во весь рот. Доволен. Немцы, конечно, после нашего набега всполошились.

Открыли отчаянную стрельбу. Заработали минометы, и даже орудия ударили, но снаряды улетели куда-то за Волгу. Вскоре стало тихо. Успокоились.

Утром началось пуще прежнего. Видимо, немцы подкрепление получили. Спяну прут прямо на пулеметы. Бьем только длинными очередями, а иной раз гашетку не отпускаешь, пока лента не кончится, — иначе нельзя.

Замок плотно до ствола не доходит, и при окончании очереди рвется гильза, и часть ее остается в патроннике. Извлечь ее оттуда невероятно трудно. А немец не ждет. В такой момент переходим на гранаты. Хорошо, что у нас их неограниченное количество. Хороша в обороне граната Ф-1, большой урон врагу наносит.

В начале одной из очередных атак оборвало гильзу. Доставать обрывок некогда. Решил попробовать новый способ. Открываю крышку короба, с силой толкаю рукоятку вперед и медленно отвожу назад. Смотрю, на пуле очередного патрона обрывок гильзы. Быстро достаю этот патрон, передергиваю ленту — и пулемет заработал. Отбили атаку — пошел по соседним расчетам. Спрашиваю, есть ли обрывы гильз. Есть, говорят. Замучились. Объяснил ребятам, как новым способом быстро устранить такую задержку. Быстро все усвоили. Дело-то нехитрое. За такой способ извлечения гильз в тылу не один бы наряд отхватил или даже на «губе» насиделся, а здесь он нас всех здорово выручал.

Вот наступил небольшой перерыв. Только подумал, что немец сейчас обедать будет, а нас опять стали бомбить и из орудий обстреливать. Рядом раздался взрыв. Гляжу, а хранилище, в котором был расчет Караваева, обрушилось и из него дым валит. Бросаюсь туда, гляжу, в дверях лежит мертвый наводчик, каска в голову вдавлена, глаза из орбит выскочили. Гляжу дальше: из-под обрушившихся бревен сапоги виднеются. Разбрасываю бревна, тяну за ноги. Смотрю — Иван. Ничего не говорит, только гла-

зами моргает. Живой, значит, ташу к выходу. Надо поторапливаться: хранилище-то горит. Вытащил. Спрашиваю:

— Сколько вас?

Молчит, но два пальца показывает. Значит, двое было. Передаю Ивана подошедшему санинструктору и — к своему расчету. Только подбежал — взрыв. С ног сшибло. Лежу и думаю: «Убит, что ли? Но раз уж сам так думаю, значит, живой».

Поднимаю голову, кровь течет по лицу. Щупаю голову — тут, на месте, хоть и гудит в ней, как в пустой бочке, а кровь из носу идет, малость ноздрю поцарапало. Вскочил, чувствую, что-то с левой ногой неладно. Посмотрел — сапог распорот сзади от подошвы до икры. Осколок, видимо, попал. Но стоять могу.

Подбегает взводный. Кричит:

— Бегом с расчетом в соседний овраг! Там немцы провались!

Хватаем пулемет и — туда. Это рядом, метрах в пятидесяти. По оврагу человек двадцать немцев на нас бежит. Быстро устанавливаем пулемет и — длинной очередью. Попадали они на землю. Лежат, в нас не стреляют. Притворяются, думаю, всех сразу убить мы не могли. Бросаю гранату. Человек семь соскочили и ходу от нас по оврагу. Но недалеко убежали. Хорошо стрелял Николай Няшин.

Устраняемся. Место для пулемета выбираю наверху оврага так, чтобы и овраг можно было обстрелять, и обе стороны от него. Ребята землю ковыряют. Надо небольшой окопчик вырыть, а то нас со всех сторон видать. Сзади нас, метрах в тридцати, стоит здоровенная русская печка с трубой, почти целая.

Настало время ногой заняться. Стягиваю сапог. Вся портянка в крови. Осматриваю рану. Сзади щиколотки разорвано осколком сантиметров пять кожи. Пощупал кость — вроде цела, но болит ужасно. Разрываю пакет. Забинтовал. Решил, что уходить нельзя.

До вечера немцы несколько раз пытались прорваться по нашему оврагу.

Случилось несчастье. Пуля пробила кожух пулемета. Лечили солдатским способом. Глиной обмазали перевязочный бинт и обмотали им кожух. Хорошо получилось. А вот с водой плохо. Овраг был сухой. Долго ползал Петр Бажуков среди сгоревших домов и наконец нашел бочку, врытую в землю, стояла, видимо, под водостоком. Верх ее сгорел, но та половина, что была в земле, осталась, и в ней воды ведра два. Правда, она ржавая, с углями и пеплом, но лучшей воды мы последние дни и не видали, а для пулемета она — самая подходящая. В общем, заправили полный кожух, сами напились и фляжки заполнили.

Стало смеркаться. Николай сползал к убитым немцам. Кто-то дал по нему пару очередей из автомата, но не задел. Вернулся Няшин, принес ранец, две фляжки и автомат с двумя запасными рожками.

Понюхали фляжки, на язык попробовали: в одной кислотатое вино, в другой спирт. Пить не стали. Зато ранец распотрошили. Чего тут только не было: хлеб, колбаса, консервы, шоколад. Быстро расправились, так как за день еще ничего не ели — не до еды было. Только заправились, слышим сзади около печки автоматные очереди, но стреляют не в нас. Надо что-то делать: когда-то он и нас заметит. Беру с собой Бажукова. Добрались до самой печки и никак не можем увидеть, где же автоматчик спрятался.

Лежим, ждем очередной очереди. Время идет медленно. А он как будто бы чувствует. Не стреляет. Наконец — над самой головой очередь. Приглядываемся. Здорово придумал. Стоит на табуретке в печке, сам в трубу влез. А труба такая, что двое свободно поместятся, да и печь огромная. Наверное, пекарня была. Обзор у него хороший, а нам немца из-за уцелевшей стенки трубы не видно было. Подползли. Дергаем. Петр — за табуретку, я — за ноги. Вытащили.

Здоровый попался фриц. Сгрел меня. Одной рукой за шею, а сам к сапогу за финкой тянется. Вцепился я обеими руками в его руку, не даю до финки дотянуться, а он второй рукой вот-вот мне голову оторвет. Упали. Шепчу Петьке: «Стреляй». А тот не стреляет — боится в меня попасть. Наконец изловчился, воткнул в него штык.

Чувствую, рука фрица ослабла, вскакиваю, пошатывается, чуть живой. А фриц лежит. Перестарался Петя. Прикончил фрица насмерть. Жаль. Ладно, хоть сами живы. А немцы, видимо, услышали нашу возню, открыли стрельбу, как сумасшедшие, ракеты пускают, галдят чего-то.

Спрятались мы за печку — убежище надежное. Ее разве только из пушки прошибить можно, и то не с первого снаряда. Николай им изредка из «максима» отвечает. Минут через двадцать успокоились. Подобрал я трофейный автомат, взял четыре рожка с патронами, финку, и поползли мы обратно. Добрались. Все в порядке.

Перед рассветом, еще затемно, немцы в атаку на нас пошли по оврагу и слева сверху. Близко подошли. Но мы отбились. А мне опять попало. Осколок гранаты в правый пах впился. Неглубоко. Вытащил осколок сам. Перевязали меня ребята.

— Уходить тебе, — говорят, — пора.

А у самих дрожь в голосе. Не от страха, что одни останутся, расставаться жалко. Вместе были в училище, на формировке, теперь вот фрица вместе бьем неделю. А здесь, в Сталинграде, каждый день за месяц считать можно.

— Нет, — говорю, — друзья, уходить подожду. Это рана легкая, первая, правда, похуже, нога болит здорово, но передвигаться не спеша я еще могу. Да и едва ли двигаться придется: слева наших нет, мы тут вроде передового гарнизона.

Прошло немного времени, слышим: сзади ползет кто-то и изредка посвистывает. Свистит — значит, связной. Он

всегда посвистывает, чтобы свои не убили. Передает приказ менять позицию.

— Далеко? — спрашиваю.

— Квартала полтора, — говорит, — на Казачью улицу. Там днем такая драка была, что наших почти не осталось. Защищают бани, фабрику-кухню и правый угол поселка. Все три полка туда стягиваются. Во всех трех полках с полтысячи народа наберется.

Полтысячи. Это, думаю, хорошо, а то уж кажется, что на весь поселок чуть ли не один мой расчет остался.

Тронулись потихоньку. Чувствую, зря храбрился, еле иду. Левая нога каждый камешек чувствует, да так, что даже в голову отдает. Немцы ракетами путь освещают. Но идти трудно: кругом завалы. У железной дороги гвардейцы позиции заняли. Их много, полторы-две тысячи. Это уже сила. Если нас, пару сот человек, немцы вчера столкнуть с места не могли, то в эту дивизию они упрутся, как лбом в стенку.

Дошли до Центральной улицы. Улица знакомая. Тут мы 27 сентября проходили, только развалин стало побольше. А шума здесь много: несмотря на ночь, бой идет. Быстро взбираемся на второй этаж. Подтаскиваем к окну стол, на него пулемет. Слышу, внизу на первом этаже кто-то тихо разговаривает и топает по лестничной клетке к нам. На всякий случай приготовили гранаты. Заходит младший лейтенант. Он с 12 бойцами первый этаж занял. Приятно, что здесь мы не одни — в трудную минуту можно рассчитывать на помощь. Пытаюсь обстановку узнать, но он сам только что сюда прибыл, карты поселка у него нет и толком ничего не знает. Но говорит, что ориентировали так: следующая улица Казачья. Между нею и нами — бани и фабрика-кухня. Немцы здесь днем прорвались, заняли бани, но к ночи были выбиты. Теперь, если за это время обстановка не изменилась, они за нами. Рекомендует до утра не стрелять, чтобы своих не перебить.

Появились наши самолеты У-2, летают низко, над са-

мыми домами, и какую-то мелочь сыплют, взрывы частые, но не громкие. Стоящие перед нами дома не бомбят, значит, там действительно наши.

Младший лейтенант послал туда для разведки солдата, с ним пошел и Петр Бажуков. Через час, когда уже светать стало, вернулись, рассказывают:

— Слева от нас, метрах в ста пятидесяти, бани заняты нашей пехотой, есть у них и бронебойщики. Правее нас, ближе к железной дороге, фабрика-кухня, там тоже наша пехота 895-го полка, с ними два расчета нашего батальона. Сходили и в дома, что западнее нас, там нет никого, а в следующих уже немцы.

Но вскоре и в пустовавшие дома подошли наши — человек десять, для их поддержки организуем в соседней комнате запасную позицию. Будем пулемет перетаскивать к тому окну, где будет опаснее и где больше нужна наша поддержка.

С утра, после бомбежки, при поддержке восьми танков, на бани навалилась пехота врага. Теперь мы уже сориентировались. Да и так хорошо видно. Огонь ведем плотный, отсекаем пехоту от танков. Нам удобно, по отношению к атакующим мы на фланге. Вскоре два танка загорелись, за ними и третий. Остальные попятились, отошла и пехота. Так повторилось несколько раз.

К вечеру немцы успокоились, а ночью забросали гранатами наших в доме рядом. Оттуда только двое сумели перебежать в наш дом. Переносим пулемет в соседнюю комнату, теперь там основная позиция. До врага метров тридцать — только улица. Чувствую, что с утра нам труднее придется, чем накануне. Строим внутренние баррикады в дверях и окнах первого этажа: все, что в доме есть, в кучи стаскиваем, в дело идут столы, буфеты, диваны и прочая домашняя утварь.

Немцы напротив нас тоже готовятся, все время наши окна свинцом поливают, а свои разной всячиной заваливают, вроде как к обороне готовятся. Ждем. До самого

рассвета нас не атакуют. А утром из того дома даже стрельба прекратилась. Не поймем, в чем дело. Неужели ушли? Похоже на это, но проверить невозможно. Днем улицу не перебежишь.

Ясность в это дело внесли немецкие бомбардировщики. Около полудня навалилось их штук сорок. Вокруг бань и фабрики-кухни все перепахали, и от нашего дома один угол остался. Крышу сорвало, потолок в нашей квартире обвалился. Когда пыль осела, слышим: под нами на первом этаже немцы разговаривают. Под шумок пробралась туда. Видимо, там наших в живых никого не осталось. Стрельбы не было. Всего нас пятеро: я, Няшин, Бажуков и двое пехотинцев.

Пехотинцы у дверей расположились, лестничную клетку охраняют, а мы нашим, что в бане, отбиваться помогаем. Сегодня там танков нет, но пехоты противника много, решили, видимо, занять фабрику-кухню одним ударом: окружили ее со всех сторон.

Немцы, что на первом этаже под нами, ведут себя тихо. После неудачных двух попыток пробиться к нам наверх, видимо, от этой мысли отказались. А в соседние развалины мы других не подпускаем. Однако решаем, что ночью как-то надо выбираться, а как, не знаем. Переговариваемся с нашими, что в доме сзади нас, просим огоньком поддерживать.

Оттуда кричат, разные советы подают, но все они неприемлемы. Но вот один вроде дельный, как стемнеет, попробуем. Начинаем готовиться. Собираем все, из чего можно приготовить что-то похожее на веревки. Всего их три. Одну к пулемету привязываем, чтобы потом спустить его вниз. А две другие против окон к батареям отопления привязали, по ним спускаться будем.

Но дело в том, что внизу уцелевшие два окна немцами охраняются. Гранату им из наших окон не подкинешь. Так вот, к свободным концам этих веревок привязываем по две гранаты РГД.

А план такой. Мы двое — я у одного окна и пехотинец у другого — должны спустить гранаты, поставленные на боевой взвод, до уровня нижних окон. Хорошенько встряхнуть их, чтобы сработал ударник, за оставшиеся три-четыре секунды размахнуть их за веревку и забросить в окна. Чтобы это сделать, надо из окна как можно дальше высунуться, и кто не управится за эти секунды — себя подорвет. Дальше, в случае удачи, мы оба спустимся по этим же веревкам и теперь уже с земли закидаем оставшихся фрицев гранатами.

В это время должны спустить пулемет и сами спуститься Няшин и Бажуков. А дальше до наших — секунды хорошего бега, двери там разбаррикадировали и ко времени открывают. Кричим туда, что операцию проводим ровно в одиннадцать, и договариваемся, чтобы в случае нужды огоньком прикрыли.

Немцы, услышав переговоры, кричат что-то, но, кроме того, что нам все равно «капют», ничего не понимаем. И нам действительно конец, если что-то не так выйдет, как намечено.

Время тянется медленно. Вот наконец одиннадцать. Медленно опускаем гранаты. Няшин считает громко до трех, встряхиваем гранаты, раскачиваем веревки. Взрыв, и тут же вниз. Все обошлось благополучно. Через несколько секунд мы среди своих. Нас поздравляют. Обнимаю сержанта, который нам способ заброса гранаты на веревке подсказал. Мы рады, что живы, они довольны, что в их гарнизоне на пять человек стало больше, да еще пулемет, правда, лента с нами только одна. Но и это двести пятьдесят выстрелов. А там будем перезаряжать. Патронов здесь достаточно. И гранаты есть. Жить можно. Плохо то, что здесь один этаж, верхние полностью разрушены и там укрыться негде. Меня стало сильно знобить, и раны мои после таких упражнений закровоточили, пришлось перевязываться. Появилась мысль, что пора кому-то из

медиков показаться, чувствую себя совсем больным. Решил дождаться утра.

6 октября. Утро солнечное, приветливое, а я лежу и боюсь ногами пошевелить. Одна нога, левая, совсем чужая. Разулся, по всей ноге какая-то синева пошла. Так недолго и до гангрены. Все советуют идти в медчасть. Решено: надо идти. На всякий случай целуюсь с Няшиным и Бажуковым, жму руки остальным и через окно отправляюсь.

До железной дороги метров 200—300, преодолел их часа за два. Кое-как добрался до железной дороги, нашел медпункт одного из наших полков. Осмотрели мои раны, левая нога санинструктору не понравилась. Побрел тихо, опираясь на винтовку, до штаба батальона. Длинной показалась дорога, хотя и пройти пришлось всего два-три квартала. Наконец вот и завод.

Прошел бывшую проходную, смотрю, стоит подбитый немецкий танк и трупы фашистов валяются. Вот так фокус, думаю, и сюда прорвались. Однако иду в заводскую лабораторию, где в подвале был штаб батальона. Штаб на месте, здесь и наша санчасть. Спрашиваю про танк. Вчера, говорят, 5 октября, полсотни немцев прорвалось. Но начальник штаба С. Н. Бойко сумел организовать оборону. Танк подбили, половину фашистов уничтожили, остальные поспешно бежали.

Начальник медсанчасти лейтенант Беленький осмотрел ногу. Хорошенько выругал, что сразу после ранения не пришел, сделал снова перевязку, дал двух провожатых и направил на переправу. Без особых приключений добрались до Волги. День, катеров пока нет. Народу на берегу много. В основном раненые. Жара. Укрыться нигде. Смотрю, место освободилось: бетонное кольцо от колодца. Хоть немного, да тень есть. Лег. Ждал часа три. Приходит катер, все спешат к нему, а я после ходьбы и отдыха не могу подняться, но все же пытаюсь. На мое счастье,

мимо проходил пожилой человек, санинструктор. Спрашивает, почему я не иду на катер.

— Не могу, — говорю. — Не получается.

Взвалил он меня на спину и понес на катер. Только взошли, катер отчалил. Народу битком набито. Отошли от берега метров 100—150, как кругом катера начали рваться мины и снаряды. Тут недолго и к рыбам отправиться. А после такой переделки, в которой только что побывал, еще сильнее жить хочется. И, несмотря на жару, купаться не испытываю ни малейшего желания.

Или нам повезло, или бесстрашие и искусство команды помогли, но добрались до берега благополучно. Там, в кустах, нас уже ждут автомашины. Мой спаситель сгреб меня в охапку и забросил в кузов автомашины. Нагрузили туда еще «неходячих», и машина рванула полным ходом, так как обстрел продолжался. Не успел я поблагодарить санинструктора или хотя бы узнать его фамилию. А жаль. Жив ли он? Он ехал на этот берег за медикаментами, а потом ему назад — в пекло, в Сталинград.

Мчимся. В машине стоны, крики, а шофер жмет на всю железку. Он знает: сбавит скорость, пожалеет нас и может вместе с нами отправиться туда, откуда не возвращаются. Проехали километров пять — и шофер повез нас, как молоко возят. Теперь уж не ругаем его за лихую езду, а благодарим — сумел проскочить, а ведь не всем так повезло: сзади несколько столбов дыма — это горят машины.

Привезли в медсанбат. Опять осмотр и перевязки. Левую ногу грозятся ампутировать: говорят, гангрена начинается. Не даю. Выписывают карточку ранения, сдаю винтовку. Выползаю на дорогу: надо срочно в Ленинск. Там армейский госпиталь.

Лежу у дороги, пытаюсь остановить проходящие машины. Не останавливаются. А мне все хуже. Выползаю на середину дороги. Лежу, жду. Останавливается полуторка. Подходит майор. Спрашивает, что со мной, куда

я. Он едет туда же, в Ленинск, за горючим, кузов машины полон бочек, места нет. Поднимает меня на бочки. Едем. Я еле держусь. Машину раскачивает. Майор нет-нет да из кабины высовывается, смотрит, не свалился ли я. Едем ходко. Ветерок обдувает. Дело уже к вечеру.

Добрались до Ленинска. Машина подкатила прямо к госпиталю. Майор снял меня с бочек и на руках унес прямо к операционной. Вызвал врача. Вышел старик: маленький, в очках, рукава халата в крови. Вид усталый. Видать, немало нашего брата обработал. Снимает мои повязки. Осматривает. Раны на груди и на правой ноге особого впечатления на доктора не произвели. «Зарастет, — говорит, — дней через двадцать, а вот левую ногу надо отрезать».

— Что вы, — говорю, — доктор, мне только что девятнадцать лет стукнуло, как же без ноги.

Осмотрел он еще раз, ощупал.

— Попробуем, — говорит. — Отрезать никогда не поздно.

Дает мне стакан спирта. В голове все кругом пошло: не ел целый день, устал, да и спирта в жизни ни разу не пробовал. Врач сделал какие-то уколы. После каждого из них по голове как кто молотком ударяет. Говорит сестрам:

— Держите его.

Я противлюсь:

— Не надо, я не женщина — выдержу.

Завел он мне в рану инструмент — не знаю, как его зовут, похож на ложку с зубьями, как у рашпиля, — и давай мне кость скоблить. Боль адская. Хмель сразу вышибло. Терпенья нет. А все же сдержался. Лежу, а с самого пот льет. Поглядываю, чтобы хирург между делом не оттяпал мне ногу. Все обошлось.

— Оставляю, — говорит, — тебя здесь на три дня. Если за это время гангрены не будет, отправлю дальше, а если будет...

Он развел руками, и меня вынесли.

Армейский госпиталь был расположен в бывшем деревянном клубе, операционная на сцене, а в зале нары. И много, много нашего брата.

Прошло три дня. Принесли меня к моему спасителю на осмотр, осмотрел он, свистнул, как мальчишка.

— Молодец, — говорит, — танцевать будешь, а сейчас отправлю тебя в Саратов, счастливая твоя планида.

На ногу наложили гипс. Сделали «сапог» до самого колена. Вечером на машине отвезли на станцию и — в вагон.

Состав длинный. И каждый вагон полон. Едем тем же путем, что в Сталинград ехали, только в обратном направлении. Почти на всем протяжении дороги валяются разбитые вагоны. Видимо, за последние дни немцы особое внимание уделяют этой дороге. Станций вообще нет. Все уничтожены. Едем медленно, все время остановки, иногда даже возвращаемся — впереди бомбят. Не забывают и нас, каждый день несколько налетов. Многие ходячие покинули состав, пешком подались в Саратов. А мы лишены такой возможности. В общем, ехали долго, больше десяти дней. А продуктов и воды было на три дня. Растягиваем остатки сухарей. Воду берем с паровоза. Другой нет. Хоть и неприятная она, а с солью пить можно. И еще беда: одолели насекомые. На передовой их не было, а тут развелись. Забрались под гипс и не дают никакого покоя. Сутками стучу палкой по гипсу. Пока стучу, вроде не так беспокоят.

Впереди нас то и дело путь ремонтируют. А нам везет: несмотря на постоянные налеты, убитых немного.

В Саратов приехали вечером, нас уже ждут санитарные машины. Быстро развезли по госпиталям. Попал я в госпиталь № 1307, расположен он в школе на горке, что недалеко от моста через Волгу. После Сталинграда госпиталь раем показался. Кормят хорошо, лечат. Сначала сутками спал. Отоспался. Сначала лежачим числил-

ся, все в палату носили, затем выдали костыли, и стал я полуходячим. Самое главное — самостоятельно до туалета дохожу, а через месяц и до столовой стал добираться.

На груди и в паху зажило, а левая нога подводит: только начнет рану затягивать, как снова нагноение, ногу раздует, как бревно, снова чистка, и так раз шесть. Нервничать начал, с врачами ругаться. А их, может быть, не ругать, а благодарить надо.

Однажды рану затянуло и меня выписывают. А так как я ходок плохой, то выписали в батальон выздоравливающих. Прибыл туда — и снова рану разорвало. Опять лежу, снова лечат. Прошло еще больше месяца. Начал, хромая, ходить без костыля, с палкой. Приезжают покупатели, как мы тогда звали представителей частей, школ и училищ.

Решил и я проситься на выписку. Как-то раз вызывают на комиссию. Палку оставил. Иду чуть ли не строевым. Больно, а улыбаюсь: будто все в порядке. Выписали. Направили под Москву в школу инструкторов снайперского дела.

Что же, будем овладевать новой специальностью. Пока полгода учат, нога поправится, а там снова фашистов бить.

Михаил Александрович Пастухов. В годы войны принимал участие в боях на Северо-Западном, Степном, 1, 2, 3-м Украинских фронтах. Трижды был ранен. Награжден медалями.

После войны работал культпросветработником, в книжном издательстве, директором государственной публичной библиотеки имени А. М. Горького. В настоящее время на пенсии. Живет в Перми.

О войне? А что о ней я знаю? Все и ничего.

Я был рядовым бойцом на войне, и наша солдатская правда была названа одним очень бойким писателем — «окопной», высказывания наши — «кочкой зрения». Теперь слова «окопная правда» воспринимаются только в единственном, высоком их смысле...

В. П. Астафьев

М. ПАСТУХОВ

СОЛДАТСКИЕ БУДНИ

О Великой Отечественной войне написано много книг, статей, воспоминаний. В них описываются героические подвиги, яростные атаки... Все это правда. Но если бы жизнь солдата во время войны состояла из одних атак... Между ними у рядового участника войны были госпиталь, запасной полк, марши, учения во втором эшелоне. Я хочу рассказать о повседневной жизни солдата, о фронтовых буднях.

В марте 1943 года нашу лыжную бригаду на Северо-Западном фронте расформировали. Наши подразделения вошли в состав 28-й гвардейской стрелковой дивизии, которая перебрасывалась на другой фронт. При снятии с довольствия перед отправкой в дорогу в продовольственном отделе армии все положенные нам продукты перевели на овсянку и шпик. В эшелоне на стоянках выдавали по полкотелка овсяного супа, больше напоминавшего кисель, в котором плавал кусочек сала. И хотя в желудке чувствовалась пустота, ехали весело, даже пели песни. Хорошее настроение было от добрых вестей. В феврале закончилась Сталинградская битва. Была окружена и уничтожена 330-тысячная вражеская группировка. Немцев двинули с Северного Кавказа, освободили Ростов, пробили коридор к осажденному Ленинграду. Было чему радоваться.

До Москвы строили предположения по поводу маршрута, но скоро успокоились. Командиров перестали спрашивать, так как вид у них был непроницаемый.

Около Москвы эшелон долго катали по окружной дороге и различным тупикам. Москвичам даже на сутки-двое давали увольнительные. Другие в город не просились. Да и что там было делать без денег, в обмотках и прожженных шинелях.

Наконец эшелон пошел на Тулу и дальше на юг. Через несколько суток наутро остановились на станции, которую штурмовали немецкие самолеты.

— От вагонов!

Повторять команду дважды не было необходимости. Быстро, кто в чем был, повыскакивали из вагонов, через пути и в поле, подальше от состава, выискивали воронки от бомб, ямки, канавки. Оказалось, что, выгрузившись таким спешным порядком, прибыли на место назначения, на станцию Касторная. Эшелон не пострадал, его вывели

за станцию и уже там сгружали артиллерию, кухни и лошадей.

Полк разбили на несколько колонн и повели разными дорогами. На дороге и придорожных полях война оставила свои приметы. Валялись остатки какого-то военного имущества, стояли остовы сгоревших автомашин, земля изрыта воронками. Не прошли мы и пяти километров до первого привала, как ехавший верхом впереди командир остановил колонну и, проехав вдоль строя, объявил, что идти по дороге до места сосредоточения далеко (дорога делает большой крюк), а прямо через ложину — совсем близко. Командиры рот, взводов повернули свои подразделения налево, и мы пошли по полю в указанном направлении уже не строем, а группами человек по двадцать. Вышли к большому оврагу с пологим склоном, который надо было пересечь. Ближе к дну оврага двигались какие-то странные фигуры. Они то расходились в разные стороны, то сходились. Ветер донес острый трупный запах, который перебивал запахи весны.

Подойдя поближе, разглядели женщин, одетых в телогрейки и черные халаты. Мы разговорились с женщинами. Были они почти все пожилые или казались такими в своей затрапезной одежде. Среди них был только один мужчина — сухонький старичок со всклокоченной бородой.

— Чем занимаетесь, бабоньки?

— Да вот хороним своих родненьких.

Выступивший вперед старичок стал объяснять:

— Зимой тут ух война была. Сначала наши немца погнали, а потом он с силой собрался и наших потеснил. Сильно бились. Немец на той стороне оврага, а наши на этой. Немца тоже богато побили. Вишь, там валяются. А потом, как наши отступили, убитых не успели подобрать. Зимой все снегом было занесено. А как снег растаял, запах пошел. Да и негоже трупам поверх земли лежать. Поле, может, опять же пахать будем. Спасибо солдатам, могилы выкопали, а мы вот тела подбираем.

— Как же вы с ними управляетесь?

Вопрос остался без ответа. Мы увидели все своими глазами. У женщин была деревянная платформочка с привязанными к ней веревками. Они закатывали на нее труп и тащили за веревки до ближайшей могилы, опускали его туда. Одна из женщин, помоложе, предварительно доставала из карманов документы, фотографии, письма.

— Куда же вы с документами? — спросил лейтенант.

— Командиру сдам, — ответила она.

— Какому командиру?

— Вашему. Чтоб отписал, куда следует.

— Тю! Разве наш командир может знать, бойцы каких полков, дивизий сложили здесь свои головы. Это знают те командующие, которые зимой тут были. — И посоветовал: — Вы письма отдельно отберите и по адресам родственникам напишите. А могилы как-то обозначьте и не перепаживайте. Может, кто после войны и придет поклониться праху.

Во время этого разговора один из солдат, отошедший в сторону, закричал:

— Осторожно, не двигайтесь, мины!

У ног солдата лежал едва различимый в земле продолговатый ящик. Дальше еще виднелось несколько бугорков.

— Как же вы так среди мин ходите? — спросили у дед. — Ведь подорваться можно. Никто не пострадал?

— Как же. Пострадал, пострадал, — ответил дед. — Тетку Анну убило. Ноги ей оторвало. Тут же и умерла.

Некоторое время все молчали.

— Нужно вызвать саперов, чтобы поле разминировали, — прервал тишину лейтенант.

Нам надо было идти дальше, но никто не двигался с места. Заметив наше замешательство, дед опять выступил вперед.

— Вы сейчас спускайтесь прямо по протоптанному, а дальше — промоиной. Как видно будет хутор, берите впра-

во к крайним домам. Тут мин нет, мы все время так ходим. Ко мне в последнюю снизу хату и заходите. Старуха должна картошки наварить.

Ободренные дедом, мы тронулись в путь. Шли гуськом, все время посматривая по сторонам.

В сумерках добрались до хутора. Он был маленький, всего полтора десятка хат, и места в нем для размещения полка было недостаточно. Большинство хат было уже занято батальонами, подошедшими по другим дорогам. Не раздумывая долго, направились к крайней хате. Она до отказа набита людьми. На кровати, на лавках и даже на небольшой печке лежали и сидели солдаты и командиры. Оставался узкий проход от дверей и печки к столу. У стола хлопотала маленькая седенькая старушка.

Не найдя нигде свободного места, я заглянул под лавку, выпроводил оттуда на улицу здорового пса и решил там устроиться.

От постоянно открываемых дверей по полу тянуло холодом, но я так устал за день, что моментально уснул, как в яму провалился, и больше ничего не слышал и не воспринимал.

Проснулся утром, когда было уже совсем светло и тепло. В хате — никого. Я понял, что батальон ушел.

Подразмявшись и вытянув отекавшие ноги, выбрался из-под лавки и направился на улицу.

В дверях столкнулся со вчерашним дедом.

— Здравствуйте, дедушка.

— А, знакомый. Иди в хату, завтракать будем.

Он выложил на стол полкаравая хлеба и завернутый в белую тряпку кусок сала. Старушка принесла завернутый в телогрейку чугунок горячей картошки.

Дед достал из кармана нож в самодельных ножнах, развернул тряпку, старательно соскоблил соль с сала и сложил ее горкой на краю тряпицы, стал нарезать сало ломтиками.

— Ничего, хлопец, сейчас проживем, — говорил он, как бы успокаивая меня. — Наши, видать, насовсем пришли. Картошка еще есть, до свежей хватит. И с хлебом перебьемся. Вот только соли и керосина нет и взять негде.

Говоря все это, дед выбирал из кучки картошку покрупнее и подкладывал ее ко мне поближе. Отрезал ломоть хлеба, разложил на нем ломтики сала, подвинул ко мне.

Позавтракав, мы запили соленое сало теплым чаем, настоящим на каких-то травах.

— Спасибо, дедушка. Хороший ты человек. Вот только отблагодарить мне тебя нечем.

— Какая благодарность. Покурим вместе и добре. Почитай, год магазинского табаку не курил.

Я достал кисет с махоркой. Свернув по огромной «козьей ножке», мы моментально наполнили хату едким махорочным дымом.

— А куда же наши пошли?

— Считай, на Избищу подались.

— Какая еще Избища?

— Избище — село такое, туточки недалече.

И стал мне объяснять, как пройти в это село.

Попрощавшись с дедом, я надел вещмешок, взял автомат, вышел на улицу и направился в указанную сторону.

Не прошел я и полкилометра, как меня догнал капитан. Он шел налегке, без шинели, в летнем обмундировании с планшеткой, перекинутой через плечо.

Я доложил, что отстал от своего батальона и иду в Избище, надеясь там найти своих. Бесполокуюсь, догоню ли. Капитан не стал делать мне выговора.

— Ничего. Тут недалеко, километров восемь, и идем мы правильно. Вот Избище, а дальше Андреевка, — показал он на карте. — Там будет расквартирован весь полк.

По дороге мы разговорились.

Он оказался помощником начальника штаба полка по

строевой части. Белорус, учитель литературы из Ленинграда, по фамилии Свиридович.

Как бывшие учителя, мы быстро нашли общий язык. Поговорили о школе, учебе в институте, литературе.

Так незаметно мы преодолели восемь километров и вышли на окраину села Избище. Было очень тепло, ярко светило солнце, и я вспотел в телогрейке, в ватных брюках, таща на себе автомат, мешок и шинель. Из сочувствия к моему незавидному положению капитан взял у меня шинель и нес ее некоторое время под мышкой.

Хаты села вытянулись вдоль дороги с одной стороны оврага с маленькой речушкой посередине. У одной из хат на скамеечке мы расположились отдохнуть. Тут же открылось окно, и хозяева стали приглашать нас в дом. Мы отказались. Тогда вышли две девушки и буквально втащили нас в хату. В чистой горнице вся семья сидела за столом. Усадили и нас. Стали угощать отменной квашеной капустой, мочеными яблоками и пирожками с какой-то сладкой начинкой.

Хозяева рассказывали, как они при немцах прятались по погребам, скрывались по хуторам. Мы поинтересовались, давно ли тут проходила наша часть. Оказалось, что рано утром по селу прошли, не останавливаясь, какие-то части.

Только к вечеру мы добрались до первых подразделений полка. Это были транспортная рота и 2-й батальон. Мне предстояло пройти до своих еще с полкилометра, капитану до штаба полка в центре села — километров пять. Избище и Андреевка были типичными степными селами, растянувшимися вдоль оврага на полтора-два десятка километров.

Наш батальон расположился в части села, где хаты стояли погуще и в две улицы. Командиры и солдаты уже разместились по домам. Место для меня нашлось в просторной хате, занимаемой хозяйкой лет сорока и двумя взрослыми дочерьми.

Женщины уступили нам большую комнату, предложили кровати, а сами устроились в просторной кухне. В своем грязном обмундировании в комнату мы не пошли, а ночевали во дворе в соломе, благо ночь была очень теплая.

Через два дня для нас организовали в палатках баню, выдали новое летнее обмундирование, гимнастерки нового образца и введенные в армии погоны.

Помывшись в бане и одевшись в чистое, решили переселиться в хату. Ну, думали, сейчас поспим на кроватях в тепле и уюте. Однако не тут-то было. Спину, живот и другие места стали ожесточенно кусать какие-то насекомые. Вначале думали — клопы. Зажгли свет, осмотрели постели. Оказалось, это блохи, которых было множество в хатах с земляными полами. Чтобы они не задерживались под бельем, сняли рубашки. Это не помогало. Блохи пикировали откуда-то сверху, прыгали по телу и зверски кусались.

Вышли спать в солому на улицу, но и там от блох спасенья не было. Тогда я по огороду спустился к речушке, потряс белье и, расстелив шинель на влажной земле, устроился спать возле воды.

Нас эти зловредные насекомые преследовали во всей черноземной полосе и на Украине. Забравшись в сапог, такая настырная блоха отравляла целый день жизни во время марша. Только позднее кто-то подсказал, что в сапоги нужно класть полынь, этой травой устилать полы землянок. Оказывается, блохи не переносят запаха полыни.

В селе мы отдыхали дней десять. Затем нас вывели в поле. По обращенному на юго-запад пологому склону высоты было приказано оборудовать линию обороны. Отрыли два ряда траншей полного профиля с ходами сообщения, соорудили дзоты, позиции для пулеметов и огневые для артиллерии. За окопами отрыли землянки на двоих с земляными ложами по бокам и проходом посередине. При теплой сухой погоде это было вполне комфортабельное жилье. Только ночами после дождя было прохладно и

докучал запах полыни. Для штаба батальона вырыли более просторную землянку. Штаб полка и специальные подразделения разместились по склону оврага перпендикулярно к линии обороны. Выше — уже на ровном месте в степи — оборудовали кухни, столовые под навесами, расположили артиллерийский парк, загоны и стойла для лошадей. Орудия стояли в парке, а не на огневых позициях, так как полк ежедневно выходил на учения и снимать каждый раз пушки с огневых позиций было хлопотно и долго. Полтора боекомплекта снарядов было укрыто в рывках на огневых.

Передовая проходила где-то за Старым Осколом, километрах в 150 от нас. Звуки канонады не были слышны. Только ночами в небе отражались взрывы снарядов и пожары. Над нашим расположением изредка пролетали вражеские самолеты, но не бомбили. Немцы бомбили Старый Оскол, и над ним часто завязывались воздушные бои.

Тяжело в ученье

Оборудовав оборону и жилье, полк и дивизия в целом приступили к доукомплектованию. Получали пополнение из госпиталей, были и новобранцы. Обновился и командный состав. 3-м батальоном стал командовать капитан Носков. Начальником штаба остался Завьялов. В помощники к нему был направлен лейтенант Мильков.

Однажды во время построения к нашей роте подошел майор начальник артиллерии и всех поочередно спрашивал об образовании. Дошла очередь до меня.

— Грамотный?

— Почти кончил институт.

— Считать умеешь?

— До ста, — пошутил я.

— До ста нам хватит. Лишь бы быстро. Воевал?

— Так точно. Был ранен.

— Командовал чем-нибудь?

— Взводом в тылу на формировании.

— А что рядовой?

Я пожал плечами.

— Представить к присвоению звания, — обратился он к писарю. И ко мне: — Пойдешь в отделение управления огнем, наблюдателем-артразведчиком.

Приказ пришел очень быстро, и мне выдали погоны с двумя нашивками младшего сержанта. Нашивки были довольно широкие и пришиты близко друг к другу, походили больше на погоны старшего сержанта. Но в повседневной жизни никто не добавлял «младший», «старший», называли просто «сержант».

Когда часть была полностью укомплектована, началось интенсивное обучение. Я осваивал новую для себя военную науку по индивидуальной программе: с огневками изучал пушки, со связистами — связь, топографию и работу с картой объясняя командиру батареи. Наше отделение управления огнем батареи было создано из новичков, меня назначили командиром.

Некоторая замешка произошла, когда выявилась моя близорукость. Начарт хотел меня отправить обратно в батальон, но вступился командир противотанковой батареи.

— Зачем ему острое зрение? В стереотрубу и бинокль что надо увидит.

И отдал мне свой бинокль.

Позднее у Белгорода я раздобыл немецкий нейсовский десятикратный бинокль с диоптрическим устройством и просветленной оптикой и не расставался с ним до конца войны. Капитану вернул его собственность.

Обучение велось с учетом боевого опыта, полученного за два года войны. Марши, развертывание, занятие исходного рубежа для наступления, атаки, продвижение в глубине обороны «противника», смена огневых позиций, рытье окопов изматывали солдат так, что к вечеру все буквально валялось с ног. В ходе учений полки дивизии обородовали

на высотах километрах в десяти от расположения полосы обороны и полигон для стрельбы. Штурмовали эту полосу десятки раз, передвигаясь от бугорка к бугорку, где бегом, где пригнувшись, а где и ползком на животе — в зависимости от вводной, которую давал командир.

— Противник открыл частый ружейно-пулеметный огонь.

Значит, ложись.

— Противник ведет редкий ружейный огонь.

Беги краткими перебежками и приближайся к линии траншей.

— Противник подавлен огнем артиллерии.

Вставай и вперед — в атаку, готовь и бросай в траншею гранаты.

Часто проводились учения с боевой стрельбой. Наступая, пехотинцы стреляли на ходу боевыми патронами, бросали настоящие гранаты. Пехоту обучали наступать за огненным валом, как можно ближе прижиматься к разрывам снарядов своей артиллерии, не боясь осколков. Артиллеристы учились стрелять точно, не задевая своих, постепенно переносить огонь, не ослабляя его интенсивности, в глубину обороны «противника».

Пехоту, артиллеристов в обороне «обкатывали» танками. Танки на полном ходу приближались к траншее и ячейкам, вели огонь холостыми снарядами или дымовыми шашками. Стрелки должны были пропустить танки, забросать их сзади гранатами-болванками.

Однажды, после того как танки перевалили траншею, один загорелся и танкисты стали поспешно выскакивать из него. Стали разбираться. Выяснилось, что один из солдат вместо болванки бросил сзади на жалюзи мотора боевую гранату.

Командир стал выговаривать ему:

— Что же ты поджег свой танк?

Стоя в ячейке, засыпанный по пояс землей солдат оправдывался:

— Свой, свой. Так он же стал крутиться и очень даже просто мог меня раздавить.

— Все равно нельзя боевой.

— Так он же мне те деревяшки засыпал. Вот я и отцепил одну от ремня, — не унимался солдат.

Так нас излечивали от танкобоязни. Когда стальные громады, гремя гусеницами, ревя моторами и поливая огнем, надвигаются на тебя, становится страшно и на первых порах появляется желание дать деру. Но это надо преодолеть.

Стояла жаркая летняя погода. Солнце палило нещадно, от раскаленной тяжелой каски голова гудела, лицо и спина были мокрые от пота, мучила жажда.

Боевая подготовка давалась нелегко. Но была необходима. И это понимало большинство личного состава. О выучке войск писала дивизионная газета. Она выходила под крупным заголовком «Тяжело в ученье — легко в бою».

Как повар двух генералов кормил

Никаких выходных и свободных дней у нас не было. Счастливым считался день, когда батарея назначалась дежурной по полку, а я — дневальным. В такие дни можно было чуть подольше поспать, потом заглянуть в парк, побродить вокруг орудий, сходить посмотреть на лошадей, а затем устроиться под навесом в столовой около кухни, где на плите повар командира полка Салазкин жарил пирожки или оладьи.

В один из таких дней я задремал за столом. Салазкин, толкнув меня в бок, предупредил:

— Смотри, двое идут в расположение.

Со стороны поля, минуя стойла для лошадей, приближались два офицера в ботинках и брюках навыпуск.

— Вроде не наши. Без сапог.

— Чудак! Не наши. Смотри лучше. Видишь, штаны с красными лампасами. Генералы это, — уточнил Салазкин, более дальнзоркий, чем я.

Я вскочил, поправил гимнастерку, пилотку и побежал навстречу генералам. Один был среднего роста, плотный, с двумя звездами на погонах, другой высокий, худой, постарше возрастом.

Я доложил, обращаясь к невысокому:

— Товарищ генерал, полк находится на учении.

— А где же дежурный по полку? — спросил генерал.

— Находится в расположении.

Салазкин выхватил откуда-то тарелку, поставил ее на стол и обратился к пришедшим:

— Разрешите оладьями угостить.

— Давай, угощай.

Салазкин плюхнул на тарелку пару оладий и положил две вилки. Генералы присели к столу. Оладьи были пышные, румяные и хрустели. Их жарили на масле, которым смазывают хлебные формы. Оно придавало оладьям аппетитный вид, но отдавало олифой. Генералы откусили по кусочку, а у Салазкина тем временем на плите появилась другая сковородка, с кусками сливочного масла посередине. Положив на тарелку еще по паре оладий, Салазкин подал генералам по кружке чая. Пережевывая оладью и запивая ее чаем, невысокий спросил:

— Как служба, сержант? Ты кем служишь?

— Артиллерист, корректировщик-разведчик. Учимся стрелять, товарищ генерал, — ответил я.

— Ну и как? — спросил высокий.

— Вполне. На последних стрельбах благодарность командира получили.

— Которым снарядом цель поразили?

— Четвертым.

— Неплохо, — подвел итог высокий, явно заинтересовавшийся артиллерией.

Я окончательно осмелел и выложил:

— Все хорошо, но на пристрелку снарядов дают мало-мало, ориентиров на местности мало и карты старые.

Я подумал, что мне влетит за дерзость, но невысокий улыбнулся и даже похвалил:

— Ты прав, сержант. Карты старые. Да не здесь воевать собирались. — И, обращаясь к высокому, добавил: — А насчет снарядов, это (он назвал его по имени и отчеству) по вашей части. Снарядов на пристрелку жалеть не надо.

Генералы стали собираться. Поднялись с лавок, взялись за фуражки.

— Спасибо, повар, за оладьи, — поблагодарил невысокий Салазкина. Высокий кивнул головой.

— Разрешите проводить, — приложил руку к пилотке я и пошел за генералами шагах в десяти сзади. Они направились мимо коновязей в поле. Высокий, взглянув на лошадей, похвалил:

— Хорошие лошади. Сытые, чистые.

— Стараемся. Ездовые за лошадьми ухаживают хорошо, — отозвался я.

— Ну, иди, сержант, дальше мы сами, — отпустил меня генерал, и они быстрее зашагали к легковой машине.

Вернувшись к кухне, я увидел, что Салазкин нажарил уже полную тарелку оладий. Он предложил мне:

— Поешь генеральских. Я на них все доппайковое масло полковника извел.

Второго приглашения не потребовалось.

На другой день Салазкин рассказал, что он вечером, подавая командиру полка ужин, доложил о посещении генералов. Узнал, что невысокий генерал-лейтенант — командующий армией, а высокий — командующий артиллерией армии. Полковник за израсходованное масло замечания не сделал, а за то, что угостил генералов, похвалил.

Через несколько дней в полку произошло чрезвычайное происшествие. На вечерней поверке в 1-м батальоне не досчитались одного солдата. Утром отправились на поиски в район учений. Офицеры и солдаты облазили все блиндажи, заглянули в каждую ячейку, осмотрели другие укромные места, но солдата не нашли. Не объявился он и на третий день. Командованию пришлось доложить о случившемся вышестоящему штабу. Поиски стали вестись в армейском масштабе. Попахивало длительной самовольной отлучкой или даже дезертирством. Полк приуныл. Это была большая неприятность для части, хотя вроде бы причины для дезертирства не было, так как мы не воевали и о выступлении на передовую разговора не было. Особисты допросили командиров, солдат отделения, в котором служил пропавший. Ничего подозрительного в поведении солдата не было обнаружено. Прибыл с пополнением, в боях не участвовал, служил как все.

Были сформированы команды для прочесывания близлежащих и дальних хуторов и сел. Команду из артиллеристов во главе с офицером из прокуратуры направили в Избище, Андреевку и тот хуторок, где мы ночевали у деда. Мы поехали на лошадях и с задачей справились быстро. Войск в этих населенных пунктах не стояло. Мы переходили из дома в дом по два-три человека и опрашивали жителей. Когда ответы были неуверенные и казались подозрительными, осматривали конюшни, чердаки и погреба.

Большинство команд возвратились из поисков ни с чем. Повезло полковому взводу разведки. Он был отправлен на северо-восток километров за тридцать и прочесывал населенные пункты за пределами расположения армии.

Помкомвзвода разведчиков рассказывал:

— Заходим мы в хутор и прежде всего к женщинам. Показали нам одну хату. Мы в дверь. А он и сидит на лавке в простенке, молодой, чернявый. Автомат у дверей ви-

сит. Я сразу за автомат, чтобы соблазна не было. А солдат побелел весь и затрясся. Фамилию спросили. Назвал. Точно, наш.

Через день все подразделения полка построили по краям оврага, на вершине которого была вырыта могила. Привели дезертира, поставили спиной к яме, напротив отдельные автоматчиков. Седой полковник из военного трибунала громко зачитал приговор:

— Именем... за уклонение от воинского долга и нарушение присяги, руководствуясь статьями... военный трибунал приговорил к расстрелу.

Когда полковник кончил читать, лейтенант, командовавший отделением, дал команду изготавиться. По команде «пли» автоматчики дали по короткой очереди...

На этом подразделения распустили. С тяжелым чувством мы разошлись по землянкам. Везде обсуждалось событие сегодняшнего утра. Разговор продолжался в столовой за обедом.

Пожилой солдат с сединой на висках даже встал и, размахивая рукой, как бы отбивая что-то ладонью, отрезал:

— Этак мы все до баб разбежимся, а кто воевать будет? Я бы то же самое с ним сделал!

Это был солдатский приговор, и он обжалованию не подлежал.

И не зря учились!

Между тем учения продолжались. Выступали на двое суток всей дивизией. Один полк «прорывал оборону». Во второй половине дня через боевые порядки этого полка выдвигался другой и «преследовал противника», а прорывавший оборону полк приводил себя в порядок, собирал личный состав, пополнялся боеприпасами, — словом, готовился на другой день организованно сменить ушедшую вперед

часть и занять полосу ее наступления. Офицеры штаба дивизии давали командирам вводные о появлении танков, контратаках «противника», промежуточных полосах его обороны. По этим сведениям командование полка принимало решения и направляло действия подразделений. Раз мы даже занимали круговую оборону. Таким образом за двое с половиной суток мы прошагали, пробежали и проползли на животах 40 километров, так что марш обратно в лагерь занял целый день.

Пехоте этот марш по жаре достался нелегко, а мы ехали на лошадях. Они во время учений порядком устали, перетаскивая орудия через лощины, овраги и заболоченную местность, но у нас было время их накормить и напоить. Начарт Зубов и командиры батарей ехали верхом, разведчики и связисты — на повозке с имуществом связи. расчеты облепили орудия. Мы поснимали каски, расстегнули гимнастерки. А кто-то даже снял гимнастерку, за что тут же получил замечание от проезжавшего мимо полковника. Подсаживаться на орудия не полагалось, но начарт таких попыток расчета не пресекал. На сухой ровной дороге лошади тащили орудия вместе с расчетом легко. Зато перед подъемом ребята дружно соскакивали с лафетов, хватались за лямки и помогали лошадям тащить пушки.

И вот получен приказ выдвигаться в сторону фронта. Мы — на марше. В предрассветных сумерках можно разглядеть подбитые танки, исковерканные, перевернутые орудия, с передовой уже слышно не только орудийную стрельбу, но и треск пулеметов.

Когда рассвело, батальоны свернули в поле, пошли в сторону передовой. Мы тоже съехали с дороги. Поле постепенно переходило в пологий склон, заканчивавшийся лесистым оврагом. Весь склон был уставлен орудиями от тяжелых 203-миллиметровых до противотанковых. Орудия были укрыты маскировочными сетками, и, когда мы мимо них проходили, прислуга честила нас:

— Куда прете? Не демаскируй!

Почти у самого леса стояли полковые пушки. Вот тут наше место, догадались мы. Со стороны противника пролетело звено самолетов, и сотни людей, закричав «воздух», бросились на землю.

Все решили, что сейчас начнется интенсивный обстрел, но противник только изредка покидывал по склону мины, которые ложились вразброс, ни артиллерии, ни пехотинцам вреда не причиняя.

Мы уже подъехали к полковой батарее и начали было с оружейной прислугой разговор, как вернулся из штаба начарт и собрал нас, чтоб поставить задачу.

Развернули карты. Предстояло наступать по сильно пересеченной местности. Впереди был ряд увалов и высот, перемежающихся крутыми оврагами и пологими лощинами. Немцы занимали оборону по гребням этих увалов. Справа, километрах в трех, увалы понижались, а овраги выходили в большой лог. Слева увалы пересекала дорога, которая вела в большое село. Противник сосредоточил артиллерию на обращенных к нам склонах, минометы — на обратных. Точное расположение батарей не было разведано. Это нужно сделать в ходе боя. Задача разведки — двигаться вместе с пехотой, установить расположение артиллерии противника и подготовить данные для подавления ее нашим огнем. Минометы противника для наших снарядов были недосягаемыми. С ними должна разделаться пехота, которая будет преследовать противника. Наша задача — расположить батареи рядом с орудиями сменяемого полка, утром принять наблюдательный пункт, дать связь, лошадей укрыть в овраге. До организации самостоятельного наблюдения стрелять по данным их разведчиков.

В полосе наступления полка прямо напротив нас противник имеет два ряда траншей полного профиля, несколько дзотов с пулеметами, проволочные заграждения, минные поля.

Ночью саперы должны проделать в минных полях проходы, с началом артподготовки вся артиллерия ударит по

минным полям с целью их полного разминирования. По мере продвижения пехоты медленно переносить огонь в глубину обороны, а также стрелять по обнаруженным целям.

В конце начарт рассказал о задаче дивизии. Ей отведена для наступления полоса в три километра, полку — 700 метров. Дивизию поддерживают артиллерийский корпус, несколько истребительных полков. Всего сто стволов на километр фронта. Да еще авиация.

— Дадим немцу прикурить, — не удержался кто-то.

— Да, тепло ему, даже жарко будет.

Задача дивизии — прорвать оборону, выйти к Белгороду и, обходя его с запада, развивать наступление на Харьков.

Оборудовав огневые позиции, укрыв в ровиках снаряды и сделав в овраге укрытие для лошадей, расчеты поужинали, улеглись спать. Мы со связистом — помню только его имя, Семен, — подстелив одну палатку и укрывшись другой, тоже уснули. Когда утром часа в четыре одновременно ударили все орудия, казалось, что земля под ногами раскалывается. Стоял страшный грохот, а барабанные перепонки готовы были лопнуть. И хотя мы открывали рты, чтобы уравновесить давление на перепонки, это мало помогало.

Фашисты на наш огонь практически не отвечали.

Выполняя приказ, мы со связистом пошли наводить связь с наблюдательным пунктом. Решили протянуть провод вдоль уже проложенного к сменяемой батарее. С нами пошел связист с этой батареей. Провод был перекинут прямо через лесистый овраг. И только мы в него спустились, как налетели вражеские бомбардировщики. Самолетов было много, они шли волнами. Бомбы ложились часто в лесу, по обеим сторонам оврага. Мы укрылись в промоине под корнями большого дерева. При каждом взрыве с корней сыпалась земля, но мы чувствовали себя в относитель-

ной безопасности. Сидели до тех пор, пока «чужой» связист не сказал:

— Сидим мы тут зря. Ударит бомба рядом, дерево упадет и похоронит нас как миленьких. Даже искать здесь не догадаются.

Мы выбрались из промоины, преодолели лесистый склон и выбежали в поле. В то время наши истребители прогнали «юнкерсы». Немцы бомбили овраг, видимо предполагая, что в лесу укрылась наша пехота, но еще с рассветом батальоны вышли на исходный рубеж сменять стрелковую часть, а она уже отошла в тыл. Самолеты бомбили пустой лес.

На склоне недалеко от леса были расставлены батальонные минометы. Раскрасневшиеся, потные минометчики вели частый огонь, посылая мину за миной почти не меняя прицела. Вершина увала, по которой проходил передний край противника, от частых разрывов была вся в огне. Над ней повисло облако дыма и пыли.

Передохнув немного у минометчиков, мы хотели было пробираться дальше к наблюдательному пункту, как увидели, что навстречу бежит солдат без рубашки, с оторванной чуть ниже локтя рукой. Его остановили, усадили на землю, хотя он все порывался бежать дальше. Из бинта скрутили веревку, наложили жгут. Кровотечение немного уменьшилось, культю забинтовали. Солдат немного успокоился и все просил:

— Дайте, братцы, пальнуть разок за руку.

У крайнего миномета снарядили мину, помогли солдату опустить ее в ствол. Раненый действовал здоровой, но тоже окровавленной рукой. После второй мины окончательно успокоился.

Ему посоветовали:

— Крой без пересадки в медсанбат. Ты уже свое отвоевал. Пусть тебя скорее штопают.

Вслед за солдатом к минометчикам подбежали два немецких солдата. Они были без оружия и усиленно тя-

нули руки кверху. Фашисты, по всей видимости, ошалели от артобстрела и торопились убежать из этого ада.

Солдаты обступили их. Один, пониже ростом, повторял, мешая русские и немецкие слова:

— Нихт, не немец я, по́ляк, по́ляк. Нихт стреляйт.

— Стрелять не будем, а проводить, чтоб не заблудились, надо, — сказал один из минометчиков. — Вот вам для ускорения. — Он слегка ударил плашмя саперной лопаткой по каске сперва одного, потом другого. Бемц! Бемц! Солдаты побежали в обход оврага, в тыл, далеко опередив конвоира.

Пленных не били и ни в коем случае не стреляли. И не только потому, что по этому поводу были соответствующие приказы. Солдаты понимали, что любой пленный лучше сопротивляющегося противника. Он уже никого не убьет и не ранит. Нет, злобы, жажды слепой мести в душе солдата не было.

Наконец мы добрались до наблюдательного пункта — ячейки на двоих, прикрытой несколькими сучками и чуть присыпанной землей. НП находился всего метрах в 150 от траншеи противника на краю минного поля, но место было выбрано неудачно. В амбразуру видно только проволочное заграждение и первую траншею. Подключили аппарат, связь работала, но управлять огнем не было смысла. Артиллерия всех калибров и минометы били по переднему краю, все было в дыму, и разобрать, где ложатся снаряды нашей батареи, невозможно.

Еще во время артподготовки пехота, наступавшая уступом вправо, начала движение, медленно, но верно преодолевая расстояние до траншеи противника. По проходам в минных полях подошли к проволочному заграждению и стали проделывать проходы, перекусывая проволоку особыми ножницами. Вскоре все сосредоточились за заграждением. До первой траншеи было всего метров 50, оставалось сделать только бросок. Но над траншеей еще бушевал наш огонь, и пехота залегла.

Я тоже вылез из блиндажа и пристроился с краю лево-фланговой роты, чтобы впереди выбрать лучшее место для наблюдения. Прямо перед наблюдательным пунктом был проделан обозначенный вешками проход в минном поле и снарядом проделана дыра в заграждении. Со связистом мы договорились о сигналах на перенос НП.

Время артподготовки подходило к концу. Артиллерия начала переносить огонь в глубину, над бруствером траншей замаячили вражеские каски. Пехота дружно поднялась в атаку. Подбежав вплотную к траншее, бойцы стали забрасывать ее гранатами. Завязался ближний бой.

Я тоже бросил гранату. Но она разорвалась по другую сторону траншей. После взрыва над траншеей показалось две каски. Два немца вылезли на бруствер. В руках у них оружия нет. Выбравшись из траншеи, они вытащили третьего, все подняли руки.

Сдаются в плен. Хорошо. Я подвел их к проходу у проволочного заграждения и минного поля, показал рукой в нашу сторону. Но как объяснить им, что делать? Вспомнились слова учительницы немецкого языка:

— Геноссе Пастухов! Коммен зи ди тафель!

И я выпалил, путая немецкий с русским:

— Коммен шнель, шнель в плен.

Один ответил:

— Криг капут.

— Капут, капут. Шнель в плен.

Немцы стояли в нерешительности. Тогда, вспомнив прием сержанта-минометчика, я выхватил саперную лопатку и плашмя ударил их сзади по каскам. Бемц! Бемц! Бемц!

Провожать их нет смысла. Нужно выполнять задачу. Я еще при подходе к траншее заметил, что за ней расположен бугор, на котором хорошо было бы разместить наблюдательный.

Но этот бугор оказался дзотом с двумя амбразурами. Из правой вдоль траншеи строчил пулемет, из левой прямо

на меня смотрел ствол другого пулемета. Но он не стрелял и как-то скособочился. В два прыжка я принял еще левее, так, что огонь этого пулемета уже не мог меня достать. Здесь траншея заканчивалась, огибая дзот. С обратной стороны в дзот вел проем, заваленный пестрой палаткой. Первой мыслью было бросить гранату в проем, но она наверняка разорвется снаружи. Подойти, отогнуть палатку и бросить гранату — опасно. Вдруг напорешься на немца? Решил бросить две гранаты. Одну — чтобы сорвать палатку, другую — в освобожденный проем. Отцепил «лимонку» и бросил в палатку. Она скатилась вдоль палатки на ступеньку, затем на следующую, еще ниже и взорвалась внутри дзота. Правый пулемет захлебнулся, в дзоте было тихо.

Из траншеи за дзотом местность хорошо просматривалась — второй ряд траншей и ход сообщения, широкая лощина и следующая высота. Хорошее место для наблюдения. Нужно подавать связь. Я взобрался на дзот, выстрелил зеленой ракетой, как условились со связистами, дал три короткие автоматные очереди.

Семен сигнал принял, выскочил из блиндажа с катушкой кабеля на спине, телефонным аппаратом через плечо и стереотрубой у пояса. Но влопыхах рванул на минное поле, а не по проходу. Пришлось остановить его несколькими очередями из автомата и, когда он на меня посмотрел, показать, куда надо идти. За считанные минуты связист добрался до меня, протянув кабель. Мы спустились в траншею со стороны входа в дзот, укрепили стереотрубку. Справа по гребню тянулась вторая траншея, соединенная с первой ходами сообщения. Дальше шла широкая лощина, а за ней опять высота. В лощине, на обращенном к нам склоне, стояла немецкая батарея.

Как к ней пристреляться? В лощине и на противоположной высоте не было никаких ориентиров. Лишь на правом склоне высоты виднелся угол леса. На карте он обозначен. Я сообщил координаты на батарею и попросил ве-

сти пристрелку одним орудием. Первый снаряд разорвался вблизи леса. Я дал большую поправку влево.

В трубке отозвался комбат Тихановский:

— У тебя что там, шарики за винтики заскочили? Мы даже лафеты передвигаем, чуть не кругом орудия повернули.

— Так надо, — ответил я.

— Вы там свихнулись?

Тем не менее батарея продолжала пристрелку. Второй снаряд разорвался за батареей немцев, третий — с недолетом, четвертый угодил в расположение батареи.

Мне оставалось только скомандовать:

— Прицел постоянный. Батареей беглым три снаряда.

Стрельба началась не сразу. Батарейцы, видимо, сверяли прицел, наводили орудия.

Наконец снаряды стали рваться прямо в центре батареи. Одно орудие осело набок. Прислуга забегала, засуетилась, многие попадали. Уцелевшие, побросав орудия, бросились бежать бегом в гору. Навстречу им бежал, по видимому, офицер. Он размахивал руками, старался остановить солдат. Но тут на батарее раздался оглушительный взрыв. Снаряд угодил в ровик с боеприпасами противника. Одна из пушек подскочила кверху и накренилась на ствол. Фашисты еще быстрее припустили в гору.

В это время справа от нас батальон, занявший первую траншею, продвигался перебежками ко второй. В этой траншее, видимо, были сосредоточены подразделения резерва, в задачу которого входило в случае необходимости выдвигаться на передний край. Немцы не были готовы к отражению атаки, практически не вели огня и, когда наши роты поднялись в атаку и приблизились на расстояние броска гранаты, стали выскакивать из траншей и бросились бежать. Бежали группами и в одиночку. Наши пехотинцы преследовали их, стреляя на ходу, кое-кто задержался в траншее и вел огонь оттуда.

Среди этого треска совершенно неожиданно раздался

орудийный выстрел, а на разбитой уже немецкой батарее разорвался снаряд. Автоматная стрельба как по команде оборвалась.

Медленно разворачивая стереотрубу слева направо, я увидел, что в лощину справа из лога входят три наших танка Т-34. Теперь стало понятно, зачем тут была поставлена немецкая батарея. Она прикрывала танкоопасное направление. Немцы, достигнув вершины высоты, стали исчезать из поля зрения. Не трудно было догадаться, что по гребню увала проходила вторая линия обороны. Вскоре она обозначилась огнем. Немцы открыли стрельбу из пулеметов. Я засек больше десяти пулеметных гнезд. Передал данные на батарею об увеличении дальности прицела, а когда пристрелочные снаряды стали ложиться на гребне около траншеи, стал делать поправки на перенос огня вправо. Ребятам опять пришлось разворачивать орудия.

Со стороны тыла побежали санитары, навстречу им из лощины потянулись раненые.

А танки между тем продолжали двигаться по середине лощины в направлении разбитой батареи. Из-за ограниченности обзора танкисты, по всей вероятности, не видели противника и еще не сориентировались. Чтобы указать им направление, я пустил в сторону высоты друг за другом две красные ракеты и через интервал еще одну. Танкисты поняли сигнал, машины разом развернулись и стали наискось подниматься на косогор.

В одном месте из траншеи противника непрерывно вели огонь два пулемета. Они мешали продвижению нашей пехоты. Понемногу изменяя угол прицела, мы подбирались к ним все ближе и ближе. Последний снаряд разорвался совсем рядом. Я уже собирался отдать команду на поражение, как связист доложил:

— Все, сержант. Отбой! Приказано свернуть связь и выходить на дорогу.

— Скажи, не понял, и передай: прицел постоянный, беглым четыре снаряда.

Связист успел это прокричать в трубу, а когда я попросил проверить, как поняли команду, ответил:

— Они уже отключились.

Тем не менее батарея дала последние залпы. Снаряды легли точно, пулеметы замолкли.

Я зачехлил стереотрубу, повесил на плечо телефонный аппарат, зная, что связисту придется тащить по крайней мере две катушки кабеля. Присел перекурить. Что ж, на сегодня, выходит, отвоевались.

Наум Владимирович Берлин. Родился в Перми. В годы войны служил в авиации дальнего действия. Был механиком по авиаворужению. Награжден орденом Отечественной войны I степени, медалями.

После войны закончил юридический факультет Пермского государственного университета. Более 30 лет работал в органах прокуратуры. Сейчас на пенсии. Живет в Перми.

Н. БЕРЛИН

БОМБОВАЯ НАГРУЗКА — МАКСИМАЛЬНАЯ

Жаркий июнь 1941 года. Мы — выпускники пермской школы № 37. Десять классов позади — впереди целая жизнь. Мои друзья Коля Аликин и Боря Тихонов собираются в институты. Дуся Постникова и Зина Зырянова конечно же будущие врачи.

19 июня. Бал выпускников. Много добрых слов и пожеланий услышали мы в этот день от наших любимых учителей Анны Михайловны Богословской, Валентины Анатольевны Воробьевой, директора школы Геннадия Валентиновича Распутина.

Вечером в своих лучших костюмах и нарядных платьях гуляли по

камской набережной. Потом сидели в ротонде, пели любимые песни, веселились...

22 июня. Война! Спустя месяц тем, кому исполнилось семнадцать лет, пришли повестки из военкоматов.

Мальчишки моего поколения бредили авиацией. Полеты Чкалова в Америку через Северный полюс, эпопея «Челюскина», целая россыпь мировых авиационных рекордов, установленных советскими пилотами, — все это захватывало нас. Помню, как-то на школьный вечер заглянул Володя Чащин, бывший соученик, а теперь военный летчик. В темно-синей летной форме, с двумя кубарями в петлицах, он тут же оказался в центре внимания наших девочек, а ведь раньше они безразлично проходили мимо головастого веснушчатого паренька. Впрочем, и парни с нескрываемой завистью поглядывали на его портупею и новенькие хромовые сапоги.

Мой друг Коля Аликин увлекался авиамоделированием, и еще до войны ему удалось окончить Пермский аэроклуб. Авиация была и моим увлечением. Поэтому когда я получил в военкомате направление в кировскую 28-ю школу пилотов, то был доволен таким началом своей военной биографии.

Сентябрь 41-го. Мы, курсанты, в тяжелых кирзовых сапогах маршируем по улицам Кирова и поем любимую строевую песню:

Там, где пехота не пройдет,
Где бронепоезд не промчится,
Тяжелый танк не проползет,
Там пролетит стальная птица!
Пролетел, громче песню пой,
Неся распластанные крылья.
За вечный мир, в последний бой
Летит стальная эскадрилья!

После теоретических занятий в октябре начались тренировочные полеты. Забирались в учебный двухместный самолет УТ-2 и в воздухе выполняли все команды инструктора. Из кабины не вылезали, а выпадали: ноги в кирзовых сапогах деревенели от холода.

С нетерпением ждали самостоятельных полетов. Но внезапно нам объявили приказ о расформировании школы. Ситуация на фронте складывалась критическая. На наши У-2 и УТ-2 поставили пулеметы, и летчики-инструкторы, попрощавшись с нами, улетели на запад. А нас посадили в теплушки и отправили... на восток. Не удалось мне стать летчиком, потому что в Омской области, куда нас доставили, мы были зачислены в школу механиков авиационного вооружения. И хотя с мечтой о полетах пришлось расстаться, авиацию мы не покинули.

Июль 1942 года. Сильный, проливной дождь. Но на него никто не обращает внимания. Школа окончена, и наш батальонный комиссар говорит напутственные слова.

Спустя несколько дней мы — сержанты технической службы — получили назначения. Я был направлен в 45-ю тяжелобомбардировочную дивизию АДД — авиации дальнего действия, которая наносила в это время удары по глубоким тылам нацистской Германии.

Первое знакомство с нашей техникой. Я был потрясен: никогда прежде не видел таких могучих воздушных кораблей — ночных четырехмоторных бомбардировщиков Пе-8. Даже в Кировской школе пилотов преподаватели и инструкторы не знали об этой машине. Это было последнее слово советской авиационной техники. Вдвойне приятно было узнать, что двигатели к этой летающей крепости изготовлены в Перми.

Командир во многом определяет лицо воинской части. Первым командиром нашей дивизии был известный полярный летчик Герой Советского Союза Михаил Васильевич Водопьянов. Ко времени моего прибытия в действующую армию нашим полком командовал также Герой Советского

Союза, полковник, эстонец по национальности Эндель Карлович Пусэп — человек интереснейшей судьбы. Именно ему в июне 1942 года было поручено доставить правительственную делегацию СССР в Лондон и Вашингтон для переговоров с Черчиллем и Рузвельтом о создании антигитлеровской коалиции. Опытнейший пилот, Эндель Карлович блестяще справился с заданием, совершив перелет по маршруту Москва—Лондон—Вашингтон и обратно через Северный полюс. Хорошо помню фотографию, которая хранилась под стеклом на столе у командира полка: в глубоких кожаных креслах сидят народный комиссар иностранных дел СССР Вячеслав Михайлович Молотов и президент Соединенных Штатов Америки Франклин Рузвельт, а за спинками кресел стоят Эндель Карлович Пусэп и штурман корабля Штепенко.

Командиром эскадрильи был Всеволод Тимофеевич Лавровский. Подполковник Лавровский имел среди личного состава эскадрильи большой авторитет. Его указания выполнялись всеми беспрекословно. Объяснялось это не только законами воинской дисциплины. Будучи человеком эрудированным, с большим жизненным опытом, Всеволод Тимофеевич с одинаковым вниманием, на равных общался и с генералом, и с рядовым. Но это было не панибратство, а самый настоящий демократизм. Он терпеть не мог лести и подхалимства, не ел, как говорится, глазами начальство, всегда имел свою точку зрения, часто очень оригинальную, отличную от других. При всем при том это был высочайший профессионал. Нам, молодым бойцам, безусловно импонировали независимость нашего командира, его умение принимать самостоятельные решения.

Чтобы читатель мог полнее представить себе облик Лавровского, отмечу, что говорил, отдавал распоряжения и приказы он спокойным, уверенным голосом басового регистра. Всеволод Тимофеевич никогда не расставался с трубкой, она стала как бы частью его облика. Обаяние Лавровского было так велико, что трубками обзавелись

заместитель комэска майор Откидач, штурман майор Рубинштейн и другие.

В моей судьбе Всеволод Тимофеевич сыграл особую роль: именно он дал мне, заместителю комсорга эскадрильи, одну из рекомендаций для вступления в партию. Вторую я получил от нашего комиссара подполковника Алферова.

Надо сказать, что авиация дальнего действия была делом новым для наших Военно-Воздушных Сил, а как всякое новое дело, она привлекала людей талантливых, незаурядных. В марте 1943 года штурманом эскадрильи назначили Валентина Ивановича Аккуратова, который еще в 1936 году вместе с Михаилом Васильевичем Водопьяновым совершил первый в мире высокоширотный полет, а затем с известным полярным летчиком Черевичным летал к полюсу относительной недоступности в Арктике.

Как видите, на командиров нам повезло. Мы же — молодые летчики, штурманы, бортстрелки, техники, вооруженцы — равнялись на них.

Первоначально наша дивизия состояла из двух боевых авиационных полков, в которых насчитывалось более двадцати тяжелых бомбардировщиков Пе-2. Каждая такая летающая крепость была рассчитана на то, чтобы, поднявшись на высоту десять километров с бомбовым грузом в четыре-пять тонн, преодолеть расстояние в несколько тысяч километров и обрушить на врага смертоносную начинку бомболоюков.

Уже в первые дни войны Ставка дала указание сформировать соединения дальней бомбардировочной авиации, которые были бы в состоянии достигнуть и поразить важнейшие военно-промышленные, стратегические центры в глубоком тылу нацистской Германии. Были определены и

цели: Берлин, Кенигсберг, Тильзит, Данциг, Свинемюнде и другие. Эффективность бомбовых ударов на сто процентов зависела от мастерства пилотов и штурманов.

Из чисто гуманитарных соображений дивизия в начальный период войны не получала заданий на поражение тыловых целей врага. Ставка Верховного Главнокомандования считала, что при такой атаке, например на Берлин, могут пострадать гражданское население, иностранные посольства, различные невоенные объекты.

Однако когда по прямому приказу Гитлера фашистские самолеты начали систематические налеты на Москву и Ленинград, наше командование отдало распоряжение о бомбежке Берлина. Око за око, зуб за зуб. Но даже в этой ситуации в качестве конкретных целей были выбраны лишь военные заводы и объекты столицы гитлеровской Германии.

Разумеется, в этот период войны бомбардировка Берлина не могла кардинально изменить военную ситуацию на советско-германском фронте. Эта акция носила скорее психологический характер, тем более, что Геринг и Геббельс уверяли немцев, что с советской авиацией покончено навсегда. «Ни одна русская бомба никогда не упадет на территорию рейха», — заверял Геринг Гитлера.

Эффект от рейда нашей дальней авиации превзошел все ожидания. Уверовав в свою недостижимость и безнаказанность, гитлеровцы даже не позаботились о светомаскировке Берлина. Яркое освещение, как новогодняя елка, город позволил нашим пилотам максимально точно вывести свои грозные машины на запланированные объекты. Напуганный Геринг уверял фюрера, что бомбы сброшены английскими летчиками. И только после того, как штаб королевских военно-воздушных сил Великобритании официально заявил, что ни одна британская машина в тот день не поднималась в воздух со своих баз и аэродромов, гитлеровцы были вынуждены признать: Берлин бомбили советские самолеты.

В письме, найденном в те дни у убитого на советско-германском фронте немецкого офицера, его жена писала:

«Последнее время днем и ночью к нам прилетают бомбардировщики. Нам всем говорят, что нас бомбили англичане. Но нам точно известно, что бомбили русские. Они мстят за Москву. Берлин от разрывов бомб весь сотрясается. С тех пор, как над нашими головами появились русские, ты не можешь себе представить, как теперь нам стало скверно.

Родные Вилли Фюрстенберга, ты это хорошо знаешь, служили на артиллерийском заводе. Завода больше не существует.

Ах, Эрнст, когда русские бомбы падали на заводы Симменса, мне казалось, что все проваливается сквозь землю! Зачем вы, Эрнст, связались с русскими? Здесь, возле этих проклятых заводов, жить невозможно! Мы все находимся словно в аду!»*.

Как я уже говорил, полеты выполнялись в основном ночью. Утром с Пе-8 возились воздушные стрелки, авиамеханики, прибористы, радисты, офицеры-штурманы. Их руками готовились к вылету материальная часть, корабль в целом.

Во второй половине дня к работе приступали мы, вооруженцы: проверяли исправность стрелкового и бомбардировочного вооружения, готовили к подвеске авиабомбы, взрыватели. Душой нашего наземного экипажа был старший техник, лейтенант Саша Тимофеев. Как челнок, он двигался от самолета к землянке, от землянки к кораблю, постоянно держа под контролем подготовку к боевому вылету. Всегда спокойный, приветливый в обращении с людьми, он вселял уверенность во всех членов экипажа. Я не помню случая, чтобы его машина не была готова к вылету.

Война есть война, человек на ней становится более же-

* Цит. по кн.: Виноградов Ю. Иду на Берлин. — М., 1980.

стким. И при всем этом именно война показывает, проявляет, высвечивает все позитивные и негативные качества человека. Лейтенант Тимофеев и на войне оставался таким же, как в мирное время. Вот такой, казалось бы, маленький, но важный факт: за все время, пока мы служили в одном экипаже, мои товарищи и я не услышали от него ни одного бранного слова!

Увы, Саша Тимофеев не дожил до Победы. Он погиб в июле 1944 года вместе с десятью другими членами экипажа во время бомбардировки скопления вражеских войск и техники в эстонском порту Тапа. Свинцовые воды Балтийского моря стали братской могилой для Саши и его товарищей Сережи Федотова, Леши Сухорукова, Жени Лермана. Все они были моими сверстниками.

Я постоянно работал в паре с Васей Жевняком. Белорус по национальности, он не имел специального технического образования, но был прекрасным практиком, так сказать, авиационным Левшой. На установку пушки и пулемета он тратил считанные минуты, с большой сноровкой руководил действиями воздушных стрелков при подвеске бомб в бомбовые отсеки корабля. Все, что делал Василий, было надежно и не требовало исправлений. Не сосчитать тех пудов соли, буханок хлеба, которые мы съели с Васей за три года войны, и тех кубометров земли, что выкопали, роя землянки. Василий был на три года старше меня, говорил нараспев, с белорусским акцентом. Вместе с ним мы составляли планы комсомольской работы, выпускали боевые листки. Помню, как в ночь под Новый, 1943 год мы писали мелом на двухтонных авиабомбах: «Новогодний привет Гитлеру!» Наши друзья-пилоты донесли «послания» в две тысячи килограммов весом каждое по назначению!

Кому-то может показаться, что работа авиавооруженцев была относительно безопасной... Однажды ночью на взлетной полосе потерпел аварию один из наших бомбардировщиков. К счастью, опасный груз не сдетонировал.

При свете ламп-переносок мы вскрывали бомболуки и осторожно извлекали оттуда взрыватели и авиабомбы. Саперы, как известно, ошибаются раз в жизни. В таком же положении оказались тогда и мы. Позже, во время стремительного наступления наших войск в районе Брянска, произошел такой случай. Фашисты столь поспешно отступали, что даже не успели взорвать склады с авиабомбами в Сеще, куда передислоцировалась наша эскадрилья. Картина была впечатляющая: длинные штабеля 500-килограммовых немецких бомб протянулись недалеко от аэродрома. Опасаясь возможного сюрприза, например заряда с часовым механизмом, готового рвануть в любую секунду, мы осторожно обследовали немецкие бомбы. Выяснилось, что все они были снабжены специальными зарядами, которые приводились в действие с помощью электричества. Посоветовавшись, мы аккуратно выкрутили эти взрыватели из тела бомб и взамен ввернули свои, отечественные вездесубойные пневматические. Фашистские бомбы обрушились на головы фашистов. Поднявший меч от меча и погибнет.

Кстати, разряжая эти бомбы, мы обратили внимание, что к их стабилизаторам приварены полые трубки, наполненные спрессованной бумагой и материей. Как выяснилось, когда такая бомба неслась с огромной скоростью вниз, воздух, попадая в трубки, создавал ужасный воющий звук, который угнетающе воздействовал на психику человека. Но не помогли гитлеровцам ни это, ни другие ухищрения.

В конце 1943 года у нас на вооружении появилась новая мощная отечественная бомба. Она весила 5400 килограммов. Вес взрывчатки составлял 3,2 тонны. Длина бомбы со стабилизатором — 5,2 метра. Эту громадину на специальных санях подвозил трактор, с помощью четырех лебедок она грузилась в бомбовый отсек корабля. И пилоты и вооруженцы любовно называли эту красавицу «Марией Ивановной».

Говоря о «сюрпризах», оставленных немцами на сещен-

ском аэродроме, я не преувеличивал. Фашистскими минами были усеяны вся территория аэродрома и подходы к нему. Первое время личный состав эскадрильи мог передвигаться только по дорожкам и тропкам, очищенным от мин. Справа и слева висели грозные таблички: «Опасно! Заминировано!»

Именно здесь погиб мой хороший товарищ, кировчанин Ваня Марков. Он подорвался на mine. Вместе мы учились в 28-й школе пилотов, затем в школе механиков авиавооружения, вместе воевали с момента прибытия в действующую армию. И такая нелепая гибель!

Много лет прошло с тех пор, но и по сей день я слышу Ванин голос, вижу его лицо.

19 марта 1943 года Пе-8 готовится к очередному вылету. Цель — Варшава. И, хотя снуют бензозаправщики, вооруженцы проверяют исправность пушек и пулеметов, прибористы и авиамеханики проводят традиционный, штатный предполетный осмотр, не слышно привычного скрипа лебелок: бомболюки были пусты. Все разрешилось в последний час перед вылетом. Командир корабля майор Сушняк сообщил, что корабль летит со специальным заданием. На борт доставили два миллиона листовок на польском и немецком языках. Полеты по разбрасыванию агитационных материалов выполнялись нашим авиаполком и прежде. С наших самолетов сбрасывались листовки, сообщавшие о разгроме гитлеровцев под Москвой, о создании антигитлеровской коалиции, об окружении и уничтожении немецких армий под Сталинградом. Помню, на одной из таких листовок воспроизводилась фотография взятых в плен немецких генералов во главе с фельдмаршалом Паулюсом. Такие материалы не только раскрывали рядовым фашистской армии правду о войне, но и рассказывали советским

гражданам, оказавшимся в немецкой оккупации, о положении на советско-германском фронте.

Но вернусь к полету на Варшаву. Те листовки начинались так: «Братья-поляки! Немецко-фашистские захватчики хотят поработить поляков. Они хотят уничтожить польскую культуру, саму польскую нацию. Но Красная Армия не оставит польский народ в беде, и близок тот день, когда она придет полякам на помощь!»

После войны я узнал, что эти листовки бережно собирали и хранили. Русские, поляки, румыны — все видели в них надежду на скорое освобождение, на близкий разгром ненавистного врага. На основе этих материалов партизаны и подпольщики выпускали газеты. Сила печатного слова не уступала силе бомб, которые наши летчики сбрасывали на гитлеровцев.

...Однажды в сумерках под крыло нашего «Петлякова» подкатила легковая машина черного цвета. Из нее вышел человек в форме генерала. Открылась задняя дверь, и вышли еще трое: двое мужчин и одна женщина. Их вид поразил меня. Мужчины были в необычных для военного времени, безупречных, явно сшитых на заказ, костюмах, идеально начищенных ботинках. Из машины вытащили рацию, какое-то оборудование, упакованное в мешки. Воздушные стрелки помогли надеть им поверх гражданских костюмов летные комбинезоны, парашюты.

Говорили мало. Короткие напутственные слова, сказанные генералом, крепкие рукопожатия, и они заняли места в фюзеляже гигантского самолета. Мы уже поняли, что это советские разведчики, направляемые на работу в глубокий немецкий тыл.

Где-то в районе Варшавы все трое покинули самолет. Больше мы никогда не встречались. До сих пор живет надежда, что эти люди живы. Хочется в это верить.

На войне часто происходили события, которые, кроме как словом «чудо», не назовешь. Однажды из боев за Борисов не вернулся один из экипажей. Самолет был сбит

и на глазах других летчиков рассыпался в воздухе. Тяжело переживали мы гибель ребят. Каково же было наше ликование, когда спустя неделю полуторка доставила живыми и невредимыми тех, кого мы считали героически погибшими! Фронтовой фотограф запечатлел этот счастливый момент. Башенный стрелок Шверталов и бортрадист Зайцев стоят в форменной одежде. Остальной экипаж одет кто во что горазд. Инженер-капитан Востриков — в кепке, в выдавшем виды пиджаке, надетом прямо на майку, в лаптях. Воздушный стрелок Конотенко в исподней рубашке, заправленной в чужие брюки, и в ботинках как у Чарли Чаплина. И смех и грех!

Ребята рассказали, что, когда машина начала разваливаться, командир дал команду покинуть самолет. Ночь, обстрел, вражеские истребители. Где наши, где чужие — не разберешь. Под ногами — оккупированная территория. Приземлились точнехонько в расположение белорусских партизан. Через несколько дней Борисов был освобожден и партизаны передали экипаж по назначению — в родную дивизию.

Но не всегда все заканчивалось счастливо. В сентябре 1943 года в нашу часть прибыл молодой летчик капитан Кокарев. За короткое время он делом завоевал авторитет и уважение, стал командиром корабля. Он бомбил Данию, Кенигсберг, Тильзит. В свои 29 лет он был награжден орденами Красного Знамени и Отечественной войны I степени. В части сразу полюбили капитана за простоту и скромность, добросердечность, чувство юмора. Кокарев освоил множество типов самолетов. Он в совершенстве pilotировал Ил-4, СБ, ПС-9, ПС-84, американскую машину «Дракон Рапид Персивал». Где только не летал наш самый молодой командир корабля! Перегонял ленд-лизовские самолеты с Аляски, возил почту, горючее, раненых, боеприпасы, воевал на Черном море, Западном Буге, Балтике. Балтика и стала его последним и вечным пристанищем...

После освобождения Брянщины наша дивизия перебазировалась на аэродром в Сеще. Именно отсюда фашисты совершали налеты на Москву, другие жизненно важные центры страны. В Сеще базировались и вражеские истребители.

Вот почему наша дивизия неоднократно бомбила сещенскую авиабазу. Когда эскадрилья приземлилась в Сеще, то вокруг были лишь груды развалин из кирпича и бетона. Не сохранилось ни одного здания, ни ангара, ни служебного помещения. Мы наблюдали работу нашей авиации по уничтожению вражеского авиагнезда. Особенно гордились штурманы. Именно они безупречно выводили тяжелые «пешки» на цель.

Но, с другой стороны, жить теперь было негде. Первое время крышей для нас были крылья бомбардировщика. В холодные ночи забирались в самолетные фюзеляжи, а днем, в короткие часы отдыха, как кроты, вгрызались в землю, рыли землянки. Скарб у нас был нехитрый. Все мое хозяйство умещалось в походном вещевом мешке: были здесь баклажка с водой, котелок да ложка. В нашей землянке было несколько комнат, в некоторых имелись даже окна под потолком. Как говорится, дружно не грузно, а один и у каши загинет. Скучать не приходилось.

К нам приезжали с концертами выдающиеся артисты, например Лемешев и Гаркави, прекрасный писатель Алексей Толстой, в то время военный корреспондент «Красной звезды».

Запомнились встречи и с крупными деятелями международного коммунистического движения — генеральным секретарем Итальянской компартии Пальмиро Тольятти, Василием Коларовым, который впоследствии возглавил Болгарскую коммунистическую партию.

В июне 1944 года к нам в дивизию стали поступать

американские ленд-лизовские бомбардировщики Б-25. Этими машинами оснастили вновь созданный авиаполк. Следует сказать, что американские «бомберы» значительно уступали по своим боевым и аэродинамическим качествам советским самолетам. Эти двухмоторные самолеты были значительно меньших размеров и брали бомбовой начинки в два раза меньше, чем Пе-8. Ахиллесовой пятой Б-25 было то, что он не отличался большой устойчивостью. Стоило отказать одному двигателю, как машина становилась неуправляемой и экипажу приходилось покидать ее на парашютах. Все надписи и указатели в кабинах «американцев» были на английском языке.

От Б-25 досталось и мне. Было это уже в июле 1944 года. Я выполнял приказ командира о подготовке к полету ленд-лизовской машины. Лететь на ней был должен Герой Советского Союза гвардии майор Вихорев.

Подвеску бомб на Б-25 я выполнял впервые. Пока все шло нормально. При свете лампочки-переноски и с помощью лебедки я поднял и закрепил на замки четыре 100-килограммовые бомбы. Настала очередь 250-килограммовой. Поднял ее и, присев, стал ставить на замок. Внезапно ощутил страшный удар по голове. Очнулся уже в госпитале. Руки в гипсе, голова раскалывается от боли. До этого, когда читал в книгах, что «глаза выскакивали из орбит», не очень представлял себе, что это такое. Сейчас, в госпитале, у меня были именно такие ощущения.

Выяснилось, что не сработал зацеп в замке «сотки» и она, сорвавшись, краем задела меня. К счастью, только краем. День за днем возвращались жизненные силы. Через неделю мог левой рукой держать ложку. Начальник госпиталя майор медицинской службы Зенин обрадовал меня, сказав, что со временем пальцы рук будут действовать. необходим массаж. Молодость и желание вернуться в строй сделали свое дело: через несколько месяцев я мог поднимать груз в три-четыре килограмма. Не было бы счастья, да несчастье помогло: я получил отпуск домой, в

Пермь. Отца и мать не стал расстраивать рассказом о случившемся.

В свою часть вернулся в октябре 1944 года. Авиагородок, как водится, представлял собой развалины. Уцелели три многоэтажные коробки здания, но пришлось изрядно поработать, прежде чем в них смогли разместиться штабы и личный состав дивизии.

Мы с Васей Жевняком расположились на первом этаже двухэтажного дома. Здесь была даже печка, но она сильно дымила и давала мало тепла. Пришлось пойти к коменданту гарнизона, и он под расписку выделил нам пленного немца-печника. Тот починил печь, а мы накормили его. Пленный, мешая немецкие и русские слова, попытался с нами объясниться.

Речь его была малосвязной, но ее суть мы прекрасно поняли: немец на чем свет стоит крыл Гитлера за его нападение на Россию. Говорил он и о том, что немецкие пленные очень удивлены тем, как с ними гуманно обращаются, хорошо кормят, позволяют читать газеты и журналы на немецком языке.

После возвращения в строй я был назначен комсоргом 362-го тяжелобомбардировочного полка. Заместителем командира полка по политчасти был подполковник Буханец, парторгом полка — капитан Бочаров, агитатором — лейтенант Барановский, а комсоргом — я, Берлин. Обыгрывая первую букву наших фамилий, Буханец часто говорил:

— Весь политсостав у нас — большевики!

Комсомольская работа на фронте, конечно, имела свои особенности. На бюро авиаполка мы постоянно обсуждали вопросы, связанные с боевыми делами комсомольцев, с укреплением дисциплины, повышением политической бдительности.

Огромную помощь мне как комсоргу оказывали командиры кораблей, комсорги эскадрилий, молодые штурманы Коля Чернолих, Миша Гуренев, Лева Сельский, Коля Ди-

денко, Игорь Брагин. С особой теплотой и благодарностью вспоминаю сейчас советы и деловую поддержку парторга капитана Бочарова. Помню, например, такой случай. Комсомолец Вознюк чем-то не понравился исполняющему обязанности командира эскадрильи, и тот перенес личную неприязнь на деловые отношения, подвергнув Вознюка незаслуженному наказанию.

Я рассказал об этом случае на партийном собрании, и Бочаров полностью поддержал мою точку зрения на случившееся. Доброе имя комсомольца было восстановлено. Помню, как просветлело лицо Вознюка, который до этого ходил чернее тучи. Лишний раз я убедился, что справедливость не есть некое отвлеченное понятие.

Война, безусловно, дисциплинирует человека. Но она же может поставить кого-то на грань нервного, психического срыва. Помню бурное комсомольское собрание, на котором рассматривалось персональное дело комсомольца Р. Он совершил самовольную отлучку из части, уехал в город и там,хватив спиртного, угнал машину и опрокинул ее в кювет. Ребята требовали самого сурового наказания для Р. Что такое суровое наказание на фронте, думаю, знают все. Надо сказать, что Р. был парень в целом неплохой. Собрание оставило его в части, наказав по комсомольской линии. К его чести, он тяжело переживал случившееся и в дальнейшем не допускал никаких нарушений армейской дисциплины. 29 октября 1943 года газета «Красная звезда» была целиком посвящена 25-летию Ленинского комсомола, его фронтовому отряду. Передовая статья была озаглавлена: «Комсомол — слава и гордость Отчизны». На второй странице была помещена статья Михаила Ивановича Калинина «Боевой помощник большевистской партии».

А на третьей странице под рубрикой «Комсомольцы на фронтах Отечественной войны» я увидел три фотографии. На первой — танковый экипаж лейтенанта Щеголя, первым ворвавшийся в Запорожье, на второй — кавалер орде-

на Отечественной войны и медалей «За отвагу» и «За боевые заслуги» снайпер, старший сержант Ошкоцеров, а на третьей... на третьей с газетного листа на меня, улыбаясь, смотрели... Впрочем, лучше приведу подпись под снимком: «Передовики-комсомольцы энского полка авиации дальнего действия воздушный стрелок Г. Малинин, вооруженцы В. Жевняк, С. Мусихин, Н. Берлин». За нашими спинами, придавая фотографии особую весомость, стоял тяжелый бомбардировщик.

Я уже говорил, что в нашей комсомольской работе мы много времени уделяли повышению военной и политической бдительности. Это было не случайно. Полк дислоцировался на территории, совсем недавно освобожденной от гитлеровцев. Оставались здесь и люди, во время оккупации сотрудничавшие с нацистами, возможно, была создана и агентурная сеть. Нужно было быть готовым к любым неожиданностям. Запомнились две деревеньки. Одна из них, Проровино, состояла из покосившихся домиков с соломенными крышами, сломанными заборами, разоренными палисадниками. Многие жители Проровино за сотрудничество с партизанами были повешены и расстреляны. Оставшиеся в живых испытывали нужду и голод. Вторая, под названием Шапчино, являла собой полную противоположность первой. Добротные хаты с железными крышами, неплохая обстановка со старинной мебелью, сундуки с барахлишком. Мы уже знали, что некоторые жители этого села прислуживали оккупантам, а сейчас сбежали, опасаясь справедливого возмездия. У одного из жителей Шапчино я купил немецкий фотоаппарат «Агфа». То ли он остался у хозяина от сбежавших гитлеровцев, то ли фашист подарил его домовладельцу. В аппарате оказалась непроявленная кассета с пленкой. Ребята из аэрофото съемочной лаборатории проявили ее, а затем напечатали фотографии. Они были красноречивы: самодовольные гитлеровцы в мундирах со свастикой позировали на фоне дорожного указателя «На Ржев».

В освобожденных районах Белоруссии жизнь постепенно брала свое. В деревнях и селах появлялись молодые ребята. Кто-то вернулся из партизан, кто-то из лесов, где скрывался от угона в Германию.

Молодежь полка, комсомольцы старались помочь юношам и девушкам, подбодрить их, поддержать (а многие из них потеряли всех своих родных), вселяли в них веру в скорую победу над врагом. Когда не было полетов, мы собирались на посиделки и под гармошку пели любимые песни, танцевали лявониху или «семеновну». Запомнились слова песни, даже скорее частушки:

На столе стоит каша гречневая,
Поверьте, девушки, любовь не вечная.
А на столе стоит каша манная,
Поверьте, девушки, любовь обманная.
А на столе лежит четыре рублика,
А невеселая сегодня публика.

И последний куплет с обязательной благодарностью гармонисту:

Сорву я веточку, да зеленую.
Спасибо, Колечка, за «семеновну»!

В эти минуты даже забывалось, что идет война.

Я назвал свои воспоминания «Бомбовая нагрузка — максимальная» не случайно. У меня чудом сохранился дневник работы по вооружению своей машины. Читаю фронтовые записи, сделанные на оберточной бумаге:

«7 марта 1943 года. Вылет корабля № 42098. Командир — майор Сушин. Штурман — капитан Рубинштейн. Бомбовый груз — 4 тонны.

500 кг бомб — 6 штук.

250 кг бомб — 4 штуки.

САБ-55 — 2 штуки.

9 марта 1943 года. Бомбовый груз — 4,5 тонны.

1000 кг бомб — 2 штуки.

500 кг бомб — 2 штуки.

250 кг бомб — 6 штук.

10 марта 1943 года. Бомбовый груз — 5 тонн.

500 кг бомб — 8 штук.

250 кг бомб — 4 штуки».

На сохранившихся у меня страничках зарегистрировано 27 вылетов на бомбометание по вражеским объектам под Гомелем, Бахмачом, Дном, Жлобином, Минском, Коростенем, Калинковичами, Оршей, Фастовом, Псковом, Таллином, Варшавой... А общее число боевых вылетов с полной бомбовой загрузкой, которую обеспечил наш наземный экипаж, достигло полутысячи. Ребята нашей эскадрильи обрушили на головы фашистской нечисти тысячи тонн бомб. И каждая такая тонна приближала миг нашей общей великой Победы.

Минули десятилетия с того светлого майского дня. В 1980 году ветераны дивизии АДД собрались в городе Жуковском. Не всех можно было сразу узнать. Время безжалостно.

Огромная белая борода скрыла лицо Энделя Карловича Пусэпа. Счастливо сложилась его послевоенная судьба. Он вел большую общественно-политическую работу, был назначен министром финансов Эстонской ССР, избран заместителем Председателя Президиума Верховного Совета республики, возглавлял Эстонский комитет защиты мира, написал несколько книг, среди которых «На дальних воздушных дорогах». Бывший штурман эскадрильи Валентин Иванович Аккуратов после войны участвовал во всех высокоширотных экспедициях, получил звание «Заслуженный штурман СССР». Валентин Иванович — автор популярных

книг «В высоких широтах», «Покоренная Арктика», «Истина ложных меридианов», «Самолеты штурмуют льды», «Право на риск». С интересом рассматриваю его визитную карточку, где сказано, что В. И. Аккуратов — член редколлегии журнала «Вокруг света».

Командир нашей эскадрильи Лавровский по-прежнему работает в штабе дальней авиации. Всеволод Тимофеевич все так же демократичен, подтянут, его мысли не утратили своей оригинальности, а речь — остроты.

Особенно радостной была встреча с Васей, Василием Терентьевичем Жевняком. В звании майора он служит в Советской Армии, живет в Рязани. Весь вечер и всю ночь просидели мы с ним в Жуковском, вспоминая войну. Вспомнили и ту фотографию 1943 года в «Красной звезде».

Были на той встрече и майор Откидач, старшина Сулимов, воздушный стрелок Лоцман и многие другие. Я смотрел на этих пожилых людей, слушал их взволнованную речь, видел глаза, в которых стояли слезы.

А сколько боевых друзей не было в те часы с нами...

Нельзя дважды войти в одну и ту же реку, считал древний философ. Так он определял относительность, постоянную изменчивость окружающего мира. Но люди, которые сохранили этот мир, остаются в нашей памяти вечными молодыми. Наша память сохранила их такими, какими они были: мужественными, беззаветно преданными Родине.

Иван Иванович Лисов. Родился в Белоруссии в семье сапожника. В 17 лет поступил в объединенную Белорусскую военную школу. После ее окончания служил в частях Красной Армии. С 1934 года — в воздушно-десантных войсках. Прошел путь от командира парашютного разведывательного отряда до заместителя командующего воздушно-десантными войсками. В настоящее время генерал-лейтенант в отставке Лисов возглавляет кафедру в Высшей комсомольской школе при ЦК ВЛКСМ.

В документальном очерке «За огненной чертой» генерал-лейтенант в отставке кандидат исторических наук И. И. Лисов, опираясь на архивные документы, свидетельства участников боевого десантирования за Днепром, знакомит читателей с малоизвестной героической страницей Великой Отечественной войны.

В этой десантной операции, осуществленной осенью 1943 года, принимали участие многие наши земляки: И. Г. Акулов, И. Н. Башкиров, И. И. Вожаков, Г. С. Гамилов, И. П. Гладков, А. И. Дементьев, М. А. Жебелев, А. И. Жигулин, Г. Г. Игнатьев, А. М. Коробейников, И. Р. Мальченко, Я. Е. Оглезнев, К. И. Ощепков, А. И. Полимонов, Н. Д. Попов, Л. К. Семеряков, М. И. Субботин, П. М. Черепов, П. П. Чертков.

Воспоминания некоторых из них дополняют очерк Лисова,

А. Д. Пучнин,
подполковник
в отставке,
ветеран Великой
Отечественной
войны

ЗА ОГНЕННОЙ ЧЕРТОЙ

Черкасская операция — одна из интереснейших битв, разгравшихся за Днестром в 1943 году.

...В этой, сравнительно небольшой по масштабам, операции тесно взаимодействовали и гармонически сочетались на поле боя три основные силы: части Красной Армии во всеоружии своей могучей техники, наносившие главный удар; партизанские отряды, бившие из лесов и проводившие налеты на коммуникации вражеской черкасской группировки; и части десантников, умело выброшенные за спиной у оборонявшихся немцев и помогавшие наступлению с тыла...

Правда, 30.10.43

Подготовка

В конце августа 1943 года в 3-й и 5-й гвардейских воздушно-десантных бригадах отрабатывались вопросы захвата и удержания плацдарма на крупной водной преграде. Обычные учения перед выброской во вражеский тыл.

В числе других офицеров группы руководства я наблюдал за ходом учений. В плотном строю к реке подошла группа транспортников Ли-2. Спустя считанные секунды в воздухе забелели купола парашютов. Недалеко от нас приземлился старший лейтенант. Он быстро сбросил подвесную систему и, на ходу поправляя снаряжение, побежал к нам. Генерал внимательно наблюдал за ним.

— Помощник начальника политотдела бригады по комсомолу старший лейтенант Коноплев, — отрапортовал офицер. — Приземлился нормально, материальная часть работала отлично, самочувствие хорошее!

— Какую задачу имеет отряд и как он будет ее выполнять? — спросил генерал.

Коноплев достал карту, четко ответил. Генерал остался доволен.

— Давно в десантных войсках?

— Давно, скоро три месяца.

Руководители учений заулыбались. Это был третий прыжок Степана Коноплева, а вскоре, во время очередного учебного десантирования, ему не повезло: неудачно сгруппировался, жесткий удар о землю и... пришлось идти к врачу. Тот, осмотрев сильно распухшее колено, покачал головой:

— Серьезного ничего нет, но о прыжках на неделю придется забыть.

Но отлежаться старшему лейтенанту не пришлось. В бригаде объявили тревогу, и вся техника, тяжелое вооружение, боеприпасы, парашюты грузились на железнодорожные платформы. Приказом также предписывалось землянки опечатать, а партийные и комсомольские билеты сдать в политотдел. Все это говорило о серьезности предстоящих дел, а когда эшелоны от Москвы повернули на

Рассказывает Николай Дмитриевич Попов:

Наша 3-я бригада стояла во Фрязино, под Москвой. В августе начали заниматься парашютной подготовкой. Сначала прыгали с трехметрового трамплина в опил, отрабатывали приземление, умение, если хогите, не сломать ноги. Вскоре были организованы небольшие учения: предстояло боевой группой десантироваться с самолета, «захватить» мост через Москву-реку (а «оборонять» его должна была 5-я бригада — условный противник) и «уничтожить» его. Вроде бы все просто, но, учитывая, что это был наш первый групповой прыжок, могли случиться самые непредсказуемые происшествия. Прыгали днем, так

юго-запад и замелькающими зелеными сигналами светофоров, стало ясно: это не учения, это — фронт.

В горячке погрузки Степан забыл о ноге. Но в дороге ее снова прихватило. Каждый шаг отдавался сильной болью в коленном суставе. Но боязнь, что об этом узнают, доложат врачу и отстранят от участия в операции, заставляла Степана терпеть.

Почти сорок лет считался пропавшим без вести военный журналист и политработник Николай Старостин. Благодаря усилиям жителей тех мест, где он принял свой последний бой, поискам школьников-следопытов можно с определенной степенью точности восстановить последние дни и часы жизни майора Старостина.

До прыжка за Днепр с гвардейцами 3-й воздушно-десантной бригады Николай Старостин уже имел боевой опыт. Почти пять месяцев он сражался в тылу врага на Западном фронте. Вскоре после возвращения из вражеско-

как командование резонно сочло, что нашего парашютного опыта явно недостаточно для ночных прыжков.

В то время транспортных самолетов «дуглас» было еще мало, поэтому для учений выделили старые бомбардировщики ТБ-3, машины, прямо скажу, мало приспособленные для выброски десанта. Прыгать приходилось из крыла, а там масса переборок, растяжек. Один из десантников (фамилия у него была типично русская — Иванов) зацепился вытяжным кольцом за переборку, и парашют, естественно, раскрылся. Пока мы помогали ему собрать купол и стропы, время ушло, и пилоты пошли на второй круг. Конечно, случись такое в боевой об-

го тыла десантники с интересом читали книгу о своих боевых делах, автором которой был военный журналист Старостин. Написана книга была просто, и каждый понимал, что так может написать человек, который сам был по другую сторону фронта, знает, что такое прыжок ночью на верхушки деревьев, скоротечный бой. Когда в сентябре 1943 года в редакцию пришло сообщение, что в тыл десантируется 3-я бригада, Старостин вызвался лететь с нею.

Сборы его были короткими. Забежал домой, чтобы взять десантную куртку, ту самую, счастливую, в которой прыгал зимой 42-го под Вязьмой. Захватил полевую сумку, записную книжку. На прощанье сказал жене, что вернется недели через две-три, не позже. И его словам можно было верить. По всему фронту шло успешное наступление Красной Армии...

На аэродроме старший лейтенант Коноплев, как и все остальные десантники, получил продовольствие на трое суток, 300 патронов, две ручные и одну противотанковую гра-

становке, нам бы пришлось не сладко. Но учения для того и проводятся, чтобы в бою не допускать ошибок. Со второго захода наша группа покинула ТБ-3 и удачно приземлилась. Мост мы «захватили» и «сожгли». Во время учений и в последующих тренировочных прыжках за каждым из нас было закреплено по два парашюта: ПД-41 — основной и ПД-8 — запасной. От инструкторов мы знали: боевой прыжок мы будем совершать только на основном парашюте. И когда поступил приказ сдать запасной, мы поняли — впереди бой за линией фронта.

Рассказывает Иван Иванович Вожаков:

Парни все были молодые, веселые. Когда тебе восемнадцать лет,

наты. Нагрузившись амуницией, Степан едва доковылял до командного пункта бригады, где и попался на глаза комбригу подполковнику П. М. Сидорчуку.

— А с вами вопрос решенный, — сказал комбриг, — остаетесь здесь. Кто вас там будет лечить!

Друзья уложили расстроенного Коноплева на сеновал, принесли горячий украинский борщ, гречневую кашу, молоко. После обильной трапезы он немного успокоился и уснул.

Разбудил его гул прогреваемых самолетных двигателей. С трудом поднялся, дошел до штаба, но там уже никого не было.

Ему повезло. Возле одного из транспортников, в груде загружаемой амуниции, он увидел «ничейный» парашют, надел его на себя. В двух десятках метров стоял Ли-2, на котором он и должен был лететь. Командовал этой группой заместитель командира 1-го батальона капитан Н. Р. Кротов. Забравшись в самолет, Коноплев пересчитал команду: полный комплект, 23 десантника, два грузовых мешка. Двери закрылись, двигатели быстро набрали обороты, короткий разбег — и черная земля с редкими огоньками ушла вниз. Операция началась.

не очень-то и задумываешься, что тебя ждет завтра. Но не все шло гладко. Во время учебных прыжков разбился наш пермский парень по фамилии Куликов. Причина — пренебрежение требованиями наставлений и инструкций.

Десантник — это ведь не просто военная профессия. Здесь необходимо иметь особую крепость духа, психологическую стойкость, строго соблюдать правила.

Не у всех нервы выдерживали. Помню, незадолго до получения боевого приказа один парень плакал, постоянно просил, чтобы его оставили. Сидорчук приказал вывести его из состава батальона и направил в аэродромную команду.

Группе капитана Кротова предстояло прыгать северо-западнее Канева, в район сел Костеняц и Тростянец. Место приземления хорошо знали и командиры и рядовые, но на войне — как на войне. Сильная противовоздушная оборона, созданная противником на правом берегу Днепра буквально в последние дни перед выброской десанта, вынудила пилотов изменить разработанную схему десантирования. Уже над Днестром машины встретили мощный зенитный огонь, воздух был нацеливан осветительными ракетами, и, хотя транспортники вели опытные летчики из авиационного полка, которым командовала Герой Советского Союза Валентина Гризодубова, многое происходило не так, как планировалось. Десантирование происходило при выполнении противозенитного маневра, с большой высоты, некоторые экипажи в условиях сложной почной ориентировки не смогли выйти в намеченные районы.

Все это привело к рассеиванию парашютистов. Вместо строго ограниченной площадки они приземлились на территории Черкасского, Мироновского, Ржисевского и Смелянского районов. Часто попадали в места, где было большое скопление вражеских войск, и немцы немедленно принимали меры для уничтожения парашютистов.

...Группа капитана Кротова дружно покинула самолет. За несколько секунд до приземления Степан Коноплев успел подумать: «Как бы сейчас не захромать на обе ноги!»

С земли по ним вели огонь, десантники огрызались короткими очередями: боеприпасы нужно было экономить. Ветра почти не было, группу не разнесло, и уже спустя полчаса вокруг Коноплева собралось человек двадцать. Впрочем, здесь были десантники и с других самолетов. У встречного жителя близлежащего села выяснили: до назначенного района еще нужно добираться.

Только через двое суток, подбирая по пути одиночных десантников, старший лейтенант Степан Коноплев встретился с капитаном Кротовым. Кротов тоже собрал большой отряд. После объединения их было уже около 200 человек, в том числе восемь офицеров. Коноплев стал комиссаром отряда. Сбор на земле оказался исключительно трудным. Подразделения перемешались между собой, документов с собой в тыл не брали, и пришлось каждого человека тщательно проверять путем опроса. После долгих неудач удалось выйти на связь с комбригом. Он в это время находился в Таганчанском лесу, куда и нужно было пробиваться отряду. Походную колонну возглавил капитан, а старшему лейтенанту предстояло ее замыкать.

Уже к исходу 25 сентября в районе выброски действовало более 40 отдельных групп десантников, имеющих в своем составе почти пять тысяч человек из 3-й и 5-й бригад.

Украинский штаб партизанского движения дал распоряжение всем командирам партизанских отрядов направлять десантников в Таганчанский лес, организовал специальные поисковые группы. Вражеское командование прекрасно понимало, что в его тылу сосредоточивается мощный ударный кулак, который постоянными нападениями из глубины немецкой обороны ослабит Днепровский вал, поможет Красной Армии форсировать Днепр и выйти на Правобережную Украину. Выход советских регулярных частей в район шевченковского железнодорожного узла нанес бы непоправимый удар обороне фашистов, поскольку открывал Красной Армии дорогу на Умань, Винницу и Кривой Рог. Вот почему немецкое командование организовало серию карательных экспедиций против десантников и партизан, перебросив части 72-й пехотной дивизии и специальные моторизованные подразделения.

Сбор шел, но каждый шаг, приближавший отряды к объединению, оплачивался дорогой ценой.

Вблизи села Тубольцы 33 десантника вели ожесточенный бой с врагом. Гитлеровцы обрушили на парашютистов огонь орудий и минометов. Большинство десантников погибло. Тех же, кого в бессознательном состоянии удалось захватить в плен, фашисты связали, обложили хворостом и заживо сожгли. Ночью местные жители захоронили останки героев в урочище Каменная Дубрава.

Партизан С. П. Жуков разыскал несколько раненых парашютистов. Среди них находился и заместитель командира бригады майор Дмитрий Колесников. Однако немцы узнали об этом. Дом Жукова, где скрывались советские воины, был окружен, взят приступом, а раненые и партизаны — расстреляны.

В районе села Македоны приземлилось 17 парашютистов. На помощь к ним пришли жительницы села Анна Пикулик и Ольга Семещенко. Уже 26 сентября десантники были у партизан.

Семья Григоренко из села Корданы укрыла радистку В. Н. Соколову, лесник С. Е. Мирошниченко под Смелой спас 50 человек из роты старшего лейтенанта Зюзина.

Рассказывает Константин Иванович Ощепков:

В Красной Армии я служил с 1938 года. И все это время в десантных частях. Стал инструктором парашютно-десантной подготовки. В этой должности и готовил ребят к десантированию за Днепр. 23 сентября 1943 года получили боевой приказ, погрузились в эшелоны и — на Харьков. Недели за две до десантирования стали формировать личный состав взводов.

Командовал нашим батальоном лейтенант Цветков.

Взлетели удачно, быстро набрали высоту. Дальше план стал, к сожалению, нарушаться. Не прошло и половины времени, требуемого для подлета к месту выброски, как зажглась лампочка, означавшая команду: «Пошел!»

11 июня 1976 года Указом Президиума Верховного Совета Украины за «высокий патриотизм, мужество и отвагу, проявленные в борьбе против немецко-фашистских захватчиков в период Великой Отечественной войны 1941—1945 годов», были награждены медалями «За отвагу» Анатолий Филиппович Ганненко и его мать Серафима Ивановна Ганненко.

Что же случилось в ночь с 25 на 26 сентября 1943 года, когда Анатолий и Серафима Ивановна встретили десантников сразу после приземления недалеко от села Пищальники?

На земле парашютисты угодили прямо в расположение моторизованной части врага, им пришлось принять неравный бой. Многие пали смертью храбрых. Недалеко от места боя, примерно в двух километрах от села, пятнадцатилетний Анатолий обнаружил в глубоком яру семерых наших солдат во главе со старшиной. Многие из воинов были ранены. Старшина и Анатолий наметили план действий. Главное — раздобыть продовольствие. Риск был огромный. В селе стояли немецкие части, а в доме Серафимы Ивановны поселился фашистский генерал. Все дороги блокировались немецкими постами, вход и выход из

Немцы поставили такой плотный зенитный заградительный огонь, что нам пришлось прыгать раньше, чем было намечено сначала. Мы один за другим быстро оставили самолет. Немцы открыли сильную стрельбу. Чудом остался жив. Когда приземлился, обнаружил: приклада у автомата нет, он полностью разбит немецкой пулей.

И сразу — в бой. Приземлились мы довольно кучно. Это и помогло нам в дальнейшем девятнадцать дней удерживать высотку. Не повезло нашему командиру лейтенанту Цветкову. Утром в наше расположение пробился радист. Он рассказал, что они с Цветковым угодили прямо немцам на голову. В бою лейтенант погиб.

На двадцатый день пришел связной от Сидорчука и повел оставшихся в живых в расположение бригады.

села без разрешения немецкого командования были запрещены. Старшина постоянно напоминал Анатолию о соблюдении маскировки. Бывали минуты, когда все висело на волоске. Но Анатолий и мать понимали: от их помощи и поддержки зависела жизнь семерых бойцов Красной Армии, бойцов, которые пришли освободить от фашистского гнета их, семью Ганненко, односельчан. Как мать понимала Серафима Ивановна, что у ребят, схоронившихся в лесу, тоже есть матери, которые ждут возвращения своих сыновей с войны.

Но, отправляя Анатолия к раненым, Серафима Ивановна каждый раз мысленно прощалась с ним. Две недели Толя Ганненко спускался в глубокий овраг, принося пищу. Но на пятнадцатый день произошло событие, которое резко осложнило ситуацию.

Брат Анатолия, Виктор, вместе с соседкой поехал на поле за просяной соломой. Нагружая повозку, они услышали чей-то стон: «Пить!» Женщина испуганно вскрикнула. На крик прибежали немцы, которые работали неподалеку. Виктор уже понял, чей это стон, и, понимая, что ситуация критическая, сделал вид, что сломалась телега. Он вынул из оси шпонку и стал снимать колесо. Вскоре немцы

Рассказывает Николай Дмитриевич Попов:

Приземлились около деревни Яблоновка. Тут же я собрал парашют и закопал его: такой был приказ. Перед выброской нам дали специальные свистки, вроде милицейских, только имитировали они свист коростеля. Удобная штука, чтобы не выдать себя противнику. Первым на мой свист вышел Василий Федосеев, вскоре подошли Рада и Каплан. Больше никого не было. По кукурузному полю вчетвером прошли около километра и снова посвистели. Нам ответили. Это оказался командир роты старший лейтенант Михеев и с ним еще двенадцать ребят. Уже сила. Решили двигаться по проселочной дороге. Это сейчас я говорю, что приземлились у Яблоновки. Тогда, в те первые часы, мы не знали своего месторасположения.

уехали. Тогда Виктор и женщина разрыли солому и обнаружили в ней раненого офицера-десантника. Две недели пролежал в стогу капитан М. Сапожников. Виктор хотел положить капитана на повозку, укрыть соломой и везти к себе домой. Но Сапожников отказался.

— Днем это невозможно, только себя погубите, — сказал он.

— Тогда ночью, — ответил юноша, — потерпите немного.

На семейном совете было решено переправить капитана к своим в овраг. Операция «Переправа» прошла успешно. Выяснилось, что у офицера хранилось знамя бригады. Вместе со старшиной, упаковав знамя в цинковую коробку из-под патронов, они укрыли знамя в тайнике. О месте тайника десантники сказали только Анатолию Ганненко.

Полгода берегли свою тайну Анатолий и Серафима Ивановна. Лишь после освобождения Черкасщины Красной Армией в начале 1944 года извлекли они знамя из тайника и передали его советским воинам...

Группа майора Старостина удачно преодолела шквальный огонь врага над Днепром и вышла на точку десанти-

Прошли еще около километра и вдруг слышим русскую речь. Прислушались.

— Какие здесь десантники? — говорит один голос.

— Да, — отвечает другой, — видимо, здесь никого нет, тут даже самолет не пролетал.

— Власовцы, — догадался Михеев.

За поворотом дороги стоял транспортер, а на нем сидели два человека. У нашего десанта (это мы точно знали) никаких транспортеров не было, это были власовцы, никаких сомнений не оставалось.

По приказу Михеева Вася Федосеев бросил гранату, но неудачно: перелетев транспортер, она разорвалась, не причинив власовцам никакого вреда. К счастью, бросок Михеева оказался снайперским. Накрыл

рования — село Потапцы. Стояла глубокая ночь, но после приземления десантникам быстро удалось собраться вокруг командиров. В селе их ждала засада. Местность не позволила уйти в лес, да и гитлеровцы, хорошо зная ее, сразу взяли отряд в кольцо. Неравный бой шел до рассвета. К пяти часам утра в живых остались майор Старостин и два десантника...

Прошло уже десять дней, а сбор продолжается. Очень трудно назвать имена всех тех, кто пришел на помощь десантникам. Но парашютисты хорошо помнят имена Пантелея Гайдая, Марии Литвин, Викентия Захарченко, Ивана Шевченко, Ивана Черепенко, Константина Голуба, Николая Фиалковского, Онуфрия Васильева, Николая Русинова, Александра Радченко, Семена Снищенко, Ивана Кузьменко...

Там, где партизанам и десантникам удалось объединиться, для гитлеровцев наступали тяжелые времена. В составе Черкасского партизанского отряда действовало 300 парашютистов, а в отряде имени Пожарского — около

и предателей, и их машину. У убитых нашли карту, а вскоре вышли к дорожному указателю, где по-немецки латинским шрифтом были написаны названия украинских деревень и городов: Тубольцы, Яблонька, Канев.

Так мы узнали, где находимся, 28 сентября вышли к небольшому лесному массиву у Тубольцев — Каменной Дубраве. Здесь нас собралось человек сто двадцать, были и раненые. Продовольствие было на исходе. Перед десантированием дали сухой паек на три дня: восемь сухарей, килограмм сала и полкило сахара.

Немцы с помощью «рамы» вскоре обнаружили нас. За три дня боев в Каменной Дубраве мы потеряли убитыми около тридцати человек. 6 октября мы вышли в расположение Сидорчука в Таганчанском лесу.

ста воинов-десантников. Во время боя с партизанами Каневского отряда, где успешно действовали и десантники, враг пять раз переходил в атаку на партизанские рубежи, но каждый раз отбрасывался назад. Около тысячи солдат и офицеров противника осталось лежать на поле боя.

Резко похолодало, стало трудно с продовольствием. Помогали местные жители, партизаны. Удалось разгромить продовольственный склад городищенского гебитскомиссариата в Млееве, угнать полсотни коров с немецкой фермы в Староселье. С боем доставили десантникам несколько подвод зерна, сахара, мяса, сушеных фруктов. Прикрывая сбор десанта в Таганчанском лесу, отряд имени Пожарского поставил заслон против карателей со стороны Смелы и Городища, дважды при этом выходя из окружения. Такая же миссия была возложена и на Черкасский отряд, который прикрывал десант со стороны Черкас, Дахновки и Свидовка.

...Колонна капитана Кротова продолжала движение. На коротких привалах измученные и голодные люди падали и мгновенно засыпали. Ночью часто шли дожди, все промокали до нитки и с трудом передвигались по лесным тропам. Особенно трудно приходилось Степану Коноплеву. Нога уже не сгибалась. На привале он сделал себе палку-костыль и теперь, опираясь на нее, замыкал походную колонну. Споткнувшись о корневище, он неловко свалился в яму и на несколько минут потерял сознание. Очнувшись, понял, что идти больше не сможет. Достал из кобуры пистолет, взвел курок...

Группа под командованием старшего лейтенанта С. Петросяна также двигалась в сторону Таганчанского леса. Десантники Петросяна проводили дерзкие диверсионные операции, нанося эффективные удары там, где гитлеровцы их меньше всего ожидали.

28 сентября разведка доложила, что в населенном пункте Поток размещены немецкая комендатура, штаб артиллерийской части, полицейская школа и большое количество

во техники. Для разгрома гарнизона Петросян создал четыре группы по 50 человек. Три предназначались для нападения, одна — для прикрытия. Кроме того, старший лейтенант выделил две группы по шесть человек для уничтожения телефонно-телеграфных линий связи и прикрытия дорог, ведущих к Потоку.

30 сентября операция началась. Получив свежие данные от своей разведки, командир несколько изменил первоначальный план. Занимать исходные позиции решили в 23 часа 50 минут, а начать атаку — ровно в полночь.

Начало получилось не совсем удачное: один из часовых, охранявших штаб, успел выстрелить. Не давая противнику опомниться и попытаться отразить атаку, десантники забросали штаб гранатами и, ворвавшись внутрь помещения, завершили уничтожение врага в рукопашной схватке.

Легче пришлось второй группе. В полицейской школе находилось всего несколько солдат и офицеров, которые не смогли оказать нашим бойцам серьезного сопротивления.

Когда третья группа начала свои действия, бой был уже в разгаре. Гитлеровцы, оправившись от неожиданности, сумели организовать оборону, открыв шквальный огонь. Парашютисты залегли, атака захлебнулась. Петросян со своими людьми стал обходить противника, чтобы ударить ему во фланг, но успеха не достиг. Освещая местность ракетами, фашисты плотно прикрыли огнем все подходы к складу боеприпасов. Трудно сказать, чем бы закончилась дерзкая операция, но в это время вторая группа, разгромив полицейскую школу, атаковала противника с тыла.

В результате боевых действий отряд старшего лейтенанта Петросяна разгромил штаб зенитно-артиллерийского дивизиона, захватил важные документы, 30 автомашин с боеприпасами, уничтожил более 100 солдат и офицеров врага, 3 зенитных орудия, более 30 автомобилей, большое количество военного снаряжения и имущества.

Спустя несколько часов отряд Петросяна сосредоточился в лесу недалеко от деревни Масловка. Изнуренные боем и маршем десантники нуждались в отдыхе. И тут от разведки поступает новое сообщение: по лесной дороге движется колонна артиллерии противника. Не знаю, вспоминал ли старший лейтенант Суворова в те минуты, но действовал он по-суворовски, это точно.

Огонь ребята Петросяна открыли одновременно по всей вражеской «гусенице». Выведенные из строя дружным залпом головные машины блокировали путь другим, а развернуться на узкой лесной дороге было не так-то просто. Бросая технику, фашисты спешили укрыться в лесу, спрятаться в лощинах. Понимая, что времени мало, на шум боя могли прийти другие вражеские подразделения, командир десантников ввел в действие свой резерв. К утру все было кончено. Более 80 солдат и офицеров врага, 6 орудий, 2 миномета, 15 машин и прицепов было уничтожено в результате дерзкой по замыслу и точной по исполнению ночной акции десантного отряда.

Но время не ждет. Из района Масловки отряд с боями пробивался к Каневу, где, по данным партизанской разведки, действовали крупные силы десанта.

К 5 октября в лесу, в районе Канева, сосредоточилось несколько отрядов десантников из состава обеих бригад. Возглавил их и свел в одну воздушно-десантную бригаду комбриг подполковник Сидорчук. Теперь под его командованием было 3 батальона, 4 отдельных взвода — разведывательный, связи, саперный, противотанковый. 6 октября в расположение Сидорчука вышла группа связистов с радиостанцией. Впервые после десантирования была налажена надежная связь с Большой землей — с командованием 40-й армии.

...Степан Коноплев с недоумением посмотрел на свой пистолет. В голову пришла смешная присказка: «Повадил-ся кувшин по воду ходить, так ему и битым быть». Засунул пистолет в кобуру, ухватился за ствол дерева, встал.

В лесу было тихо. Товарищи, видимо, не заметили его падения. Ухватив свой костыль и на некоторое время забыв о боли, Степан пошел по следам отряда. Лес, к счастью, скоро кончился, идти стало легче. Минут через тридцать он настиг колонну.

Преодолев за ночь 40 километров, утром 16 октября отряд капитана Кротова вышел в расположение сводной бригады подполковника Сидорчука. Тот был немало удивлен появлению Коноплева. С момента их последней встречи на прифронтовом аэродроме прошло ровно три недели.

Встречи в Таганчанском лесу были и радостными и печальными. Недоставало многих из тех, кто прыгал ночью с 24 на 25 сентября.

Здесь, на месте сбора, бригада уже имела устойчивую связь с Большой землей. По запросу комбрига в распоряжение десантников стали самолетами доставлять боеприпасы, одежду, продовольствие, правда, пока в ограниченном количестве. К парашютистам прибыл врач-хирург. Начал работать политотдел бригады: Коноплев вернулся на свою прежнюю должность.

К этому времени десант получил солидное подкрепление. В его состав влились партизанские соединения под командованием Г. К. Иващенко, С. Н. Палехи, К. К. Солодченко, М. Н. Петренко. К трем батальонам, которыми командовал майор А. А. Блувштейн и капитаны А. Н. Михайлов и Н. Р. Кротов, прибавился четвертый во главе со старшим лейтенантом Н. В. Ворониным.

Бой

Опираясь на свою «лесную крепость», бригада вела непрерывные диверсионные действия в обширном районе. Фашистские гарнизоны в Поташне, Буда-Воробьевской раз за разом получали чувствительные удары.

Боевые действия проводились совместно с народными мстителями на шоссейных дорогах, на железнодорожной ветке Таганча — Корсунь. Гитлеровцы с каждым днем все сильнее ощущали грозную силу в своем прифронтовом тылу и стали принимать меры для ликвидации десантников и партизан в Таганчанском лесу. Неоднократно они бросали против них свои значительные силы. Но каждый раз были вынуждены отходить, оставляя на поле боя сотни раненых и убитых.

На рассвете 24 октября от боевого охранения поступило сообщение, что к Таганчанскому лесу движутся силы карателей с приданными им танками и артиллерией. Атака шла за атакой, но десантники не уступали врагу ни пяди своих оборонительных позиций. Героически стояли пулеметные расчеты. Все офицеры, вплоть до комбрига Сидорчука, находились в окопах и вели бой как рядовые бойцы.

С наступлением ночи немцы отошли на исходные позиции, не отказавшись от намерения уничтожить десантников. Подтягивались свежие силы, на огневых позициях развертывались артиллерийские батареи. Парашютисты готовы были стоять до конца, несмотря на то, что кончились боеприпасы. Навсегда остались лежать в приднепровской земле парторг батальона Павел Буслаев, пулеметчик Миргабет Салахов, особист капитан Григорий Молдаванский.

В сложившейся ситуации в интересах дела было выгодней сделать шаг назад, чтобы потом, набравшись сил, ударить с еще большей силой.

Комбриг вышел на прямую связь с командующим 52-й армией. Тот приказал Сидорчуку перейти в Черкасский лес, поближе к Днепру. Это облегчало и взаимодействие, и доставку продовольствия и боеприпасов.

На рассвете 26 октября бригада форсировала реки Рось и Ольшанку. На горизонте показался желанный Черкасский лес. 27 октября подошли к Ирдинскому болоту, где встретились новые группы десантников и партизан.

В конце октября 1943 года бригада, несмотря на месяч-

ные бои, собрала все свои силы в мощный ударный кулак, стала боеспособным воинским соединением. Как отмечал в своем донесении представитель Украинского штаба партизанского движения, «бригада передислоцировалась в... Черкасские леса. 1-й батальон находился в Белозерье, 2-й батальон — в Елизаветовке, 3-й и 4-й — в Русской Поляне... Десантники проводят боевые действия на коммуникациях противника. Уверен, что десантники... во взаимодействии с партизанами могут оказать большую помощь войскам 2-го Украинского фронта».

Это было ко времени. На правом крыле фронта от Канева до Чигирина действовала 52-я армия генерал-лейтенанта К. А. Коротаева, которая в период боев за Киев скопала значительные силы оккупантов на Черкасском направлении. Перед Коротаевым была поставлена задача форсировать Днепр и, освободив Черкассы, развивать наступление на Смелу.

Вдоль Днепра враг построил мощный оборонительный рубеж. Здесь были огневые точки всех типов. Первая линия обороны имела точно выверенную и проверенную систему огня. Река простреливалась фронтальным и фланговым огнем. Другая линия обороны проходила вдоль приднепровских сел — Лозовок, Сокерны, Свидовок. Она прикрывала подступы к лесному массиву, где действовали партизаны.

Особо укрепленным узлом был Свидовок, опоясанный траншеями, противотанковыми рвами и заграждениями. В центре села — дзоты. На участке от Канева до Свидовка занимали оборону, по данным нашей разведки, два пехотных полка, бригада СС, танковая дивизия «Викинг». От Свидовка до Боровицы протянулись гарнизоны 72-й пехотной дивизии, один танковый и один пехотный полки. Занимали здесь оборону и некоторые другие гитлеровские части.

Все это навело командование на мысль, что успеха в боях за плацдарм можно добиться одновременным уда-

ром с фронта и тыла. С правого берега Днепра боевые действия должны были вести воздушно-десантная бригада подполковника Сидорчука и партизанские соединения из Черкасского и Смелянского районов.

В живых осталось трое: майор Старостин и двое десантников. Озверевшие фашисты тут же прикончили раненых парашютистов. Майора не тронули: на нем была офицерская форма. Под усиленной охраной его повели в село. Силы Старостина были на исходе. Он с трудом держался на ногах. В доме колхозницы Олимпиа Гордиенко помещался отдел гестапо. Сюда и привели майора. Хозяйку и ее дочь гестаповцы выселили, они жили по соседству. Однако днем им разрешалось приходить и работать во дворе. День стоял тихий, не по-осеннему теплый. Гестаповцы вышли из хаты, солдаты вынесли на улицу стол и три стула, поставили их под развесистую грушу, которая росла во дворе. Во двор зашли и полицаи. Сейчас они стояли у

Рассказывает Иван Иванович Вожаков:

Вспоминаю свой последний бой. После освобождения села Геронимовка наш командир лейтенант Нишинский отдал приказ выйти на шоссе Белая Церковь — Русская Поляна и блокировать немцев, отступающих из Белой Церкви. Нас было человек шестьдесят. Отрыли себе окопчики, ждем. Это была уже поздняя осень, 15 ноября. Вскоре пошла немецкая пехота, а за ней — танки. Внезапно из-за леса, где проходила уцелевшая железнодорожная ветка, открыл огонь подошедший немецкий бронепоезд, но, сделав выстрелов десять, укатил. Видимо, фашисты опасались наших танков, которые переправились через Днепр около Геронимовки и могли в любую минуту отрезать бронепоезду путь к отходу.

забора, курили. Старший из гестаповцев тоже закурил. Перед вторым гестаповцем лежала стопка чистой бумаги — он собирался протоколировать допрос. Но, судя по тому, что самописку он не взял в руку — она продолжала лежать на столе, — не особенно верил в успех мероприятия, которое задумал провести его шеф. Третий офицер, который сидел под грушей, не был гестаповцем: он — армейский лейтенант — участвовал в захвате группы парашютистов.

Старший гестаповец знал русский язык — это позволяло обходиться без переводчика. По собственному опыту нацист знал, что переводчики часто не решались дословно переводить все то, что говорили пленные.

— Вам не жарко в десантной куртке? — спросил Старостина гестаповец. — Солнце светит так жарко, и нам бы не хотелось доставлять вам излишние неудобства.

Он сделал знак полицаям, и те стащили со Старостина его ту самую, счастливую, вязминскую куртку. Руки у майора не были связаны, и он привычным солдатским жестом расправил складки под ремнем. На гимнастерке майора все увидели два ордена — Красного Знамени и Красной Звезды...

...Последнее, что осталось в памяти, — это немецкий танк, идущий прямо на мой окопчик. Очнулся уже в госпитале. Позже узнал, что из всего нашего отряда в шестьдесят человек в живых остался только один. На поле боя меня подобрала наступающие части Красной Армии. Никто, конечно, не знал, кто я. Домой пришла похоронка. Сестра написала об этом отцу, который в это время только что вышел из госпиталя после тяжелого ранения. Отца направили в похоронную команду. На поле боя он нашел убитого бойца, похожего на меня, и похоронил с почестями, как своего сына.

В Черкасском лесу десантники перешли к обороне, но удары по коммуникациям врага не прекращались ни на минуту. Придя с воздуха, парашютисты Сидорчука теперь отправляли на воздух оккупантов и их боевую технику. Даже крупные укрепленные гарнизоны не могли чувствовать себя в полной безопасности.

Фашисты начали подтягивать к Черкасскому лесу регулярные части, намереваясь приступить к полной ликвидации опасного очага у себя в тылу.

Не только диверсионные акции заносили командиры в свои счета врагу. В штаб 2-го Украинского фронта регулярно уходили донесения разведки о системе обороны гитлеровцев на правобережье Днепра. Наступление Красной Армии ожидалось со дня на день, и десантники и партизаны были оперативно подчинены командующему 52-й армией генерал-лейтенанту К. А. Коротаеву.

Форсирование Днепра было назначено в ночь с 12 на 13 ноября.

11 ноября 1943 года Сидорчук получил распоряжение в ночь на 13 ноября перейти в наступление и обеспечить поддержку частям, форсирующим Днепр.

Рассказывает Лев Константинович Семеряков:

С Сидорчуком я познакомился вот при каких обстоятельствах. Возвращаясь с разведздания вместе с капитаном Михайловым, увидели на лесной дороге немецкую полевую кухню. На облучке сидели два фрица. Забравшись сзади на кухонный бак, я подполз к немцам и ножом прикончил обоих. Усевшись на место убитых немцев, мы с кухней так и въехали в расположение бригады.

— Это что за извозчики? — спросил Сидорчук, увидев нас. — Кто разрешил в дневное время нарушать маскировку?

И отправил меня на двое суток на гауптвахту. Он, конечно, был прав. Наша удаля в случае неудачи могла дорого обойтись отряду.

События все убыстрялись. Ночью 12 ноября в расположение Сидорчука на самолете У-2 прибыл помощник начальника оперативного штаба 52-й армии, который подробно ознакомил подполковника с планом форсирования Днепра частями армии, уточнил задачи десантников. Около полуночи 13 ноября подразделения бригады вышли в походное положение и по сигналу командира одновременно атаковали все назначенные планом вражеские опорные пункты. Как и предполагалось, основные события развернулись в районе Свидовка.

К пяти часам утра задача, поставленная перед десантниками, была выполнена довольно успешно. Только 3-й батальон захватил в Лозовке около 40 автомобилей и 2 артиллерийские батареи противника. Действия советских воинов в эту ночь отличались особой смелостью и решительностью. В этом отношении показателен бой, который провел 2-й парашютно-десантный батальон под командованием майора Блувштейна. Задача, поставленная перед майором и его бойцами, была не из простых. Свидовок был превращен гитлеровцами в сильный опорный пункт. Здесь оборонялось до одного пехотного батальона немцев с поддержкой в виде пяти танков, артиллерии, минометов.

У майора Блувштейна не было ни танков, ни артиллерии. Задачу можно было решить только внезапными и решительными действиями, сблизившись с противником до расстояния рукопашного боя. В четыре часа утра штурмовые группы Блувштейна, используя темноту, вплотную подошли к опорным пунктам и стремительным броском ворвались в расположение оккупантов. Гитлеровцы не смогли организовать сопротивления и в панике начали отходить.

Вслед за штурмовыми группами в расположение врага стали вклиниваться основные силы батальона. Но и противник не терял времени даром. Оправившись от внезапного удара, он сгруппировал свои силы и перешел в

контратаку. Завязался тяжелый бой, но десантники прочно удерживали захваченные позиции.

К сожалению, части 52-й армии не сумели в течение ночи форсировать Днепр. Сложилась тяжелая обстановка для десантников и партизан. Враг оттянул часть своих сил с берега и бросил их на парашютные батальоны. Атакуя с юга и востока, немцы начали теснить десантников и создали угрозу окружения и уничтожения главных сил бригады, располагая для этого не только значительным превосходством в живой силе, но и наличием танков и артиллерии.

Подполковник Сидорчук сориентировался в этой критической ситуации и принял верное решение: отойти в лес южнее Свидовка и перейти к обороне.

Действия бригады и партизан отвлекли значительные силы гитлеровцев с берега Днепра и позволили войскам 52-й армии закончить подготовку к форсированию реки. Благодаря этому 254-я стрелковая дивизия смогла переправить на правобережье около 800 своих бойцов, которые и захватили небольшой плацдарм.

В боях за плацдарм десантники и партизаны уничтожили и захватили 2 тяжелых и 15 средних танков, 7 бронемашин, много стрелкового оружия и боеприпасов. Только убитыми противник потерял 150 человек, еще 350 солдат и офицеров врага были ранены.

В боевых действиях отличились комсомольцы-десантники В. Чижов, В. Семенов, А. Шиман, Д. Паршиков, Д. Болотов, В. Власов, И. Горлышкин, Р. Монаков, Г. Кудрявцев, Х. Зинмухамедов...

В ночь на 15 ноября бригада вновь перешла в атаку и к исходу дня снова овладела Свидовком и соединилась с передовыми частями 254-й стрелковой дивизии.

Дивизия между тем переправилась на захваченный плацдарм, выбила противника из сел Геронимовка и Русская Поляна. С 17 по 19 ноября наступающие части овладели Елизаветовкой, Будищей, Сосновкой, Василицей.

Враг был вынужден признать отвагу, умение, волю к победе советских парашютистов. Штаб немецкой 8-й армии отмечал: «Особую трудность составляло найти места укрытия парашютистов... Уже неоднократно установлено, что противник прекрасно маскируется в оврагах, которые нами не просматриваются. Он предпочитает узкие щели... маскируя их землей и кустарником. Эти укрытия поистине трудно найти, если противник случайно сам себя не выдаст... Если нашим группам удавалось найти такое укрытие, то противник, используя снайперов и извещая одновременно главные силы отряда, старался избавиться от надоедливых наблюдателей без единого выстрела, криков «ура!» и шума. Как только основные силы отряда по тревоге были в сборе, они оказывали упорное сопротивление, используя при этом минимальное количество боеприпасов. Но даже тогда, когда противник не имел боеприпасов, он атаковал и защищался с невиданным фанатизмом. Каждый десантник был вооружен кинжалом, который он искусно пускал в ход...»

... — Итак, вы — майор Красной Армии, — сказал гестаповец. — А не хотели бы вы сообщить представителю германской армии свою фамилию и должность?

— Я отказываюсь отвечать на вопросы, — сказал Старостин.

— Вам известен приказ нашего командования о том, как надо поступать с захваченными в плен диверсантами? Их надо вешать как свиней, вешать на стропах собственных парашютов!

Майор молчал.

— Как вы попали к нам?

Впервые за последние десять часов Старостин улыбнулся.

— Спросите у своих, — сказал он.

Гестаповец по-немецки обратился к сидящему рядом армейскому старшему лейтенанту, рота которого вела бой с десантниками. Тот стал докладывать обстоятельства пленения русского майора. Его рота, сказал он, потеряла при ликвидации парашютистов почти треть личного состава.

— Это не люди, это фанатики, — повторял старший лейтенант. — Они дрались, совсем не думая о жизни.

— Вот видите, — сказал гестаповец по-русски, — вы заслужили не одну, а десять, двадцать, тридцать виселиц. Вы комиссар, большевик?

— Да, я большевик.

— Какая задача ставилась перед десантом, вашим батальоном, ротой?

— Задача та же, что стоит перед нами с 22 июня 1941 года, — стереть фашистскую нечисть с лица земли!

— Зачем вы так? Ваше счастье, что русский знаю только я. Они, — он указал на протоколиста и армейца, — не поняли бы вашего пафоса.

Гестаповец по-прежнему оставался невозмутимым. Но в его спокойствии было что-то зловещее. Он уже понял, что ничего не добьется от этого русского майора. Но предпринял еще одну попытку сломить упорство Старостина.

— Не нужно горячиться. В вашем положении главное — понять, что вы у нас, а не мы у вас. Сговорчивость для вас сейчас лучший союзник.

— Не надо меня уговаривать. Цена ваших слов мне известна. Я — офицер Красной Армии и останусь им до конца.

— Вы еще не знаете моих предложений. — Гестаповец действовал строго по инструкции. — Существует РОА, русская освободительная армия, которой командует ваш генерал Власов.

Старостин уже заметил, что до предложений записаться в РОА гестаповец не переводил для протоколиста ни своих вопросов, ни ответов Старостина. Теперь же, дейст-

вужа по инструкции, а она предписывала склонять русских пленных к сотрудничеству с Власовым, он тут же перевел весь их разговор.

— Итак, генерал Власов, — продолжал гестаповец. — Вы можете вступить в его армию.

— Ваши уговоры бесполезны.

— Это окончательно?

— Да.

— Ваши уставы, я знаю, не допускают попадания в плен. Однако вы, боевой офицер, большевик, оказались у нас. Для своих вы теперь изменник, предатель, ничуть не лучше генерала Власова. — Гестаповец снова «забыл» перевести свой монолог на немецкий.

Старостин молчал.

— Мы сделаем все, чтобы ваше командование узнало, что вы добровольно сдались в немецкий плен, майор... как все-таки ваша фамилия?

— Не рассчитывайте на случайность, — сказал Старостин, — не оговорюсь.

— Что ж, оставайтесь майором Немо, — нацист позволил себе пошутить, — но предателем мы вас сделаем, сделаем против вашей воли...

В ночь на 23 ноября 1943 года десантники капитана Петросяна после 20-километрового марша ворвались с ходу в Дубиевку и овладели ею. Но с рассветом немцы бросили в бой свою авиацию и танки. Батальон оказался в тяжелом положении и вынужден был оставить село. Узнав об этом, подполковник Сидорчук послал на помощь капитану батальон О. Черноусова. В полдень атака парашютистов на Дубиевку возобновилась, и фашисты отступили.

Позже командир батальона С. Г. Петросян был удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

Последующие действия бригады по расширению захваченного плацдарма проходили до 28 ноября в тесном взаимодействии с частями 294-й и 254-й стрелковых дивизий. В этот день гвардейская воздушно-десантная бригада сдала свои позиции товарищам из 7-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. Вместе с десантниками покидали эти места... французы.

История «Нормандии — Неман» хорошо известна советским людям. А об участии французских патриотов-интернационалистов в Черкасской операции знают не многие.

Вот имена бойцов боевой партизанской группы, входившей в отряд С. Т. Сопилка: Андре Бле, Роже Ваксивье, Альфред Руб-Ре, Пьер Далл-Ера, Эжен Жиру, Жак Косте-Расте.

Французские парни были привезены нацистами для строительства узкоколейки. Молодые французы ненавидели фашистов так же, как советские люди: ведь их родина тоже была под пятой оккупантов. Вскоре им удалось установить связь с черкасскими подпольщиками. Французы постоянно сообщали ценные сведения о дислокации немецких частей. Когда в мае 43-го гестапо стало что-то подозревать, Старик — секретарь подпольного Каневского районного комитета партии — порекомендовал им уйти к партизанам.

Французы выбрали удобный момент и, не без помощи Старика, явились в отряд, угнав при этом четыре подводы с винтовками, пулеметами, боеприпасами.

Часто ходили они с партизанами на диверсионные акции.

В 1944 году интернационалисты были переброшены из Москвы в армию генерала де Голля.

...Совершив пеший марш, бригада подполковника Сидорчука прибыла в Золотоношу. Штаб 2-го Украинского фронта организовал десантникам хорошую встречу.

— Это было чудо, — вспоминает Степан Сергеевич Коноплев. — Пришли мы оборванные, грязные, бородатые,

усатые и косматые. Банька уже всюю топится. Вышли оттуда чистые, хорошо по-зимнему одетые. Пришли в столовую, сытно пообедали, выпили положенные сто грамм. Настроение было радостным и приподнятым. Омрачилось оно только тем, что многие из тех, кто прыгал с нами той сентябрьской ночью, не сидели за этим столом, а навсегда остались там, на правом берегу.

Весь личный состав был награжден правительственными наградами. Майор Блувштейн, как и капитан Петросян, стал Героем Советского Союза.

... — Вы можете убить меня, — сказал Старостин, — но согласия на предательство не получите.

— Я нарушу приказ моего командования. Вас не повесят, а расстреляют. Это будет через полчаса. Вон тот подок (он указал на одного из полицаев), который за кусок сала и рюмку шнапса исполнит любой мой приказ, возьмет вас за ноги и потащит к могиле. Но вам будет уже все равно. Подумайте. Еще тридцать минут. Подумайте.

Гестаповец встал и направился к хате. Протоколист ушел вместе с ним, а армейский старший лейтенант вышел на улицу.

Во дворе остались Старостин и пятеро полицаев, у каютки стоял немецкий часовой. Один из полицаев снял с дерева десантную куртку и попытался ее примерить. Часовой закричал на него. Тот испуганно стащил куртку с плеч и повесил ее на сук.

К Старостину подошла хозяйка дома Олимпия Сидоровна Гордиенко.

— Может, молочка, сынок, попьешь?

— Спасибо, выпил бы.

— Можно? — спросила женщина полицаю.

— Пусть пьет, только чего ж добро-то зазря переводить. Майор выпил молоко, поблагодарил хозяйку и вдруг осторожно, почти не разжимая губ, зашептал:

— Запомните мое имя, я — майор Старостин из Москвы, запомните, Ста-ро-стин, — повторил он по слогам. — Вот часы, — Старостин быстро расстегнул ремешок на руке, — они именные, возьмите.

Полицай заметил это. Он подбежал к Олимпии Гордиенко, вырвал из ее рук командирские часы и быстро сунул в карман своего потрепанного френча.

На ступеньках хаты показался старший гестаповец. Он молча посмотрел на майора и махнул рукой:

— Ведите!

Полицай повели Старостина в конец деревни, к пруду. Один из них тащил лопату.

У пруда полицай скомандовал:

— Копай! — и бросил к ногам майора лопату.

Старостин ногой отшвырнул лопату. Полицай замахнулся, но не ударил: за ним внимательно наблюдали немцы. О чем думал Николай Старостин в эти минуты? Наверное, о жене, дочери, которые остались в далекой Москве, о незавершенной пьесе про десантников, которую писал вместе с поэтом Васильевым...

Мы никогда не узнаем, о чем думали майор Старостин, его товарищи-десантники в последние мгновения перед смертью.

Но мы точно знаем: они делали все, чтобы приблизить День Победы.

ЗИМОЙ ПОД ЛЕНИНГРАДОМ

Геннадий Леонидович Степанов. Родился в Новоржеве Ленинградской области. В годы Великой Отечественной войны сражался в рядах партизанских бригад. С 1947 по 1980 год — на партийной и советской работе в Пермской области. В настоящее время на пенсии. Живет в Кунгуре.

Ленинградский партизанский край образовался в начале 1942 года. Его площадь составила почти две с половиной тысячи квадратных километров.

Край располагался, по существу, на территории Псковской и Новгородской областей, но его значение для обороны осажденного Ленинграда было очень велико. Группа армий «Север» под командованием генерал-фельдмаршала фон Лееба к концу сентября 1941 года вклинилась в нашу территорию примерно на 800 километров, захватив Псков, Новгород, тучей нависла над Ленинградом. Все это давало основание командованию северной группы немецких войск рассчитывать на скорую победу.

Но планы врага провалились. Проведение ряда операций Красной Армией в начале 1942 года позволило нейтрализовать первоначальный успех немцев и стабилизировать ситуацию. Но тогда, в сентябре 1941 года, принимался целый комплекс мер, главной задачей которых было затруднить врагу какое-либо продвижение вперед.

Одной из таких мер и стало образование при Ленинградском обкоме партии штаба партизанского движения, который сосредоточил в своих руках всю организацию и руководство партизанским движением в области. Возглавил его секретарь обкома М. И. Никитин. Фон Лееб прекрасно понимал, какие задачи стояли перед советскими партизанами, тем более, что в результате наступления наших войск в феврале 1942 года юго-восточнее Старой Руссы до семи дивизий 16-й немецкой армии находились почти в окружении. Все сухопутные коммуникации, питавшие эту группировку, были перехвачены советскими войсками.

Партизанские удары дополняли уничтожение немецких войск. Суть приказа фон Лееба в этой ситуации сводилась к тому, чтобы превратить район в выжженную пустыню. Тысячи деревень и населенных пунктов, за исключением тех, которые находились на линиях железных и шоссейных дорог, были уничтожены. Сжигались не только дома, но и каждая скирда соломы и сена. Эту операцию фашисты вели не один месяц. По всему, что могло гореть и двигаться, фашисты открывали огонь с воздуха зажигательными пулями. Я был свидетелем ужасной сцены, когда три вражеских самолета расстреляли с бреющего полета четырех маленьких девочек, катавшихся на санках на хуторе София. Возле детских трупов бегала оставшаяся в живых собачонка. Изверги сделали еще три захода, поливая землю свинцом, пока и она не была убита. Это зловещее зрелище запомнилось на всю жизнь.

Сейчас, в этих записках, мне хочется обратиться к тем дням, когда наши войска громили северо-западную группировку немецких войск, когда Ленинградский, Волхов-

ский и 2-й Прибалтийский фронты очищали от противника Ленинградскую и Калининскую области (в то время они охватывали также районы, позднее вошедшие в Псковскую, Новгородскую и Великолукскую области).

...В январе 1944 года 13-я ленинградская партизанская бригада численностью в 1 100 человек находилась в полном сборе. В бригаде было шесть отрядов, несколько подрывных групп, взвод бригадной разведки и, разумеется, штаб с политотделом.

Партизаны приходили на сбор не с пустыми руками. Вернулись с задания подрывники и разведчики из отрядов Сергея Сиранова и Николая Коидратьева. Действия, которые они вели на железнодорожной ветке Дно — Старая Русса, по достоинству «оценили» оккупанты.

Удачно провели операцию «Заготовки» и хоззвондовцы Ивана Смирнова. В условиях, когда каждый грамм продовольствия ценился на вес золота, их успех гарантировал бригаде питание на 10—15 дней. Бойцы совершили нападение на бывший совхоз «Тягуши» и пригнали в расположение партизан, выражаясь военной терминологией, пару «взводов» лошадей! Любопытно и радостно было смотреть на это зрелище, когда почти весь отряд въехал на поляну перед штабной землянкой на лошадях-тяжеловозах. Из землянки вышли комиссар бригады А. Г. Порущенко, начальник политотдела Г. Л. Акмолинский, начальник особого отдела П. Я. Котлеров. Крепко поцеловав спешившихся с коней двух Иванов — Смирнова и Половину, — Порущенко произнес короткую речь.

— Орлы и герои — вот вы кто, ребята! Голод для нас страшнее, чем самый тяжелый бой. А теперь отдохнем и зададим фрицу такого перца, который долго будет помнить, ежели, конечно, жив останется! — И добавил: — Мы

уверены, что с такими народными мстителями выполним поставленную перед нами задачу.

Короткий митинг закончился. Но что за задача, о которой сказал комиссар? Что готовится? Бойцы высказывали различные догадки. Кто-то считал, что пойдем на уничтожение крупного дедовического гарнизона немцев, насчитывавшего до 900 солдат и офицеров. Именно в Дедовичах базировались карательные отряды, погубившие тысячи партизан и мирных жителей края. Наши ребята считали, что давно пора сполна воздать оккупантам за содеянное зло.

Другие предполагали, что мы будем участвовать в операции окружения немцев под Старой Руссой и Холмом. И у этой версии были серьезные обоснования. Из донесений наших разведчиков, сводок Совинформбюро мы знали, что крупные успехи Красной Армии на Украине вынудили фашистское командование изъять у группы армий «Север» до семи дивизий. Таким образом, силы немцев были здесь ослаблены, и можно было ждать нового наступления советских войск на северо-западе.

Третьи склонны были думать, что намечается расширение границ партизанского края. Впрочем, у этой догадки было наименьшее число сторонников. Мы понимали, что полное освобождение Ленинградской области не за горами, а это означало бы и прекращение партизанских действий.

Ответа все не было. А пока, пока партизаны приводили себя в порядок: подсушили одежду, некоторые ухитрились постирать белье и помыться. Не забывали, конечно, и о повышении своей боеготовности. Строились новые и утеплялись старые землянки, проводился осмотр оружия и запасов боевого питания. Медики оказывали помощь раненым.

Помнили и о том, что находимся в прифронтовом тылу немецких частей. Надо сказать, что наша караульная служба отличалась от армейской, имела свою специфику.

За десять и более километров от штаба на лесных тропах, полянах, в лощинах были выставлены дозоры. Вблизи расположения ставились пикеты, в опасных местах располагались секреты и засады. И, наконец, самым близким охранением был часовой пост. Каждое подразделение, как говорится, знало свое место и маневр на случай команды «занять круговую оборону». Имелись у нас и сигнальные мины на особых тропинках и полянках.

Будучи уже в должности адъютанта комиссара бригады, я всегда при возможности старался забегать к своим родным разведчикам. Здесь за словом в карман не лезли, языки имели острые, и время пролетало в деловых и шуточных разговорах. Взвод, которым я ранее командовал, имел даже свою творческую «прослойку». Миша Чернецов до войны был артистом Ленинградского театра имени С. М. Кирова, и вокруг него сложилась настоящая художественная самодеятельность.

Забегая в землянку разведчиков. Весь взвод — в сборе. — Новости есть? — спрашивает Федя Терентьев.

Кратко пересказываю последнюю сводку Совинформбюро, только что принятую радисткой штаба Валея. В разговор вступает Толя Каретников, которого друзья обычно называли «Карета».

— Ну, комвзвод, куда завтра поедет «Карета»? — Он не признавал моей новой должности и называл по-старому — комвзвод.

Отвечаю присказкой:

— Будет день — будет пища.

Неудовлетворенный ответом, Толя берет гитару и поет на собственный мотив:

Пойду искать по свету,
Где оскорбленному есть чувству уголок.
Карету мне, карету!

— Ребята, спойте партизанскую «Катюшу», — прошу я. Саша Саенко, наш переводчик, берет мандолину, Чер-

нецов — гитару, ну, а мне досталась балалайка. И вот уже вся землянка поет любимую «Катюшу»:

В том саду, где груши расцветали,
В том краю, где яблони цвели,
Мы штыками недруга встречали,
На допрос стервятника вели.
На просторе вольном и широком
Для врага закрыты все пути.
По лесным тропинкам и дорогам
Не проехать немцам, не пройти.
Будет день, и розовой порошей
Ветки яблонь снова зашумят.
Будет враг разгромлен и отброшен
И Победу трубы протрубят.
А теперь, родной мой и любимый,
Мы идем с тобой в одном строю
Защищать советский край родимый
И любовь горячую свою.

Потом спели «О чем ты, родимый, грустишь...»

— Внимание, читаю свое новое поэтическое произведение, — объявил внезапно Каретников.

Трещат немецкие тылы
по швам,
Бригада молодецкая пошла.
Не жди, враг, встречи ласковой!
С тобой
Бригада партизанская вступает в бой!

Было веселому и смелому парню Толе Каретникову в то время семнадцать лет от роду...

— Степанов, к комиссару! — раздался голос дежурного. Прибежав в землянку, я увидел Сашу Петрикова, адъютанта командира бригады. У него в руках была только что расшифрованная радиограмма от начальника Ленинградского штаба партизанского движения.

«Комбригу Юрцеву.

Срочно сообщите координаты посадочной площадки для «дугласов». Самолеты будут ночью. Сигнал кострами прежний. Обеспечьте разгрузку.

Нач. ЛШПД Никитин».

Ответная радиограмма быстро ушла в штаб. Самолеты мы намеревались принять на замерзшем Сусельницком озере, примерно в 20 километрах от расположения бригады.

Уже вечерело, когда отряд Сергея Сиранова на 26 подводах выехал на аэродром. Встречать груз поехали также комиссар Поруценко, начальник штаба Василий Осокин, наш каптенармус Иван Половина и редактор бригадной газеты Константин Обжигалкин.

Доехали быстро. На посадочной площадке все было готово. Традиционной аэродромной буквы «Т», правда, не было. Ее с успехом заменяла другая буква русского алфавита — «П», выложенная кострами. Это и был опознавательный знак для пилотов. Вскоре раздался ровный гул двигателей «дугласов». Мы с Поруценко остались в санях, и это едва не стоило нам жизни. Наш жеребец-трехлетка, увидев надвигающуюся махину самолета, решил спастись бегством, но выбрал для этого не лучший путь, рванув по посадочной полосе. Машина прошла прямо над нами.

Один за другим приземлялись самолеты, и работы по их разгрузке было достаточно. наших 26 подвод не хватило, и пришлось две тонны взрывчатки и ящики с минами спрятать вблизи озера. Самолеты доставили партизанам и почту с Большой земли.

Утром, подъезжая к расположению бригады, мы обогнали строй пешеходов, незнакомых нам партизан. Их было человек триста, все хорошо вооружены. Поруценко подошел к командиру, тепло поздоровался с ним и попросил построить партизан для короткого разговора.

Комиссар поздравил калининских партизан (а это были они) с прибытием в нашу бригаду. Среди калининцев я неожиданно встретил своего дядю. Военные пути неисповедимы. До войны мы долгое время жили вместе с дядей в поселке Красный Луч, и вот сейчас нам предстояло добивать фашистскую нечисть на ленинградской земле.

До операции оставался один день.

Еще в июле 1943 года центральным штабом партизанского движения была разработана операция «Рельсовая война», которая проводилась в августе—сентябре в интересах Курской битвы. С 19 сентября по октябрь проходила другая операция советских партизан под кодовым наименованием «Концерт». Партизаны пускали под откос эшелоны, разрушали мосты, железнодорожные станции, путевое хозяйство.

Этот прием борьбы с фашизмом на ближних транспортных коммуникациях оказался очень эффективным и был подхвачен всеми партизанскими штабами на оккупированной территории до изгнания врага за пределы Родины.

Противостоявшая Красной Армии под Ленинградом и Новгородом группа армий «Север», командовал теперь которой генерал-фельдмаршал Кюхлер, являлась одной из наиболее мощных групп гитлеровских войск. Войска Кюхлера создали сильные оборонительные позиции с железобетонными полевыми укреплениями, массой дзотов и минных полей. Соединения этой группы имели большой опыт боевых действий в лесисто-болотистой местности.

Лишить противника преимуществ обороняющейся стороны, отвлечь на себя часть вражеских сил, нарушить его коммуникации, максимально затруднить снабжение немецкой группировки — такая задача ставилась перед 13 ленинградскими и 5 калининскими партизанскими соединениями. Приказ штаба был абсолютно конкретным: каждой бригаде предстояло взорвать 15—20 километров железнодорожного пути.

Об этом сейчас и шла речь в землянке комбрига Юрцева. Командиры отрядов, рот, политработники обсуждали, как успешнее провести предстоящий «концерт» мощного народного партизанского хора. Спустя несколько часов и рядовые бойцы знали суть январской операции.

Во всех подразделениях опытные подрывники готовили партизан к выполнению сложной задачи: учили обращению с толом, изготавливали боевые заряды. Применители и

одну новинку: для поджигания бикфордова шнура решили использовать фитили из парашютных строп, они тлели долго и ровно.

Нашей бригаде был определен для диверсий участок Витебской железной дороги, соединяющей Ленинград с Белоруссией на отрезке примерно в 14 километров между станциями Судома и Плотовец.

На разведчиков комбриг возложил выполнение первой фазы операции. Разведчики ушли, а бригада, растянувшись почти на километр, двинулась следом. К 22 часам мы должны были выйти в точку рассредоточения, а в полночь «ударить в литавры».

Разведка и отряд Сиранова сделали свое дело. Они блокировали небольшие гарнизоны Судомы и Плотовца, железнодорожный мост с двумя бункерами и ликвидировали патрули на всем участке дороги. Операция шла почти по секундам. Подрывники подошли к самой насыпи и заняли места на расстоянии 20—30 метров друг от друга.

Ровно в полночь по сигналу «зеленая ракета» на всем перегоне раздался мощный аккорд десятков взрывов. И таких аккордов было несколько. Через 40 минут участок железной дороги Судома — Плотовец перестал существовать.

Фашисты шли на все, чтобы сорвать выполнение партизанской акции. Вот один из примеров. У железнодорожного моста они собрали всех оставшихся в живых жителей сожженных деревень, дали им сноп соломы и коробок спичек. Под угрозой смерти каждый такой сигнальщик, увидев партизана, должен был зажигать солому, подавая таким образом сигнал опасности немецким патрулям. Наши ребята, обнаружив это, собрали всех сигнальщиков в кучу и попросили их срочно принести пилы и топоры, что они с большой охотой и сделали. Час работы — линии связи были ликвидированы. Мы спилили столбы, разбили изоляторы, порвали и растащили в разные места проволоку.

Резонно предполагая, что немцы попытаются восстановить разрушенный участок, все удобные подходы к насыпи, стрелки, мостики заминировали.

Красная ракета, прочертившая ночной небосклон, говорила о завершении операции. Мы пересекли насыпь и, оказавшись на ее правой стороне, направились в ранее намеченную деревню, где должны были провести день. Вперед по всем дорогам выдвинули дозоры. Приказ командования гласил: всех, входящих в деревню, пропускать, но из деревни никого не выпускать. Строжайшая маскировка, никакого лишнего движения. Меры оказались не лишними. Село превратилось в «мышеловку».

К дому волостного писаря подъезжают, беспрепятственно пропущенные нашими караулами, санки. Когда лихих седоков взяли, то выяснилось, что среди них — сам господин Евстигнеев, предатель, старшина Дедовической волости, которого уже два года безуспешно ловили партизаны. Ехал он к такому же, как и сам, иуде. В доме писаря все было готово для приема дорогого гостя-субутильщика.

...Партизанский суд был короток. Изменники были повешены в саду напротив дома. В портфеле у Евстигнеева нашли список из 27 человек, в числе которых были и партизанские связники. Вовремя был обезврежен фашистский прихвостень.

Отдых бригады прошел благополучно. Несколько раз над деревней кружил самолет-разведчик. У многих партизан руки чесались «вжарить» по «раме» из пулеметов. Но приказ был строг: «Ничем себя не выдавать». Короткий зимний день пролетел быстро. Комбриг Юрцев отдал приказ двигаться к своему расположению. Благополучно миновав переезд, Поруценко и я ехали в середине партизанской колонны. Комиссар пригласил в наши развалы комбрига, и они, укрывшись плащ-палаткой, вели разговор. Но закончить его не успели.

Тишину ночи разорвали пулеметные и автоматные оче-

реди. Мой буйный жеребец встал на дыбы, сани перевернулись. К счастью, вожжи я прочно держал в руках, Наконец удалось остановить моего конька-горбунка. Тут же за спиной услышал голос комбрига:

— Сиранов, атакуйте засаду! Остальные командиры отрядов, ко мне!

Итак, с Юрцевым ничего не случилось, но где был Поруценко после нашего кульбита, я пока не знал.

Тысяча партизанских стволов обрушила свою огневую мощь в сторону фашистской засады. Как позже выяснилось, немцев было немного, человек шестьдесят, и нам без особого труда удалось подавить их огонь. Оставив один отряд сдерживать засаду, бригада ускоренным маршем продолжала двигаться по намеченному пути.

Все это время меня мучила судьба Поруценко. В конце концов, в его исчезновении была и моя вина. Как адъютант, я головой отвечал за его жизнь. Из тягостных размышлений меня вывел голос самого комиссара:

— Степанов, Степанов!

Поруценко сидел в глубоком снегу, недалеко от дороги, с автоматом в руках. Рядом валялись пустые диски.

...Длинной оказалась эта зимняя ночь. Лишь к рассвету колонна втянулась в родные Сусельницкие леса. Передав лошадей хоззводу, мы с Сашей Петриковым пришли в штабную землянку. Здесь за горячим чаем сидели Юрцев, Поруценко и Осокин. Обсуждались наши дальнейшие действия. Бригада входила в свой обычный жизненный ритм. Были выставлены боевые охранения и заслоны, раненых направили на Сусельницкое озеро, поближе к ледовому аэродрому. С почестями похоронили погибших. Комбриг отправил в штаб шифровку с просьбой прислать самолеты.

Проходя мимо, Поруценко щелкнул меня по макушке и, зная мою слабость, ласково сказал:

— Давай к своим разведчикам, отсыпайся до утра.

Сутки бригада отдыхала.

На следующий день 13-я партизанская бригада приступила к рассредоточению, чтобы действовать мелкими группами. Два отряда направлялись на диверсионные акции на тыловых коммуникациях врага вблизи Старой Руссы и Холма. Другие вновь направились на Витебскую железную дорогу, но значительно южнее, в район станций Чихачево, Сущево и Локня. О задачах партизан в этом районе я уже говорил. Но добавилась еще одна важная миссия: освободить юношей и девушек от угона в Германию.

В холмскую группу партизан от штаба бригады были направлены Котляров и Обжигалкин. В Сущево поехали Акмолинский и заместитель начальника особого отдела Лебедев. В расположении бригады остались отряды Сергея Сиранова и Николая Кондратьева, бригадная разведка и хозяйственный взвод.

Прошло еще четыре дня. В штаб поступали хорошие вести об успешных операциях под Старой Руссой, Новоржевом, Бежанцами. Но огорчало то, что на Сусельницком озере по-прежнему находились 23 раненых партизана. Жили они в продуваемой всеми ветрами палатке, натянутой прямо на снегу. Катастрофически не хватало бинтов, медикаментов. Но из-за низкой облачности и сильных снегопадов самолеты вылететь не могли. Наконец из ленинградского штаба партизанского движения пришла радиограмма:

«Самолеты принимают днем двадцать пятого».

Утро встретило нас ясной и тихой погодой. Настроение у всех повысилось. Комиссар, насвистывая свое любимое: «Наш паровоз вперед лети...», — подошел ко мне и сказал:

— Запрягай своего жеребчика, съездим раненых проводим. — Потом добавил: — Что бы нам раненым ребятам на память привезти или угостить чем-нибудь... Сходи-ка к своим любимцам!

Разведчики не подвели. Отдали из своих запасов боль-

шую банку меда и небольшой мешочек самосада. Поруценко был доволен. После недельного снегопада лесная дорога была тяжелой. Но отдохнувший жеребец, как бы заглаживая свою вину, отмахал 20 километров за час. Подошли к палатке-лазарету. Все, кто мог двигаться, были на ногах, с надеждой смотрели на восток, откуда должны были появиться самолеты.

Подняв полог, Поруценко вошел в палатку. Все притихли, даже тяжелораненые перестали стонать. Комиссар кратко рассказал об итогах операции, о вестях из отрядов, находившихся на задании, о положении на фронтах, об успешных действиях Красной Армии под Ленинградом. Затем Поруценко тепло поблагодарил всех за активное участие в партизанской войне, пожелал скорейшего выздоровления.

Саша Маркова, ухаживавшая за ранеными, уже раскладывала в кружки засахарившийся мед, а из моей торбочки с табачком-самосадам всем хватило на хорошую самокрутку.

Вдруг слышу знакомый голос:

— Прощай, комвзвод, оставайся живой и песни поёй!

На носилках лежал Толя Каретников. В последней перестрелке с немецким гарнизоном он был тяжело ранен разрывной пулей в ногу. Мы крепко расцеловались на прощание.

Пока шла погрузка, летчики вышли из машин. Мы разговорились. Я всегда восхищался нашими летчиками. Надо отметить, что авиаторы спасали партизан несчетное количество раз. Одному из летчиков я подарил на память трофейные часы.

Самолеты быстро взлетали, делали разворот и ложились на курс. Вдруг с одного из самолетов на замерзшее озеро упал какой-то предмет. Это оказалась обыкновенная солдатская кружка с привязанным к ручке клочком бумаги. На листочке было написано: «Прощайте, товарищи! «Карета» оторвалась от земли. Толя».

— Молодец, Каретников, юмора не теряет, — сказал Поруценко.

Попрощавшись с нашим озерным дозором, хранителями партизанского аэродромного хозяйства, мы двинулись на лесную базу. Нечасто в годы войны удавалось полюбоваться красотами природы, но день выдался такой, что я невольно обращал внимание на тихий, заснеженный лес, заячьи и лисьи следы, совсем свежие. Не верилось, что идет война.

Комиссар стал расспрашивать меня о дяде, о семье, о том, как мы жили до войны.

...Так незаметно мы промахали 15 километров лесной дороги и выехали на опушку. От нее шла потайная тропа прямо к партизанскому лагерю.

Но последующие события круто изменили планы на день. Сквозь редкий кустарник я вдруг увидел нескончаемую, как мне показалось, колонну фашистов, двигавшихся пешком и на лошадях. Остановив жеребца, я толкнул в бок комиссара. Но тут наш конек-горбунок выкинул очередной фокус: почуяв кобылиц, он повернул голову к колонне и призывно заржал. Мы замерли. На наше счастье, немцы не услышали проявления жеребьячьей радости. Поруценко схватил автомат, соскочил на снег и прошептал:

— Держись, Гена, не выдавай себя. Проследи, куда идут, сосчитай людей и технику, я постараюсь прорваться в бригаду. Жди связных.

Комиссар исчез. Время шло, колонна не прерывалась. Мороз крепчал. Было не менее 35 градусов мороза. Но приказ есть приказ, и я наблюдал за фашистами. Поразило, что никакого теплого обмундирования на них не было. Тонкие зеленые шинели, поверх пилоток намотано какое-то тряпье. Такие же тряпки намотаны на сапоги и ботинки, одеяла и платки повязаны поверх шинелей.

Недалеко от опушки находились две сожженные деревни. Я полагал, что фашисты расположатся в них на привал. Моя догадка подтвердилась. Вскоре оттуда слы-

шался стук топоров, потянуло дымом. Я вскочил в сани и напрямик, лесом, помчался к лагерю. Отъехав подальше, выехал на тропу. На первом же повороте жеребец вздыбился: навстречу бежала группа наших разведчиков во главе с Федей Терентьевым.

— Комиссар прибежал в расположение, весь в поту, вызвал нас и приказал: выручайте Степанова, — рассказывал Федя.

Кратко пересказав разведчикам свои наблюдения, я посоветовал им уточнить количество людей и техники. Сам же поскакал к штабной землянке. Первым оттуда выскочил Александр Георгиевич.

— Молодец! — сказал он. — Иди к комбригу, доложишь об увиденном.

В землянке у Юрцева все были в сборе.

— За два часа, — докладывал я, — прошло не менее двух-трех полков, а на месте двух сожженных деревень остановилось на ночевку около 500—600 фашистов.

Подоспевший Терентьев подтвердил мое донесение, сообщив дополнительные подробности.

— Ну, ребята, — сказал Юрцев, — сам господь бог принес их в наши ежовые рукавицы. С таким удачным сценарием с начала войны не приходилось работать. Теперь дело за нашей режиссурой! Всей бригадой под покровом темноты выдвигаемся на Юхново и Плахин бугор, окружаем и уничтожаем вражескую нечисть автоматным огнем и гранатами.

В расположении бригады оставалось человек 400, так что на каждую деревню, где «квартировали» немцы, приходилось по 200 наших бойцов.

К десяти вечера отряды вышли на исходные позиции. До немецких костров оставалось 150—200 метров. Цели, освещенные кострами, были как на ладони. Взлетела красная ракета — «Огонь!». Началось нечто невероятное. Расстреливали врага в упор, с расстояния в 20—30 метров. Отступить гитлеровцам было некуда.

К сожалению, многие партизаны в горячке боя забыли прописные истины. И это им стоило жизни. Посчитав, что все уже решено, они забралась в окружение немецких костров и сами стали хорошими мишенями для фашистов.

Мимо меня промчался любимец всей бригады, красивый молодой парень, командир роты Сережа Иванов. Спустя секунды он оказался между кострами. Точно бросив три гранаты и накрыв ими группу фрицев, он сам упал за смертью. Наши командиры заметили это, последовал приказ всем выйти из зоны костров и залечь в пятидесяти метрах.

В это время с правого и левого флангов начали бить немецкие минометы. Как позже выяснилось, там тоже остановились на ночлег немецкие части. Но было это километрах в трех от места боя, вне прямой видимости, и потому фашистские минометчики били вслепую. К тому же они, видимо, посчитали, что партизаны находятся в 400—500 метрах от деревни, и лупили туда.

Не обращая внимания на обстрел, Юрцев дал команду подсчитать убитых фашистов, собрать трофеи и отойти в свое расположение.

Вскоре мы были уже в штабной землянке. Здесь же находились и комбриг с комиссаром.

Открылась дверь, вошел начальник разведки Лобановский. Следом за ним — два «языка». Замыкал шествие переводчик Саша Саенко. Лобановский представил «языков» — это были унтер-офицер и обер-лейтенант. Впрочем, первого Лобановский мог и не приводить на допрос. Тот был ранен в ухо и щеку и, после того как разведчики его перевязали, не мог сказать ни слова. Обер-лейтенант рассказал, что на марше находилась пехотная дивизия 16-й армии, которая начала отступление из-под Старой Руссы. Поскольку железная дорога Старая Русса — Дно — Псков не функционирует, дивизия получила приказ в четырехдневный срок своим ходом передвинуться на укрепленные позиции Псков — Порхов и провести подготовительные работы до подхода основных сил 16-й армии. Ди-

визии придан армейский батальон связи, который имеет задание подготовить связь штабов армии с корпусами и дивизиями. Унтер-офицер кивком подтвердил слова оберлейтенанта. Немец назвал и количественный состав уничтоженных нами частей — до 500 человек. Это совпало с нашими подсчетами.

В землянку вошел каптенармус Половина.

— Разрешите доложить о трофеях.

— Докладывай, — разрешил Юрцев.

Половина долго перечислял количество автоматов, винтовок, пулеметов, патронов, продовольствия. Как всякому хозяйственнику, ему было приятно сообщить начальству, что склады забиты под завязку.

— Но вот что будем делать с 250 полевыми и кабинетными телефонами, 29 комплектами раций крупных диапазонов и телегами с голым и гуперным проводом, не знаю, — закончил Половина.

— Будем, Ваня, бережно хранить, — рассмеялся Юрцев. — Мы теперь с тобой являемся владельцами всех средств связи 16-й немецкой армии.

В начале февраля 1944 года у партизан было хорошее настроение. Люди радовались успехам Красной Армии, окончательному прорыву блокады Ленинграда. За шесть дней наступления войска Ленинградского фронта разгромили петергофско-стрельнинскую группировку противника, соединили Ораниенбаумский плацдарм с Большой землей и отбросили гитлеровцев от Ленинграда на 25 километров. 19 января Москва торжественно салютовала в честь освобождения Красного Села и Ропши. 20 января войсками Волховского фронта был освобожден Новгород. Свою лепту в эти победы внесли и мы. Вот как писал об этом Маршал Советского Союза Кирилл Афанасьевич Мерецков в книге «На службе народу»: «В этот период резко активизировались партизаны Ленинградской области. Оккупанты привлекли для борьбы с ними, помимо охранных дивизий, по батальону из каждой полевой дивизии, но не сумели

подавить партизан. В результате наступление, предпринятое советскими войсками в последней декаде января, совпало с серией... ударов, нанесенных партизанами по немецким тылам. Мне кажется, что по гармоничности эта совместная операция имеет себе мало равных. Полагаю, что историки обратят на это взаимодействие партизан с войсками Красной Армии особое внимание».

От Никитина и командующего фронтом Л. А. Говорова комбригу Юрцеву шли радиogramмы:

«Организуите окружение и уничтожение немецких гарнизонов в райцентрах и других крупных селах». «Устраивайте засады на дорогах, по которым движутся отступающие фашисты». «Минируйте, перекапывайте, заваливайте лесом большаки. Направляйте колонны врага в обход по малым дорогам и уничтожайте их».

Мороз не ослабевал. Александр Поруценко говорил в эти дни на митингах:

— Лучше не придумаешь! Сам господь бог за нас. Мы в шубах и валенках, а фрицы в шинелях и сапогах. Наша лесная стратегия проста: перекрыть главную магистраль, направить фашистов через лес, по бездорожью. И как хорошим хозяевам устроить гостям «горячий» прием.

Эта стратегия себя полностью оправдала. В Серболовском лесу была рассеяна колонна немцев численностью почти в тысячу человек. Сдаваться они не пожелали. Но мороз сделал свое дело: через два-три дня, держа в обмороженных руках белые тряпки, выходили сдаваться.

Штаб бригады получил добро на последнюю большую операцию — уничтожение вражеских гарнизонов в Дедовичах и Пожеревицах. Задача была не из простых. В Дедовичах стоял гарнизон численностью в 700 человек. Все подступы к городу три года укреплялись. Оборона города была насыщена противотанковыми рвами, дотами, дзотами, минными полями. Не менее сложная ситуация была и в Пожеревицах.

Совещание у Юрцева длилось долго. Приказ комбрига

гласил: четыре отряда совместно со штабом бригады атакуют Дедовичи, два отряда идут на Пожеревицы. «Скупому рыцарю», так комбриг в шутку называл Ивана Половину, было приказано выдать все имеющиеся в наличии боеприпасы и продовольствие. Иван и здесь отличился. Мы получили довольствия на пять дней, чего никогда не бывало.

— Ну, рыцарь, — целуя Половину, сказал Юрцев, — больше я тебя скупым звать не буду!

В восемь утра начали выходить на исходные позиции. В отряде Аникина в бою у костров был убит командир роты и ранен политрук. Я попросился у Поруценко идти с разведчиками на Пожеревицы.

— Хорошо, — сказал он, — но не с разведчиками, а в должности политрука первой роты.

Дело в том, что хотя я и исполнял обязанности адъютанта, но по штату числился политруком в политотделе бригады. Забрав вещмешок, я доложил Аникину о своем назначении. Горько было, когда в строю я не нашел половины близких, дорогих людей. Разведчики в последние месяцы несли большие потери. За сутки, преодолев почти 40 километров, мы вышли к Пожеревицам. Наблюдение показало, что в расположении врага царила тревога, переходящая в суматоху. Посты часто сменялись, какую-то закономерность в этом трудно было обнаружить. Донимал гитлеровцев и мороз.

Лобановский, Аникин и Кайченко приняли решение: атаковать гарнизон ночью, а возможные пути отступления немцев заминировать. Две ночи подряд наши отряды, подползая на дистанцию прицельного огня, вели массивный огонь из всех видов оружия, благо боеприпасов хватало. На третий день, решив, что с ними ведут бой регулярные части Красной Армии, немцы решили отступить. Небольшими группами они стали выходить на дорогу и тут же угодили на заминированный участок. По этой колонне и ударили из засады наши пулеметчики, но большого уро-

на врагам, к сожалению, не нанесли: местность была безлесной, подойти близко не было возможности, и наши ребята вели огонь с дистанции почти в полкилометра.

— Не похвалит нас командир, если мы и остальных фрицев отсюда живыми выпустим, — с досадой в голосе сказал Лобановский.

Когда вторая колонна немцев вышла из поселка, отряд Р. М. Кайченко, в распоряжении которого были противотанковые ружья, метко расстрелял девять грузовых автомобилей, а легковой «опель-адмирал», пытавшийся прорваться на запад, наскочил на противотанковую мину. В это время бойцы Аникина атаковали гитлеровцев с тыла. Из второй колонны немцев в живых не осталось почти никого. Но победа эта и нам далась дорогой ценой: наступать приходилось по открытой местности, и 40 партизан погибли в этом последнем, как позже выяснилось, бою.

Ротные командиры стали собираться на восточной окраине поселка на полевом КП Лобановского. Неожиданно к Лобановскому подбежал разведчик Алексей Васильев.

— Фрицы идут! — закричал он. — Вон, оттуда, — и указал на окраину поселка, где находилась только наша рота.

— Крылов и Степанов, бегом! Развернуть роту к бою!

Пробежав метров двести и упав к пулемету, я, к своей великой радости, увидел колонну в форме бойцов Красной Армии, в белых полушубках и валенках. Боясь, что рота откроет огонь, я стал подбрасывать шапку вверх и кричать:

— Наши! Наши! Наши!

— Надень шапку, дурень, уши отвалятся, — сказал Аникин.

Мы пошли навстречу колонне. Спустя несколько минут вместе с командиром красноармейцев капитаном Долгополовым мы были на КП Лобановского.

— Почему не развернулись в боевой порядок, входя в немецкий гарнизон? — спросил наш командир.

— А мы как пацана, подкидывающего шапку, увидели, так и поняли, что немцев здесь нет.

— Этот пацан у нас — политрук роты.

Долгополов улыбнулся и подал мне руку. Капитан продолжал:

— Мои разведчики уже три дня наблюдали за боем в Пожеревицах. Но прийти вам на помощь у нас не было возможности.

Войдя в поселок, партизаны, красноармейцы тут же смешались в радостную, счастливую толпу. Рукопожатия, поцелуи, слезы.

Лобановский отдал приказ двигаться на Дедовичи. Мы спокойно, свободно двигались по наезженной дороге и уже на второй день были в Дедовичах. Лобановский доложил Юрцеву и Порученко об итогах операции. Несмотря на общий успех, комбриг был расстроен нашими потерями.

В дом вошел начальник штаба бригады Василий Осокин:

— Александр Васильевич, войска 23-й дивизии будут в Дедовичах через три часа!

— Хорошо, готовьтесь к встрече!

Встреча состоялась у здания Дедовического райисполкома. До войны перед ним была большая и красивая площадь. Сейчас она была усыпана рядами березовых крестов: гитлеровцы устроили здесь кладбище.

К нам подошли два полковника: командир 23-й дивизии и ее замполит. Командиры крепко, по-мужски обнялись, и комдив сказал, указывая на кресты:

— Много же вы их тут положили.

— Надо быстрее добывать, — ответил Юрцев, — да по-человечески жить начинать!

В штабе бригады Юрцев доложил о ситуации в районе.

Утром была получена радиограмма:

«Бригаде в полном составе прибыть в Ленинград для расформирования».

М. ЗАПЛАТИН

НАША МОЛОДОСТЬ ЗАЩИЩАЛА РОДИНУ

Михаил Александрович Заплатин. В 1939 году был призван в армию. Закончил Оренбургское авиационное училище. Прошел всю войну в авиации дальнего действия. Воевал в Польше, Германии, участвовал в разгроме Квантунской армии. После войны стал кинооператором. Заслуженный деятель искусств РСФСР. Живет в Перми.

На полевой аэродром под Рязанью я попал поздней осенью 1942 года. Наша группа молодых летчиков только что закончила 1-ю высшую школу штурманов и летчиков авиации дальнего действия за Бухарой.

После среднеазиатского жаркого солнца — снежные сугробы, туманная метель и мороз. И самолеты Ил-4, которые мы увидели впервые.

Рязанская деревня встретила нас необычным режимом жизни. Днем на улицах никто не появлялся, воцарялась тишина. С наступлением же сумерек начинали гудеть моторы на аэродроме. Среди ночных звезд появлялись разноцветные

огоньки невидимых самолетов. По небу принимались чертить лучи прожекторов.

К утру деревня снова погружалась в тишину. Отлетавшие ночью экипажи спали. Другие готовились к своему очередному ночному вылету: под руководством эскадрильных навигаторов изучали цель. И так было ежедневно.

Днем отдохнувшие летчики бодрствовали каждый по-своему. Одни писали письма домой, другие читали книги, третьи рассматривали свой фотографический арсенал. За таким занятием я и застал в один из дней пилота Василия Антипова.

В его руках была объемистая пачка фотографий. Вася задержал взгляд на одной карточке и с умилением проговорил:

— Женка моя дорогая...

Он оторвался от снимков и крикнул кому-то:

— Стрелок! Дай взаймы пятьсот рублей, аккордеон куплю. Собьют — станем в лесу наигрывать. Весело будет!..

Стрелок отвечал:

— Нету, Вася...

— Ну что за экипаж! Вместе живем, вместе воюем — они деньги жалеют! У меня ведь есть уже полторы тысячи, только пять сотен не хватает!..

В другой раз, возвратившись с боевого вылета, Вася Антипов нетерпеливо стягивал с себя меховой комбинезон и сердито ворчал:

— Ну, измотался я сегодня над Орлом! Zenитка как начала жарить по нашей машине! Самолет кидало из стороны в сторону. Штурвал из рук вырывало. Хоть выпрыгивай!..

Ребята хохотали. Все знали, что он великолепный и смелый летчик. А шутит — чтобы поднять дух товарищей.

Как-то вернулся Вася после выполнения задания радостный и, раздеваясь, рассказывал летчикам:

— Ну и крепко же я объегорил сегодня фашистов! Впереди меня шел комэск. Над целью его машину прожекторы взяли в перекрестье лучей, зенитка начала по ней яростно лупить. Ну, думаю, туда я пока не полезу. Сбавил газок. Смотрю: комэск сбросил бомбы, стал уходить, а следом за ним с земли повели и весь огонь вместе с прожекторами. Мне это и надо! Мы подлетели и спокойненько отбомбились по этой же цели. И сразу тикать в сторону. Ха-ха-ха!..

Такие веселые рассказы боевых летчиков благотворно действовали на нас, еще необстрелянных ребят, заражали бесстрашием, заставляли забывать о смертельной опасности, вызывали стремление самим поскорее ринуться в бой.

Наступил декабрь 1942 года. К этому времени Красная Армия предприняла героическое контрнаступление и окружила многочисленные гитлеровские войска под Сталинградом. В замкнутом котле оказалось 330-тысячная группировка фашистов. Была совершена невиданная по своим масштабам военная операция.

В полку впервые заговорили о торжественной встрече Нового года. В конце декабря в штаб полка пришла женская делегация из соседнего села. Просила командира отпустить группу наших военных летчиков на новогодний вечер в сельскую школу. Командир и комиссар полка не могли отказать молодым учительницам. Официально назначили несколько пилотов, штурманов и стрелков-радистов. Основному же составу было поручено готовить самодеятельность и новогодние увеселительные мероприятия в своем полку.

И вот наступил последний день 1942 года. Вечером в большой избе, отведенной под столовую, собрались летчики, стрелки-радисты и техники. Когда все уже сидели за столами, вошли командир полка и комиссар: полковник Никифоров и майор Соколов. Летчики шумно поднялись и вытянулись по стойке «смирно».

— Садитесь, товарищи, — мягким голосом сказал командир. Полковник оглядел всех и с улыбкой обратился к своему замполиту:

— Сколько же мы отпустили летчиков в соседнее село? А здесь, я вижу, собрались, стало быть, одни убежденные холостяки или верные мужья своим женам?..

Я оглядывал «убежденных холостяков и верных мужей» — сплошная молодежь!

Стрелки часов приближались к двенадцати ночи. Молодые летчики нетерпеливо поглядывали на помещенную в уголке рацию, настроенную на Москву. Ждали новогоднего выступления диктора Левитана.

И вот в репродукторе раздался его знакомый голос: «Внимание! Говорит Москва! Работают все радиостанции Советского Союза!»

Левитан перечислял босвые успехи на всех фронтах Великой Отечественной войны за истекший 1942 год. Назвал освобожденные от врага города, число уничтоженной вражеской техники, убитых и взятых в плен гитлеровцев. Передал поздравление с Новым годом от Верховного Главнокомандующего. Речь закончил словами: «1942 год приблизил неминуемый разгром фашистской армии. Враг будет разбит, победа будет за нами!»

Все шумно поднялись с мест. В репродукторе загремели кремлевские куранты и стали отбивать двенадцать ударов.

— С Новым годом, товарищи! За нашу победу! — проговорил полковник, когда закончился бой курантов.

Загрохотали стулья от усаживания за столы. Изба загудела от оживленных разговоров.

Комполка поднялся:

— Дорогие друзья! Хочу рассказать вам, как мы со штурманом встречали прошлый год...

Он сделал паузу, посмотрел на сидящего рядом улыбающегося уже не молодого майора. За столами все притихли, приготовились слушать.

— Нам приказали бомбить скопление вражеских эшелонов на станции Гжатск. Боевой вылет был назначен на последний ночной час тридцать первого декабря. Решили мы ровно в двенадцать ночи поздравить бомбами фашистскую сволочь. На полете к цели посмотрели на часы — еще пять минут до Нового года. «Что делать, штурман?» — спрашиваю. Он отвечает: «Отвернем малость в сторону!» Сделали маневр, чтобы убить время. А зенитка уже нас обнаружила, снаряды рвутся вокруг самолета, трассирующие пули проносятся мимо, лучи прожекторов лижут машину, ослепляют — в небе сплошной фейерверк. По истечении нужного времени вернулись снова к цели и ровно в двенадцать сбросили бомбы на головы гитлеровцев. Так-то мы встретили 1942 год...

Раздался гром аплодисментов. Послышались возгласы: — Это здорово!..

Радостной пришла весна в деревушку. На лесной опушке, по краю которой стояли наши замаскированные бомбардировщики, зацветали подснежники, медуницы. Для природы войны не существовало.

Однажды весь летный состав срочно вызвали в штаб полка. Совещание начал полковник Никифоров:

— Товарищи летчики! Я собрал вас для важного сообщения. Верховное Главнокомандование приказывает нашей бомбардировочной авиации усилить бомбовые удары...

Полковник оглядел летчиков:

— Надо, чтобы на голову врага сыпалось бомб в двадцать семь раз больше, чем с одиночной машины. Как это должно выглядеть? А вот так: весь полк поднимается в воздух и тремя девятками идет на одну цель. Бомбовый груз, сброшенный одновременно с такого числа машин, разом уничтожит объект большой площади. Теперь вам понятно?..

Среди летчиков снова прошел шумок. Поднялся Вася Антипов.

— Товарищ полковник, разрешите! Мы же не умеем летать строем.

— А вот сейчас я скажу самое главное, что от нас требуют. Нам предлагают в самые кратчайшие сроки научиться ходить плотным строем, эскадрильями. Когда научимся — будем массированными налетами прорывать укрепленные районы противника и уничтожать железнодорожные узлы, аэродромы, промышленные объекты.

— Еще вопрос можно, товарищ полковник? — попросил тот же Вася. — Значит, теперь мы будем летать только днем?

— Да, летать будем днем. Я вижу ваши озабоченные лица. Понимаю: вы привыкли чувствовать свободу в воздухе. К тому же под покровом ночи и воевать было безопаснее. Но доведу до вашего сведения — нас будут сопровождать истребители.

Итак, нас из «почников» перевели в «дневники». Теперь наша жизнь под Рязанью проходила в постоянных тренировках. В короткий срок мы научились ходить в воздухе плотными девятками. Вскоре пришла команда о перемещении на новый аэродром.

Полк из Рязанщины перенесся ближе к фронту, под Тулу. Наш полевой аэродром раскинулся в пригороде. По соседству с нами базировалась эскадрилья французских летчиков-истребителей «Нормандия—Неман».

В первую же ночь техники и вооруженцы допоздна копошились у самолетов. На каждой стоянке появились разнокалиберные бомбы, скрытые в деревянных кассетах-катышах. Бензозаправщики сновали от одной машины к другой. К утру все бомбардировщики были готовы к боевому заданию.

В повышенной боевой готовности мы находились несколько дней. В одну из ночей полк подняли по тревоге. Летный состав собрали в штабном помещении. Приказали проложить на картах маршрут к цели — укрепленному району противника под Брянском.

Под самолетами уже были подвешены бомбы. Летчики заняли свои места в кабинах. Пристегнули парашюты. По сигналу с командного пункта — зеленой ракете — запустили двигатели.

В это время к моей штурманской кабине подбежал замполит полка майор Соколов. Начал показывать пилоту скрещенные руки: «Остановите моторы!» И, жестикулируя, что-то говорил мне.

— Штурман, вылезай! — расслышал я сквозь гул.

Василий Кириченко остановил двигатели. Винты перестали вращаться. Я отключил шлемофон. Отстегнул парашют. Выбрался из кабины.

К замполиту подошел незнакомый офицер. Комиссар сказал мне:

— Вместо тебя полетит стажер из академии Жуковского. Ему осталось сделать один боевой вылет...

В мою кабину забрался молодежавый капитан. Пилот снова запустил моторы. Я стоял в стороне и смотрел, как эскадрильи выруливали на старт, взлетали и уходили на юго-запад. Взлетел и наш самолет. Аэродром опустел. На стоянках самолетов нашей эскадрильи оставались только техники и мотористы. Среди них я оказался единственным оставшимся из летного состава.

Первые самолеты начали возвращаться через час. Приземлилась одна эскадрилья. Спустя минут пять села другая. Наша что-то задерживалась.

Прошло еще полчаса — в небе ни звука. С понурыми головами я и техники ходили по опустевшим стоянкам. Ко мне подошел техник-моторист нашего самолета Сергей Ханьков:

— Что же случилось с девяткой? Может, на другой аэродром сели?..

Я молча развел руками. Тяжело было верить в трагедию — эскадрилья не вернулась полностью: девять двухмоторных бомбардировщиков — 36 человек летного состава!

О том, что произошло, стало известно позже. Летчики

вернувшихся эскадрилий рассказали о такой трагической картине. При отходе от цели после бомбометания на полк налетели вражеские истребители «мессершмитты». Они не тронули две первые девятки, а лавиной набросились на последнюю, на нашу. В воздухе завязался неравный бой. Стрелки-радисты отчаянно отбивались от фашистских стервятников.

Но перевес сил был явный. Вражеские истребители стали расстреливать и зажигать наши самолеты. Плающие машины одна за другой падали. Но от пулеметного огня стрелков-радистов досталось и «мессерам»: не один стервятник клюнул вниз, оставляя за собой шлейф черного дыма.

Пройдет несколько дней и станет известно, что случилось с теми, кто спасся на парашютах. Одних при приземлении фашисты сбивали с ног прикладами автоматов, чтобы взять в плен живыми. Другие наши летчики, не желая попасть в плен, тут же застреливались из пистолетов.

А вот летчику Володе Якунину удалось выхватить из голенища своего сапога нож и заколоть наседавшего фашиста, потом скрыться в кустах и уползти в лес. Позже ему и другим ребятам удастся пробраться через линию фронта к нашим войскам.

Мой же пилот, Вася Кириченко, был взят в плен. Когда пленных советских летчиков повезут в Германию, они совершат героический побег. Взломают обшивку товарного вагона и выбросятся, сопровождаемые автоматными очередями охранников, на полном ходу поезда.

В белорусских лесах Вася с товарищами попадет к партизанам. Вместе с ними будет выполнять боевые операции: пускать под откос гитлеровские эшелоны, подрывать мосты. В нашем полку он появится только перед самым концом войны.

Среди тех, кто не вернулся, оказался и Вася Антипов.

Трагедия с нашей эскадрилей не повлияла на боевые действия полка: полеты продолжались двумя девятками.

Истребители усиливали охрану бомбардировщиков в каждом боевом вылете.

Вскоре полк прекратил боевую работу, начал готовиться к перебазировке на другой аэродром, чтобы восстановить летный состав и пополниться новыми самолетами.

Годом коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны называют год 1943-й. К поздней осени советские войска освободили Великие Луки, Курск, Белгород, Харьков, Орел, Брянск, Смоленск, Киев.

Наш полк покинул Тулу и перелетел на полевой аэродром ближе к Брянску. С одной стороны поля мы увидели сплошной лес, по другую чернела избами деревушка с названием Тешкова Гора.

По краю деревни тянулась цепочка бугров над землянками, вырытыми фашистами для своих летчиков. Теперь мы будем жить в их землянках.

Гитлеровцы рассчитывали оставаться здесь долго. И внутренность землянных укрытий оформили с шиком: двухэтажные лежанки, столы и стулья были сколочены из тонких стволов березок, стены и потолки обиты цветной тканью.

Удирая из деревни под натиском советских войск, фашисты бросили в складах военную технику: автоматы, минометы, запасы патронов, сигнальные разноцветные ракеты, противотанковые мины. Среди этих запасов были и тюки листовок, предназначенных для разбрасывания над нашими войсками.

В Тешковой Горе наш полк пополнился молодыми штурманами и пилотами. Оснастился новыми самолетами Ил-4.

Моим пилотом теперь стал симпатичный двадцатидвухлетний паренек из Саратова — Андрей Саржевский. Он прибыл в наш полк недавно, сразу из летного училища. Андрей отличался веселым нравом. Мы подружилсясь.

К нам в экипаж зачислили радистом — Фатеева, стрелком — Галямова. Помню только их фамилии. Хорошие скромные парни.

В Тешковой Горе наш экипаж вошел в состав эскадрильи, командиром которой стал капитан Бугров со своим штурманом капитаном Киаукой. Комэск Бугров был высоким и стройным офицером, строгим и требовательным командиром, опытным летчиком. Мы побаивались его, но одновременно и уважали. Он нравился нам еще и тем, что относился к нам по-отечески, заботливо, справедливо. В неофициальной обстановке разрешал называть себя «Михаил Степанович».

По-другому выглядел его штурман, наш главный навигатор капитан Константин Александрович Киаука. Полноватый, лысеющий. Где шутки и смех — там надо искать и Киауку. К нам, своим подчиненным, он относился всегда по-товарищески, не требовал соблюдения субординации.

Совсем неожиданно в полк прибыло пополнение — одиннадцать девушек, младших авиаспециалистов по приборам, вооружению и горюче-смазочным материалам. Все они — в звании сержантов. Многим по девятнадцать-двадцать лет.

Девушки, как и мы, несли ежедневную армейскую службу. При подготовке к вылетам мы видели: они активно помогали вооруженцам заряжать патронами пулеметы на бомбардировщиках, с механиками подвозили к машинам горюче-смазочные материалы, готовили к подвеске боевой комплект бомб.

И особенно запомнилось: после каждого учебно-боевого задания, едва самолеты успевали зарулить на стоянки, девчата-фотограмметристы срывали кассеты с аэрофотоаппаратов, установленных в хвосте каждой машины, и поспешно увозили пленку в проявку. Через 40 минут результаты бомбометания каждого из наших экипажей в виде влажных отпечатков уже были в штабе.

Такую же работу девушки будут выполнять в наших

предстоящих боевых вылетах на фронте. И этим окажут неоценимую помощь в оценке бомбометания по вражеским целям.

В Тешковой Горе стало известно, что труженики колхозных полей ближайшего Мещовского района собирают средства на постройку эскадрильи бомбардировщиков, чтобы подарить их нашему полку взамен девятки, погибшей под Брянском. «Мещовский колхозник» — эти слова напишут на фюзеляжах девяти самолетов.

Комэск Бугров объявил нам:

— Чести летать на этих машинах удостоится только та эскадрилья, которая добьется самых лучших показателей в учебно-боевой подготовке!

Командование полка сообщило и другую подбодрившую нас весть: наш 836-й полк зачислен в состав 113-й дальнебомбардировочной авиационной дивизии резерва Ставки Верховного Главнокомандования. Это означало, что наши дневные массированные вылеты понадобятся только для прорыва особо укрепленных участков фронта и бомбардировки важных объектов в неглубоком тылу врага.

Успешное продвижение советских войск на запад пока не требовало от нас массированных воздушных ударов. Прифронтовая авиация — штурмовики и истребители — справлялась без нашего участия. А мы тем временем усиленно тренировались.

В июне 1944 года наш авиаполк, готовый к боевым действиям, перебазировался в район Ленинграда, под Гатчину. Во многом благодаря массированным налетам бомбардировщиков всей дивизии по особо укрепленным районам противника была прорвана пресловутая линия Маннергейма на Карельском перешейке. В несколько дней врага отбросили от непосредственной близости к городу Ленина за Выборг и Нарву в Эстонию.

В этой битве не обошлось без потерь в полку — вражеским истребителем был подожжен наш самолет. Еще в воздухе побибли мои товарищи: пилот Андрей Саржевский,

радист Фатеев и стрелок Галямов. Из горящей, падающей к земле машины чудом удалось выбраться только мне, штурману. Пули «мессера» пробили и прожгли часть строп моего парашюта и ранили в правую руку.

Я спустился в карельский лес где-то под Выборгом и, к счастью, попал к нашим танкистам, прорвавшимся с пехотой через линию фронта. Они быстро отправили меня вместе со своими ранеными в ближайший полевой госпиталь. Вскоре я вернулся в родной авиаполк и продолжал боевую работу на эстонском направлении.

В результате успешного наступления советских войск на Карельском перешейке и в Эстонии фашистов отбросили от Ленинграда.

Однажды вечером, за ужином, капитан Бугров с радостным лицом поднялся из-за стола:

— Друзья, получено сообщение: Финляндия вышла из войны! В этой победе есть и наша с вами доля. Ура!

— Ура! Ура! Ура! — прокатилось по комнате несколько раз.

В этот вечер ужин затянулся до самого позднего времени. Радио объявило двенадцать часов ночи. Командир эскадрильи снова встал из-за стола:

— Дорогие мои, у нас сегодня радостный вечер. Одержана победа, за которую мы заплатили жизнью своих летчиков. Близится время, когда сломаем хребет фашистскому зверю...

Бугров немного помолчал и сообщил такую новость:

— И еще скажу вам по секрету: через месяц мы начнем осваивать скоростные бомбардировщики Ту-2С...

Переучиваться на Ту-2С наш полк направили опять в Тулу, на тот аэродром, где в свое время базировалась «Нормандия—Неман». Французская эскадрилья оставила о себе добрую память в батальоне аэродромного обслуживания, который теперь должен был обеспечивать нас.

Про летчиков-французов говорили: веселые ребята, бесстрашные, неунывающие летчики. Повар летной столо-

вой шутливо жаловался нам, что они «замучили» его: после полета каждый из них нес в столовую букетик зелени одуванчиков для салата.

Нашей любовью стали новые самолеты Ту-2С. Их изящный вид, мощные моторы, грозное вооружение из пушек и крупнокалиберных пулеметов — все нравилось нам. Это были легко пилотируемые двухкилевые, двухмоторные машины идеально обтекаемой формы, напоминали пикирующие бомбардировщики Пе-2. Могли развивать скорость до 600 километров в час.

На переучивание ушла зима. Незаметно приблизился март 1945 года.

— Летим в Польшу! — объявил однажды Киаука, заставил готовить карты.

Через два дня мы уже парили в воздухе, впервые направляясь за пределы нашей освобожденной от фашистов России. Шли красивым строем на Познань. На наших глазах заснеженная земля внизу менялась, словно оттаивала. Сначала зачернела небольшими пятнами, потом громадными. Дальше снег стал пропадать совсем.

Западная Польша встречала нас уже свежей зеленой травой. Вдоль дорог зацветали фруктовые деревья. В Познани садились на сухой, почти летний аэродром. По другую сторону посадочной полосы стояли выстроенные самолеты Ту-2С другого авиаполка, прилетевшего двумя днями раньше.

Здесь всюду слышалась польская речь. А однажды пришлось услышать и английскую. Когда советские войска приблизились к Берлину с востока, а союзники с запада, была достигнута договоренность о челночных маршрутах для отдельных английских и американских самолетов. Их машины могли садиться на наши аэродромы для заправки горючим и оказания помощи.

Однажды на познаньском аэродроме приземлились два американских истребителя «мустанга». Пилотами оказались негры, молодые парни небольшого роста. Многие бы-

ло странно в их облике. Почему-то они были не в традиционной форме летчиков, а в самых цивильных одеждах: в поношенных кожаных куртках, в брюках кофейного цвета и ботинках типа лыжных, на головах смешные приплюснутые шляпки с укороченными полями. Один в темных очках с позолоченной оправой.

На фюзеляже одного «мустанга» была нарисована смеющаяся обезьяна в дикой пляске, на другом полуобнаженная красотка мчалась верхом на бизоне. На спинах курток у негров тоже были намалеваны чудаковатые типажи мультгероев из фильмов Диснея.

— Что-то уж очень несерьезно все это выглядит, — сказал пилот Николай Северов.

— Весело парни воют, — усмехнулся другой летчик, Юрий Горохов.

Вскоре появился переводчик-поляк, интеллигентный молодой человек в очках. Он заговорил с неграми по-английски.

Юра Горохов подтолкнул меня:

— Ты ведь немного знаешь по-немецки! Может, и поляк понимает. Поговори с ним!

Тут-то и пригодились крохотные школьные знания. Поляк оживился, когда услышал от меня несколько немецких слов. Начал сам подсказывать нужные фразы по логике завязавшегося разговора.

Наша беседа строилась так. Ребята задавали мне вопрос, предназначенный для американцев, я с трудом пересказывал этот вопрос по-немецки поляку, он обращался по-английски к неграм.

О чем была наша беседа? О самом элементарном! Какая скорость у «мустангов», максимальная высота полета, водяного или воздушного охлаждения моторы, откуда прилетели пилоты, что их заставило приземлиться в Познани? Разговор состоялся вполне. Все стороны остались довольны.

Вскоре нам было зачитано обращение к войскам маршала Жукова. Он приказывал советским воинам собрать силы для решительного и последнего броска на столицу врага. Полки бомбардировщиков Ту-2С готовились к вылетам на Берлин. Находились в постоянной боевой готовности.

Первый вылет состоялся в середине апреля. Для нашего полка он прошел благополучно: все машины вернулись на базу невредимыми. Но в соседнем авиаполку произошло вот что. Один из вернувшихся самолетов этого полка несколько раз, не выпуская колес, заходил на посадку, снижался и проносился в пяти метрах над землей. Было ясно, что он не может сесть: вероятно, подбита система шасси.

Наконец машина без выпущенных колес низко приблизилась к полосе и, оставляя за собой клубы поднятой земли, со скрежетом и грохотом пробороздив на «брюхе» не одну сотню метров, остановилась. Когда развеялось пыльное облако, из кабины вылез единственный человек. Им оказался штурман Гриневич, наш однокашник по высшей школе АДД.

Позже мы узнали: пилот и стрелки были тяжело ранены еще над целью. Штурман не растерялся в воздухе. Стащив беспомощного пилота с сиденья, занял его место и сам повел самолет в Познань. Выпускать шасси не стал, боясь при неумелой посадке скапотировать, то есть перевернуться через «нос» и грохнуться на «спину». Он посадил машину на фюзеляж. Тем спас товарищей, себя и драгоценный бомбардировщик Ту-2С.

Второй вылет на Берлин для нашей эскадрильи оказался печальным: не вернулась машина Юрия Горохова. Стрелки-радисты соседних самолетов видели, как машину Юрия Ивановича атаковал немецкий истребитель. Загорелись моторы, и бомбардировщик стал снижаться к земле, оставляя за собой полосу черного дыма. Стрелки не заметили, выбрасывался ли кто из подбитого самолета.

В это время наседали «мессеры», надо было отбиваться от них.

Прошло несколько дней. И однажды мы услышали возле дома летного состава громкие возгласы. Выскочили из своей комнаты и увидели штурмана гороховского экипажа — Колю Воронина. Лицо у него было красное, в коростах, без бровей и ресниц. Руки забинтованы до локтей.

Окружили парня:

— Юрка, наверное, тоже вернется? И стрелки?..

Но Коля поведал нам грустную повесть:

— Юрку убило еще в воздухе. Стрелков, видно, тоже. Пламя ворвалось к нам в кабину, обожгло. Я с трудом сорвал козырек и выбросился из машины. Как-то еще парашют не загорелся. — Он горько усмехнулся обезображенным лицом.

— Значит, нет больше нашего Юрия Ивановича, — покачал головой Алеха Голубев.

— До чего же обидно погибать почти перед самым концом войны! — проговорил Николай Северов.

День Победы 9 мая 1945 года застал нас на познаньском аэродроме. Весть об окончании войны ворвалась к нам среди ночи. Стреляли из пулеметов, винтовок, ракетниц, неистово кричали, смеялись — в воздухе стоял продолжительный гром и гул.

Польское население и воины Войска Польского выражали радость по-своему. Они устроили пламенный фейерверк над Познанью. Над городом горело и полыхало, беспрерывно рвались цветные ракеты, огненным пунктиром проносились трассы пуль.

Мы ликовали: наступил долгожданный конец войне! Никто не спал в эту радостную ночь.

Растянули праздник почти на две недели. Но однажды ночью в комнату летного состава эскадрильи вбежал запыхавшийся капитан Киаука с охапкой бумажных свитков под мышкой.

— Штурманы! Получать карты! Быстро проложить маршрут!..

Каждому навигатору досталось более десятка листов. Маршрут пролегал с запада на восток и заканчивался в Улан-Баторе, в Монголии. Стало ясно: для нас война не закончилась.

Наши скоростные бомбардировщики за два дня пронеслись через всю страну. Приземлились в бескрайней монгольской степи. Оглядывая ее из кабин, мы шутили:

— Монголия — сплошной аэродром!

Незамедлительно началась боевая подготовка. Весь летный состав с этого дня находился в повышенной готовности. Ждали момента для бомбового удара по новому врагу, недавнему союзнику гитлеровской Германии.

Так длилось несколько дней. Только ранним утром 8 августа экипажи узнали названия целей: Харбин, Хайлар, Цицикар, Вансяо.

На следующий день наши бомбы уже рвались в японских гарнизонах и на аэродромах.

Советские войска менее чем за месяц разгромили главную военную силу Японии — Квантунскую армию в Маньчжурии. Япония была вынуждена подписать акт о безоговорочной капитуляции.

И. В. Сталин говорил: «С капитуляцией Японии было ликвидировано черное пятно, которое оставило в сознании народа поражение русских войск в 1904 году».

...Вот мы в огромной землянке среди монгольской степи. Где-то недалеко от героического Халхин-Гола. Полусидим-полулежим на длинных двухэтажных нарах. Всем составом авиаполка внимательно слушаем полкового врача Яшу Попелянского — он читает нам вслух книгу А. Н. Степанова «Порт-Артур». Стараемся не пропустить ни единого слова.

Слушаем повествование о ратных подвигах защитников Порт-Артура и невольно вспоминаем свои боевые дни. Как-то еще не верится, что все кончилось.

В. ДЕДЮХИН

НОЧНОЙ БОЙ

Виктор Михайлович Дедюхин. Родился в Перми. После окончания Пермского нефтяного техникума в 1942 году учился в артиллерийском училище. С мая 1943 года до последнего дня войны участвовал в боях на Центральном, 1, 2, 3-м Белорусских фронтах. Награжден орденом Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны I степени, двумя орденами Красной Звезды, медалями.

После войны служил в армии. С 1973 года работает преподавателем геодезии в Пермском нефтяном техникуме.

Наступил 1945 год. Наши войска изгнали фашистских захватчиков со своей кровью политой земли и вели упорные бои на территории врага. В Восточной Пруссии — цитадели фашизма — оборонялась группа армий «Центр» под командованием фашистского генерала Рейнхардта.

Войска 2-го и 3-го Белорусских и части сил 1-го Прибалтийского фронтов окружили восточно-прусскую группировку, прижали ее к Балтийскому морю и, рассекая на части, приступили к уничтожению.

Фашистское командование поставило перед 4-й немецкой армией задачу разорвать кольцо

окружения и через Восточную Померанию проложить коммуникации с Германией.

В ночь с 26 на 27 января немецкая группировка численностью в шесть пехотных, одну моторизованную и одну танковую дивизии атаковала в западном направлении войска 48-й армии генерала Н. И. Гусева. По 96-й стрелковой дивизии генерала Ф. Г. Булатова, которую поддерживал наш 2-й дивизион 68-й армейской пушечной Севско-Речицкой орденов Суворова и Александра Невского бригады, враг наносил удар из-под Вормдита двумя пехотными и одной танковой дивизиями в направлении города Либштадт.

Оперативная обстановка для наших войск была очень сложной. В Восточной Пруссии стояла морозная погода. Метели, вьюги, гололед. Тылы отстали от наступающих частей и не успевали обеспечивать боеприпасами.

Царица полей — пехота, измотанная, утомленная, потерявшая в наступательных боях до 50—60 процентов личного состава, закреплялась возле дорог, и между подразделениями оставались промежутки до четырех километров. Очень плохо в частях 96-й стрелковой дивизии обстояло дело с артиллерией. Основная масса ее отстала из-за отсутствия горючего и находилась в районе Либштадта в недвижимых колоннах.

2-й артиллерийский дивизион 68-й армейской пушечной бригады 48-й армии под командованием майора Павла Афанасьевича Боева к полудню 26 января подошел походной колонной к восточной окраине деревни Кляйн Швенкинттен. Радист командира передал принятую от комбрига полковника З. Г. Травкина радиограмму. В шифровке говорилось, что дивизиону следует немедленно развернуться в боевой порядок восточнее Кляйн Швенкинттен, наблюдательные пункты занять в районе безымянных высот, установить связь с командиром 350-го полка 96-й дивизии, поддержать огнем части дивизии.

Боев посмотрел на меня и улыбнулся. Уж очень был

жалкий вид у его начальника штаба. В полушубке без погон, с перевязанным лицом, вздутым на правую сторону от флюса, возникшего после двухсуточной зубной боли, я, очевидно, вызывал невольную улыбку.

— Вызовите командиров батарей, начальников разведки и связи, — коротко сказал он.

В считанные минуты командиры прибыли с топокартами в голову колонны.

— Товарищи командиры, — начал отдавать боевой приказ Павел Афанасьевич, — впереди нас, восточнее три километра, под воздействием сильного сопротивления противника спешно переходят к обороне подразделения 96-й стрелковой дивизии. Дивизия понесла потери, линия фронта не стабилизирована, оборона не организована. На нашем направлении, кроме нас, артиллерии нет... Я срочно с командирами батарей, начальником разведки убываю на наблюдательные пункты восточнее деревни Кляйн Швенкиттен. Начальнику штаба развернуть батареи на огневых позициях восточнее деревни. Дирекционный угол основного направления стрельбы 15.00 (90°).

Не часто в годы войны приходилось стрелять на восток. На наблюдательные пункты проехать на машинах по глубокому снегу было невозможно. Благо, что расторопные старшины батарей приобрели для транспортировки своего фуража трофейных лошадей-битюгов с повозками. Погрузив в сани радиостанцию, стереотрубу, харч, разведчики взвода управления доложили о готовности.

Помню, как сейчас, плотную, ладно сбитую фигуру комдива. Прошелся у повозок, подошел ко мне, похлопал по плечу, посмотрел на перекошенное мое лицо, сказал: «Крепись». Вынув из кармана немецкие трофейные часы-штамповку, трофейный немецкий «кольт» (я не раз любовался им, и комдив знал, что мне хочется иметь такой), буркнул:

— Бери, дарю тебе на память.

Не знал я тогда, что мы — мой командир, 35-летний си-

биряк, воевавший с начала войны, награжденный двумя орденами Красного Знамени, орденом Александра Невского, двумя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны, любимец дивизиона и всей бригады, и я, 22-летний капитан, его начальник штаба, прошедший с боями рядом с ним с кровавого курского побоища до логова врага, — видим друг друга последний раз.

Я хотел было отказаться от подарка, но понял, что это бесполезно. Павел Афанасьевич пожал мне руку, махнул рукой начальнику разведки и прыгнул в сани. Я и сейчас, через столько лет, вижу кавалькаду из трех санных упряжек, потянувшихся к переднему краю, и лица командира дивизиона, командиров батарей старшего лейтенанта А. С. Мягкова, старшего лейтенанта В. Я. Михайлова, капитана Н. И. Проценкова, начальника разведки старшего лейтенанта А. И. Корякова, наших храбрых разведчиков, связистов.

Не теряя времени, я поставил задачу старшим офицерам батарей лейтенантам Зиновьеву и Лебедеву, старшему лейтенанту Кандалинцеву на развертывание орудий на позициях, подготовку к бою.

Через 30 минут огневые позиции были заняты, орудия готовы к ведению огня, телефонная связь штаб—батарей установлена. 4-я батарея расположилась у южной окраины деревни, 5-я батарея — в ста метрах восточнее, а 6-я батарея северо-западнее этой деревни. Штаб дивизиона разместился на восточной окраине в штабной машине-будке на шасси ГАЗ-2А.

Вскоре начальник связи старший лейтенант А. В. Вальков доложил, что установлена связь с командиром дивизиона. Автотехник дивизиона старший лейтенант В. К. Сабристов выбрал место и расположил тракторы и автомашины за огневыми позициями. Вычислители дивизиона старшие сержанты Калужный и Гаранин развернули планшет,несли на него огневые позиции и наблюдательные пункты и приготовились к подготовке данных для стрельбы.

Любое дело требует контроля. Оставив штаб, я с ординарцем-разведчиком Пашей Димитровым пошел на огневые позиции проверить готовность батарей к бою.

В транспорте дивизиона после двухнедельных боев менее половины боекомплекта. Распределив боеприпасы между батареями поровну, я вернулся в штаб.

Слышу, часовой кого-то остановил, а тот, не подчиняясь, идет напролом. Я вышел из штабной машины. Вижу, полковник, в руках пистолет, с ним два автоматчика. Спрашивает меня:

— Кто таков?

Я в ответ вежливо:

— А вы кто будете?

Он, чувствуется, намного старше меня и по званию и по возрасту, рявкнул, что не до представлений тут, что он заместитель командира дивизии, что впереди нет пехоты, и потребовал от меня людей.

— Капитан, — кричал он, — немедленно выделите 30—40 человек из дивизиона для организации обороны. — И мягче: — Пойми ты, нет впереди заслона.

Я, как мог, пояснил ему, что от орудий нельзя убрать ни одного орудийного номера. В каждом орудийном расчете комплект по два-три человека. (Наши расчеты состоят из восьми человек вместе с командиром орудия.) Без полной орудийной прислуги наши орудия не развернешь, темп огня не выдержишь, один лишь снаряд весит 40 килограммов. Его и подготовить надо, и к орудию поднести, и зарядить. Полковник пытался было оборвать меня, назвал болтуном, но как-то вдруг быстро исчез.

Затем старший сержант Гаранин, связисты обратили внимание на то, что по деревне заходили какие-то тени, одетые в гражданское. Потом задержали немецкого ефрейтора. Подвели ко мне. Один из наших связистов, фамилию не помню, говорил по-немецки. Я стал через переводчика спрашивать, откуда появился немец здесь. Ефрейтор, лет сорока пяти, рассказал, что через час начнется наступ-

ление немецких войск в направлении города Либштадт с целью прорыва кольца окружения. В это время, примерно в 19 часов, меня вызвали к радиостанции. Майор Боев открытым текстом передал, что он вместе с командиром 350-го стрелкового полка наблюдает движение большого количества танков и мотопехоты в направлении своего наблюдательного пункта. Буквально через минуту поступила команда на открытие огня.

Разрывы наших снарядов прекрасно были слышны в ночной тишине. На какое-то мгновение все замерло. Мы ждем команды, но радиостанция молчит. Приказываю радиосту вызывать радиостанцию командира дивизиона. Радиет, сержант Ведерников, монотонным голосом твердит вызов:

— «Енисей», я — «Печора», вас не слышу, жду ответа!
«Енисей» — ответьте!

Сержант Калюжный говорит:

— Товарищ капитан, слышите? Гул моторов.

И тут же в телефонах прохрипело: «Танки...», — и все замолкло.

От наблюдательных пунктов до огневых позиций два с половиной километра. Значит, танки будут у нас через 15—20 минут. Стало совсем темно. Надо принимать решение и действовать. Срочно подаю команды на батареи о подготовке к отражению атаки танков. Странно, думал я, фашисты никогда не наступали ночью, трусливы они на ночные действия. И тут же пришла мысль, что они и не наступают, они прорываются из окружения. Выход у них один — идти на ночной бой. До слуха ясно доносятся команды старших офицеров на батареях:

— Батарея, к бою, по танкам...

А видимости нет, наводчикам орудий надо наводить по звуку мотора, скрежету гусениц, силуэту танка.

Орудийные расчеты готовы на смертную схватку, хотя ясно всем: не предназначена пушка-гаубица 152-миллиметрового калибра для прямой наводки по танкам. Слишком

мала скорострельность — один-два выстрела в минуту, ограничена маневренность огнем и колесами.

— Товарищ двадцать первый (это я), — кричит радист. — Вас вызывает десятый! (командир бригады полковник Травкин).

Позднее я узнал причину отсутствия связи с комбригом. Оказывается, в районе командного пункта бригады тоже появились прорвавшиеся танки противника, и штаб менял свое место. На войне приходится думать быстрее, особенно в экстремальных условиях. Я понимал, что при таком расположении позиций дивизион неминуемо погибнет. Открытая местность, наличие нескольких дорог позволяли танкам противника действовать свободно, маневренно. Фашистам не составляло особого труда обойти наши позиции с флангов и уничтожить все орудия. Когда выбирали позиции, не думали о почном наступлении немцев. Сейчас надо было срочно менять позиции, отойти на полтора километра назад, за реку Пассарге. Там, на высоком западном берегу, за единственным в этом районе железобетонным мостом, можно было остановить наступление танков.

По радию я доложил комбригу, что танки и мотопехота противника подходят к огненным позициям, связи с командиром дивизиона, командирами батарей, находящимися на наблюдательных пунктах, нет, снарядов на огневых позициях мало. Мы готовы к отражению танков, но, оценив обстановку, я пришел к выводу: лучше отойти за реку.

— Прошу вас утвердить мое решение, — закончил я доклад комбригу.

Комбриг отрезал:

— Не разрешаю, стоять насмерть.

Я ответил: «Есть», — но тут же продолжил доказывать, что если встанем за мост, организуем противотанковую оборону, то танки противника мы не пропустим. Связь с комбригом прервалась.

Через пару минут радист передал, что командир

бригады разрешил 6-й батарее отойти и занять огневую позицию за мостом.

6-я батарея располагалась на позиции северо-западнее остальных батарей, ближе к дороге и мосту. Я с Пашей Димитровым бегом рванул к батарее и подаю команду о смене позиции на западный берег реки Пассарге. А в это время танки противника открыли огонь по 4-й и 5-й батареям. Ночной бой разгорался, батарейцы вели огонь. Несколько танков и бронемашин фашистов освещали факелами огня поле боя. Противник обходил нас с юго-запада, не решаясь атаковать в лоб. Мы с ординарцем подбежали к штабной машине. Кругом автоматная стрельба, слышатся немецкая речь, крики «хальт». Командую шоферу штабной машины:

— Вперед, на мост!

Водитель, ефрейтор Володя Сивков, не может завести машину. Вижу, с огневой позиции на полной скорости несется трактор, останавливаю тракториста: почему без орудия?

— Орудие разбито, — отвечает.

— Зацепите штабную машину — и за мост, — приказываю ему и ефрейтору Сивкову.

Сивков мягким тросом цепляет за трактор машину, тракторист включает сразу третью скорость, дергает — удар, у машины вылетает передний мост. Сержанты Гаранин и Калюжный забирают из машины металлический ящик-сейф с документами. Садятся на трактор и рвут на мост. Штабная машина зажжена и горит. Впереди и сзади, справа и слева немецкая речь и стрельба. Мы с ординарцем залегли в кустарник, идущий вдоль дороги. Решаем пробираться по снегу, параллельно дороге, через реку по льду, к 6-й батарее, которая уже развернулась в боевой порядок за мостом у деревни Питтенен.

На дороге, восточнее моста, горит немецкий бронетранспортер. По-моему, его подбили отходящие пехотинцы гранатой. Переправляемся по льду реки ползком, влезает

на высокий западный берег под огнем противника и выходим к деревне Питтенен, на окраине которой уже ведет огонь наша 6-я батарея. Справа от нее еще два орудия. Это один взвод 4-й батареи под командованием лейтенанта Лебедева сумел прорваться к мосту и занять позицию на западном берегу Пассарге. Да, дивизион не погиб, он живет, он бьется с врагом. Принимаю командование на себя. Считанное количество остается на батареях снарядов, в 6-й — двенадцать, в 4-й — четыре. Немецкие танки, бронетранспортеры, пехота скопились у моста. Их продвижению вперед мешают подбитые машины и огонь наших орудий.

Очень четко действовал в бою старший лейтенант Кандалинцев — старший офицер 6-й батареи. Опыта ему не занимать. Воевал с первых месяцев войны, не раз был ранен. В подчинении у него — молоденький 18-летний лейтенант Олег Гусев, сын нашего командарма генерал-полковника Николая Ивановича Гусева. Приятно было смотреть, как четко действуют эти офицеры под огнем противника.

Я уточнил задачу батарее, указал, что надо экономить снаряды, бить наверняка.

Страшно хотелось курить. О зубной боли начисто забылось. В то время мы курили траву, очень крепкую, темного цвета. Стебли ее достигали полуметра. Растирали их руками и свертывали из газеты сигарки. Называли это курево «смерть немецким оккупантам». Махорка считалась деликатесом. У меня табачные запасы остались в сгоревшей штабной машине. В это время со стороны рощи появляется старшина дивизиона Князев, докладывает, что кухня цела, каша горячая в котле, есть и чаек. Кухня располагается недалеко, в рощице, что за деревней. Хозвзводовская автомашинка ЗИС-5 отправлена в санчасть бригады с десятком раненых солдат и сержантов дивизиона.

Выслушав старшину, я попросил у него закурить. Он важно вынул немецкие сигареты и протянул мне целую пачку. Не курили мы трофейные фашистские сигареты, но

тут я обратил внимание, что на коробке написано по-французски. Взял сигарету, старшина вынул зажигалку, поднес к папиросе. Ветер тушил огонь. Так повторилось несколько раз. Тогда я взял зажигалку у Князева, отвернулся от ветра, прикурил. Повернувшись к старшине, я увидел, что он корчится на снегу и тяжело стонет. Пуля попала ему в живот. Срочно эвакуировали в медсанбат. Этот случай еще раз убедил меня в том, что нельзя на войне забывать прописные истины — всегда маскируйся, укрывайся, не подставляй противнику лоб. Могли же мы укрыться в складке местности или за щитом орудия.

В 4-й батарее осталось два орудия из четырех под командованием лейтенанта Лебедева.

— Что будем делать, товарищ капитан? — спрашивает Лебедев у меня. — Снарядов-то всего по два на орудие.

— Вот израсходуем все — тогда и примем решение, — был мой ответ.

А в 6-й батарее в это время выстрелом из танка противника было выведено из строя орудие. Прямым попаданием болванки в колонку уравновешивающего механизма был убит наводчик орудия и ранены два орудийных номера.

Начало светать. Видно было, что по высокому берегу реки занимают оборону отдельные небольшие подразделения пехоты, вышедшие из-под удара. А противник на глазах развертывает на позициях орудия, танки, бронетранспортеры, готовит новый удар.

Связи с комбригом нет. От нашего дивизиона, полностью укомплектованного личным составом, автомашинами, тракторами, осталось после ночного боя пять орудий, шесть тракторов и две автомашины. Потери же в личном составе пока подсчитать невозможно.

К восьми утра 27 января наши танки стали подходить к деревне и развертываться на берегу реки. У домиков, в кустах, в рощице, в садах танки заняли позиции, выставив жерла орудий в направлении моста. Немцы еще вели огонь

по нашим позициям, но уже чувствовалось, что продвижение противника будет остановлено.

В 9 часов утра в район огневых позиций прибыл начальник разведки нашей бригады майор Марк Львович Фукс. В Курской битве, в сражениях за Белоруссию майор Фукс был моим командиром дивизиона. Бывший студент Московского полиграфического института, он с первого курса в начале войны ушел добровольцем на фронт, закончил курсы младших лейтенантов, бил врага под Москвой, командуя батареей 76-миллиметровых пушек в дивизионной артиллерии. В январе 1943 года был выдвинут на должность командира дивизиона. Фронт, война, страдания, боевые дела сдружили нас. После Курской битвы меня назначают начальником штаба к майору Фукусу. Здесь наше боевое товарищество, дружба укрепились на всю жизнь.

В то утро майор Фукс привез приказ отвести наш дивизион в тыл. Я кратко доложил ему обстановку, с болью в сердце сообщил о пропавших безвестно командире дивизиона, командирах батарей, сержантах и солдатах, после команды «отбой» выстроил в куцую колонну остатки дивизиона и повел в район сбора, в лес юго-западнее Либштадта. Там, в лесу, приводя в порядок себя и технику, мы еще не знали о судьбе своих однополчан.

29 января противник, сконцентрировав в кулак большое количество пехоты и танков, вновь пошел в наступление и ценой больших потерь прорвался в центр города Либштадт. Части 96-й стрелковой дивизии вели упорные уличные бои. Городские кварталы переходили из рук в руки. Тяжелые оборонительные бои продолжались до 31 января. Либштадт наши войска не сдали. Для того чтобы ликвидировать прорыв, образовавшийся в полосе обороны 48-й армии, командующий 2-м Белорусским фронтом ввел в действие 8-й танковый корпус 5-й танковой армии и несколько других крупных соединений. С их помощью наша 48-я армия остановила продвижение противника и сама перешла в

наступление. Противник начал отход к Калькштейну и Вормдитту. К 8 февраля враг был оттеснен на рубежи, на которых он находился до 26 января. Наши войска вернули все утраченные в ходе оборонительных боев позиции.

30 января был отдан приказ по бригаде о назначении меня командиром дивизиона. Начальником штаба был назначен боевой офицер, командир артбатареи из 3-го дивизиона капитан П. Е. Рожков. Командир 6-й батареи старший лейтенант В. Я. Михайлов, командир 4-й батареи капитан Н. И. Прощенков, начальник разведки дивизиона старший лейтенант А. И. Коряков через три дня после ночного боя вышли с несколькими разведчиками и связистами из «мясорубки» голодные, изодранные, измученные и приступили к исполнению своих обязанностей.

Дивизион пополнился машинами, боеприпасами и приступил к боевым действиям. Надо было следовать за пехотой, нашими танками и выйти в район оставленных огневых позиций и наблюдательных пунктов. Офицеры и разведчики, вышедшие из района, захваченного немцами, сообщили о гибели командира дивизиона майора Боева и командира 5-й батареи старшего лейтенанта Мягкова. Подробиностей они не знали.

8 февраля мы вступили на землю, политую кровью наших артиллеристов. У подбитых шести орудий 4-й и 5-й батарей мы увидели трупы наших батарейцев. Раненые были добиты ножами. На огневой позиции 5-й батареи — следы костра с останками сожженных трупов. В районе наших наблюдательных пунктов среди убитых мы опознали тела командира дивизиона Боева и командира 5-й батареи Мягкова. Фашисты надругались над телом нашего боевого командира. С него были сняты валенки, полушубок, вырезан ножом на груди вместе с кожей кусок гимнастерки с боевыми орденами. Лицо Павла Афанасьевича не было изуродовано. Когда ему промыли лицо от крови, увидели спокойное мужественное выражение. Похоронили майора Боева и старшего лейтенанта Мягкова в Либштадте.

Десятью залпами из всех орудий дивизиона возвестили о погребении героев. С болью в сердце говорили бойцы и командиры надгробные речи. Они клялись отомстить врагу за своих товарищей.

Еще около ста дней шли упорные бои в логове врага. Много было сложных ситуаций, боев, потерь.

В начале марта меня освобождают от командования дивизионом и назначают начальником разведки нашей бригады вместо моего друга майора Фукса. Он же переходит на следующую должностную ступеньку.

В конце апреля в темную безлунную ночь до появления первых проблесков зари мы с разведчиками и радистами вместе с общевойсковым десантом 96-й стрелковой дивизии преодолели восьмикилметровую акваторию залива Фришес-Хафф и высадились на косу Фрише-Нерунг. Коса представляет из себя узкую выгнутую полосу земли, протянувшуюся от Кенигсберга к Данцигу. Длина косы около 60 километров, ширина от двух с половиной километров до 500 метров.

Нам была поставлена сложная, требующая большого мастерства, задача — вести артиллерийскую поддержку с фланга наступающих на косе войск. Надо было с южного берега залива Фришес-Хафф через восьмикилметровую акваторию точно поражать цели противника перед наступающими войсками.

Там, на косе, уже после заключения пакта о безоговорочной капитуляции Германии 2 мая в Берлине, шли до 9 мая кровопролитные бои. Враг не верил, что Германия уже поставлена на колени. Кроме того, фашисты не хотели допустить наши войска к концлагерю в районе Штутгофа, где томилась 30 тысяч узников.

Но вот забрезжила заря навеки вошедшего в историю 9 мая, и с первыми лучами солнца мы увидели идущих к нам с белыми флагами хваленых солдат фашистской Германии. Они подавлены, жалки. Вот и генерал с группой

офицеров. Он кладет свой пистолет к солдатским автоматам.

А над косою Фрише-Нерунг взвилось красное знамя — знамя Победы. Взлетели в воздух солдатские пилютки. Тысячеголосое «ура!» сотрясает воздух в сочетании с салютом из пулеметов, пистолетов, автоматов.

К вечеру мы пересекли на плавсредствах вместе с разведчиками и радистами залив Фришес-Хафф и попали в объятия своих боевых друзей. Здесь меня ждала радостная весть о присвоении звания «майор» и награждении за ночной бой орденом Красного Знамени. Многие разведчики, связисты, офицеры также получили ордена и медали.

Н. ХАУНЕН

ДО САМОЙ ФАШИСТСКОЙ БЕРЛОГИ...

Из записной книжки
военного журналиста

Наум Александрович Хау-нен. В годы войны принимал участие в боях на Западном, 2-м Прибалтийском, 1-м Белорусском фронтах. Служил красноармейцем, затем литсотрудником дивизионной газеты. Прошел путь от Москвы до Берлина. Награжден орденами Отечественной войны I и II степени, орденом Красной Звезды, медалями.

После войны, окончив Пермский педагогический институт, около 15 лет работал школьным учителем. Сейчас на пенсии, живет в Кунгуре.

В моем альбоме хранится старая школьная фотография. На ней — наш 6 «б» в окружении красноармейцев. И скорей это не они нас окружили, а мы их. Восхищенно, во все глаза, мои товарищи-«бешники» смотрят на молодых солдат. Мы еще шестиклассники, они уже воины. Но пройдет восемь лет, и в грозное июньское утро мы окажемся в одних рядах.

Дороги войны... У всех они были разные. Чей-то первый шаг оказался последним, другие прошли весь путь и расписались на стене поверженного рейхстага. Мой путь... Он представляется мне прямой линией от Москвы до Берлина. Память позволяет и через сотни точек

провести одну линию. Брянщина, Прибалтика, Померания, сотни русских и западноевропейских сел и деревушек, безымянных высоток — за каждой из этих точек памяти стоит свой бой, товарищи, командиры.

Прошло три дня, как меня зачислили в штат редакции. Сегодня в бой. Пусть в звании красноармейца, но уже в должности военного журналиста.

Мы со старшим политруком Н. Я. Вишневецким, который стал для меня настоящим учителем и другом, на переходном рубеже, среди бойцов.

Делюсь с ним намерением побеседовать с людьми: о чем думают перед атакой? Грозит кулаком: мол, не суйся до времени с интервью! Видишь, все готовятся, тут не до бесед!

Приглядываюсь к действиям опытных, обстрелянных. Всмотриваются в детали местности, «колдуют» над оружием. Нет мелочей при подготовке к бою.

Я тоже лихорадочно проверяю личное оружие, снаряжение. В полевой сумке, наличие которой, собственно, и отличает меня от других рядовых, то же, что и у них в вещмешках: сухари, концентраты, на случай ранения — индивидуальный пакет, да еще блокнот. Еще один блокнот — в правом кармане гимнастерки. А в левом — новенький партийный билет.

Атака принесла успех. Вот он — основной рубеж обороны противника. Но встречный огонь усиливается. Приказано залечь.

Вишневецкий все время рядом. Вдруг характерное шелканье разрывной пули о ветку близкого дерева. Оглянувшись в беспокойстве за друга. Вижу у него на лице струйку крови. Осколочек угодила Вишневецкому под глаз. Еще бы чуть выше и...

А он, приложив марлевый тампон к лицу, извиняющимся тоном мне:

— Нескладно получилось. Теперь придется в тыл. Тут где-то наш комсомольский «бог» старший политрук Чугунов. Теперь будь при нем.

Пытается шутить:

— Будешь у него за адъютанта. Не хочешь? Тогда ординарцем. А я перебинтуюсь и назад.

Ушел. В эту минуту чья-то мощная лапа тянет сзади за приклад.

— Вот ты где, сирота казанская! Не сберег, значит, начальство свое.

Да это ж он сам — старший политрук Чугунов!

Начало темнеть. И вдруг яркая вспышка, оглушительный взрыв снаряда. Идущего передо мной Чугунова подбросило, ударило оземь.

— Контузия, — определила невесть откуда взявшаяся девушка-санструктор. Вдвоем с ней берем раненого. Сил у нас маловато. Продвигаемся кое-как.

Минут через сорок Чугунов очнулся.

— Я сам.

Поднялся, упал, снова встал на ноги.

Добрались до захваченного у немцев фанерного барака. Здесь разместился полковой медпункт.

С первым же транспортом отправили Чугунова в медсанбат (к вечеру следующего дня он оттуда сбежал).

Ну, а я до утра пребывал в бараке. Рассвело полетнему рану.

Перед завтраком получил приказ: вместе с обозом с ранеными двигаться к госпиталю, недалеко от которого расположена наша редакция. Времени даром не терял. Заносил в блокнот рассказы раненых о последнем бое.

Род войск — пехота. Должность — сотрудник дивизионной газеты. Газетный псевдоним — Спиридон Пулькин. О жизни фронтовых журналистов много писали Константин Симонов, Эрнест Хемингуэй. «Жив ты или помер — главное, чтоб в номер материал успел ты передать», — эти симоновские строки и определяли суть нашей работы. В остальном — как у всех: бои, походы, фронтовой быт.

Вот идешь, земля гудит, небо полыхает, передовая уже в двух шагах, а ты думаешь, как написать, хорошо написать, добраться до сердца бойца. Нередко в пути наступают сумерки. А с ними и заботы о ночлеге. Впереди темнеет купа берез. Вроде бы говорит о близости жилья. Еще раз смотришь — вражеские снаряды ложатся в стороне. Подбегаешь. Березы стоят, а под их кронами вместо желанной крыши пепелище. Обгорелый сруб, разрушенная печь. Еще одна человеческая трагедия.

Располосаннные танковыми гусеницами сельские дороги, сожженные хлебные поля. Множество безымянных могил. И вдруг — детская игрушка! Где сейчас тот малыш, который возился с ней? Однажды, много лет спустя, увидел такой же кадр в фильме Романа Кармена. Один кадр. Но он лучше всяких слов показывает всю бесчеловечность войн.

Все виденное отливается в газетные строки. Газета тоже боец, она дает постоянные уроки ненависти к фашизму.

На войне — как на войне. В районе города Карманово с редактором и секретарем обсуждали очередной номер. Погода хорошая, безветренная, и потому расположилась прямо на лужайке. Тут же, рядом, рабочие нашей типографии читали письма из дома. Как свистит мина, известно даже не фронтовикам. Неприятный такой свист. И пока не грохнет эта «дура», не знаешь: то ли у тебя над головой разорвется, то ли метрах в ста далече. Кричать «ложись!» было поздно. И падает этот фашистский «гостинец» в лу-

жу в трех шагах от нас, обдав жидкой грязью. Лежим. Ти-хо. Три секунды, пять, десять... Тишина. Общий вздох.

Наборщик Светинский говорит:

— Ну, братцы, есть кто-то среди нас шибко везучий!

Везение на фронте — вещь не последняя, и слова Светинского я отнес к себе. Незадолго до этого случая в нескольких метрах от меня разорвался снаряд, и многочисленные осколки впились в дерево, у которого я стоял. И здесь пронесло. Не могу забыть и еще об одной ситуации. Меня предупредили, что участок метров в десять — двенадцать перед позицией подразделения, куда мне нужно было попасть, простреливается немецким снайпером. Так что давай, парень, в обход!

Я очень торопился и, рассудку вопреки, рванулся через опасный участок. Снайперская пуля пролетела мимо уха! Видно, опешил фриц от моей наглости или глупости и дрогнула его рука! Но во взвод я поторопился не зря.

Из фронтового блокнота:

«В субботу, во второй половине дня, немцы на переднем крае что-то попричихли. Наши насторожились. В чем дело? Рядовые Бочаров и Исмагилов отправились на разведку. Вернувшись, доложили:

— У фрицев сегодня банный день. Моются в землянке во-он у того бора.

Связались с минометчиками. Квадраты на фрицевской территории были у них пристреляны. И они ударили, да так ловко, что первым выстрелом завалили трубу на бане. Надышавшись дымку, немцы в чем мать родила начали выскакивать наружу. Тут их и накрыли второй миной.

Заготовка для стихотворного фельетона:

Как поддали фрицам пару,
В баню мин пославши пару!

Вот и все, шлю всем поклон.
Друг ваш —

Пулькин Спиридон.

Фельетону повезло вдвойне. Во-первых, он был вскоре напечатан в Москве в журнале «Фронтовой юмор».

А во-вторых... Некоторые бойцы послали дивизионку домой. И однажды из глубокого тыла ефрейтору Васе Смирнову пришло письмо. Там, кроме всех пожеланий и поклонов, была такая приписка:

«А еще передай привет своему другу Пулькину Спиридону».

Еще зимой 41-го, недалеко от Москвы, родились эти бесхитростные строки:

Дороги, дороги, дороги...
Начала им нет и конца!
До самой фашистской берлоги
Уводят дороги бойца.

Военная судьба привела меня к самой фашистской берлоге. 1-й Белорусский фронт, 3-я ударная армия, 79-й корпус, стрелы наступления которого нацелены на рейхстаг.

Как не гордиться и тем, что был в рядах 207-й Краснознаменной Померанской дивизии, принимавшей участие во взятии Берлина! В моей солдатской биографии — это завершение боевого пути. А начинался он в октябре 41-го, когда я был направлен на строительство оборонительных сооружений под Москвой. В 1942 году зачислен добровольцем в 312-ю стрелковую дивизию, позднее получившую наименование Смоленской. Боевое крещение — еще в воинском эшелоне; на подступах к фронту. Ночная бомбежка.

Забитая военными составами станция Сухиничи. Тем-

нота — хоть глаз выколи. Полная светомаскировка. И вдруг стало светло как днем. Это зажглись фашистские «люстры» — осветительные ракеты. Посыпались бомбы. Земля, железнодорожные пути, вагоны дыбились под взрывами.

Новичку в такой обстановке особенно трудно. Кругом все горит, воеет, рвутся бомбы. Ощущение, что окружающее пространство расколосось на отдельные куски, которые никогда не собрать вместе. Позже это стало фронтовыми буднями.

Путь на запад. Наступление, оборона, снова наступление. Погорелое Городище, Смоленск, Орша, Невель, Рига... Долго не было вестей от семьи. Потом горестные, скупые строки о жизни после поспешной — в чем были — эвакуации из-под Ленинграда. Еще письмо: пропал без вести на фронте младший брат Яша.

Прибыли в Смоленск. С однополчанином решили сходить к дому, где до войны жили его хорошие знакомые. Только вчера город освобожден нашими войсками. Очень много разрушений. Из укрытий выходят смоляне. Еле живые, многие даже говорить не могут от слабости. Старики и дети. Особенно жаль детей — они как из воска.

— Это здесь!

Николай показывает на чудом уцелевшее многоэтажное здание. Убыстряем шаг и тут же останавливаемся. Грохот взрыва — и здание медленно, как оползень, начинает оседать, поднимая клубы пыли. Язык оползня наползает на женщину с ребенком. Какие-то секунды, и их уже нет.

Уходя, фашисты жгли все, что могло гореть, а что не горело — взрывали, утюжили гусеницами танков. В уцелевших зданиях — смертоносная начинка: мины и бомбы с взрывателями замедленного действия.

Когда меня спрашивают, как рождалось, зрело мужество, я вспоминаю прежде всего картины смерти мирного гражданского населения. Я вижу рвы, наполненные трупами женщин, детей, стариков (довелось быть членом од-

ной из комиссий по расследованию зверств немецко-фашистских войск), и ту, брошенную в поле, детскую игрушку.

Из фронтового блокнота:

«Старшине Павлинову с одиннадцатью бойцами было дано задание удержаться до подхода наших подразделений три отбитых у врага блиндажа, соединенных ходами сообщений. Небольшой, но важный опорный узел.

И вот гитлеровцы пошли в атаку. На каждого из солдат Павлинова приходилось не меньше взвода фашистов, поддерживаемых пулеметным и минометным огнем. По всем законам военной тактики, логики, казалось бы, удержать позицию было невозможно.

Когда через пять часов пришло подкрепление, блиндажи по-прежнему были в наших руках. В живых осталось четверо. Старшина Павлинов пал смертью храбрых.

Что такое оборона?
Бой жестокий не стихает...
До последнего патрона,
До последнего дыхания!

В короткие часы передышек мы с писателем А. Ноздриным (автором романа «Ольга Белокурова») организуем литературные вечера в прифронтовом лесу, в медсанбате, в дивизионном доме отдыха. Читаем свое и то, что написано такими известными писателями и поэтами, как Александр Твардовский (его «Василий Теркин» только-только начал публиковаться в газете «Красноармейская правда» нашего фронта), Я. Хелемский, В. Субботин, М. Лисянский, В. Смирнов...»

Поле боя. Словосочетание, в общем-то, противоестественное. Пространство, призванное поддерживать существовавшие человеческие своими дарами, грозит смертью, полито кровью солдатской.

Сколько раз приходилось слышать народную мудрость: «Жизнь прожить — не поле перейти». И обошедшие все фронты пронзительные строчки поэта: «Прожить бы мне эти полмига, а там я всю жизнь проживу».

На поле боя действуют все. А если доведется передохнуть, о чем думает бэец?

— Всякое в голову приходит, — откровенничает со мной пожилой солдат. — О доме вспоминаю, о семье, вообще о жизни перед войной.

— А о том, как сильнее фашистов колотить? Научились, поди...

Ловлю себя на мысли, что заговорил «под народ». Очень нужен материал о боевом опыте — срочное задание.

— Есть опыт, — отвечает. — Перво-наперво смотрю, где он, фашист. Чтоб раньше я его увидел, чем он меня! Передвигаешься, где ползком, где перебежкой. И чтоб скрытно. Да не прозевать в самое время на мушку взять.

Разговор идет в промежутках между огневыми налетами. В воронке от снаряда. Бывалые говорят: «Укрытие надежное. Дважды в одно место не попадает».

Собеседник — на фронте не новичок. Вижу нашивки за тяжелые ранения, две медали «За отвагу». Одна — совсем новенькая.

— За что? — спрашиваю.

Удивляется не без лукавства:

— А то не знаешь? Повоевали, значит.

Записываю рассказ о том, как помогая служивый пехотинец артиллеристам выкатывать пушку на прямую наводку.

«Рвались наши вперед и вдруг — стоп! Вражеский дзот пулеметом косит. Ни прямо пройти, ни обойти. Все пристреляно.

Пехота к артиллеристам: подсобите. Те, понятно, согласились. Решили, что лучше всего бить прямой наводкой. Так быстрее и надежней.

Помощь, конечно, взаимная. Среди тех, кто помогал выкатывать орудие, был и уралец С. Суриков.

Правда, пришлось ему отвлечься. Углядел поблизости двух немцев, притаившихся в окопчике за кустом.

Как быть? Опыт, солдатская сметка подсказали: прежде всего надо отвлечь внимание фрицев.

Как? А что это виднеется на дереве метрах в двух от занятого немцами окопчика? Скорее всего, это пустующее гнездо крупной птицы. Точным выстрелом наш солдат попал в гнездо. Да так, что содержимое его полетело вниз, прямо на немцев. Они, естественно, перепугались, смотрят вверх.

Нашему вонну того и нужно было. Успел так без помех подобраться поближе к фашистам. Одна за другой в окопчик полетели гранаты.

А Суриков, не теряя времени, успел вернуться. Опять крепко ухватился за колеса «сорокапятки».

Удачно справились со своим делом и пушкари: дзот был уничтожен.

Действовали храбро, четко, ловко.
Всюду в службе воинской сясен

Тот, кто и умением и сноровкой
Нанести врагу сумел урон!»

Даешь Варшаву! Этот клич обрел для нас новый смысл, когда наша 207-я дивизия была передислоцирована из Прибалтики и приняла участие в освобождении столицы Польши.

Воснные воспоминания как кусочки киноленты. Они «сняты» с разной скоростью и в разное время, среди них встречаются дубли, но есть куски, которые стараешься «прокручивать» как можно бережней. Эти кадры памяти особенно дороги.

Переправа через Вислу. Вокруг — огненный ад. Бежим по льду. Добежали до середины. Стоп-кадр. Дальше — съемка «рапидом». Под ногами уже не лед, а крошево из воды, снега, металла. Все как во сне: ты бежишь, а сам стоишь на месте. Смена кадра, мы уже на другом берегу. Конец эпизода. Зажигается свет.

До сих пор не могу понять, как все-таки оказались на другом берегу. Впрочем, на войне многое необъяснимо.

Из фронтового блокнота:

«Была у нас санитарка Люся Щербинина. С виду обыкновенная девушка. Худенькая, невысокая блондинка. Изнемогая, вытаскивала с поля боя очередного раненого. Парень был без сознания и потому казался особенно тяжелым.

Откуда ни возьмись, прямо перед ней четверо гитлеровцев. Люся закричала от ужаса, но выступила вперед, заслоня собой раненого. Счет шел на секунды. Люся извернулась и полоснула очередью из автомата. Трое свалились сразу, четвертый бросился на девушку. Она —

камнем под ноги. Фашист запнулся и упал. Люся с размаху и «приголубила» немца автоматом по голове. Очнулся фашист и под прицелом Люсиного ППС покорно поволок раненого в наше расположение.

...Ходит слава о дивчине,
О дивчине-молодчине!

Рядовой Аллабек (фамилию, к сожалению, не помню), снайпер, готов был сутками сидеть в укрытии, выслеживая врага. Счет мести дошел у него до семидесяти девяти. Ждал восьмидесятого. А тот все не попадал на мушку. Пошел густой снег, стемнело. Все, можно было уходить. Видимость уже ни к черту. Так подумали и фашисты. Но не Аллабек. Смотрит, сразу трое фрицев вышли из-за укрытия. Не зря караулил снайпер! То, что было дальше, из области невозможного. Сам бы не видел — не поверил... Одной пулей Аллабек двоих свалил! Начал девятый десяток».

Уже в Польше вновь услышал о знакомой еще по Смоленску пулеметнице Вале Чудаковой. Удивительный она человек! Семнадцать лет от роду, а как рвалась на фронт! И не кем-нибудь, а непременно пулеметчицей, как чапаевская Анка! В школу пулеметчиков проникла переодевшись в мужскую одежду. Ну как тут не вспомнишь Шуру Азарову из «Гусарской баллады»! На контрольных стрельбах показала лучшие результаты. Хвалили. Но когда обман все-таки обнаружился, хотели отправить в тыл: не женское это дело — война. Но уступило командование девчоночьему напору. Присвоили звание младшего лейтенанта, дали пулеметный взвод.

В первом же бою показала и умение и отвагу. Ее взвод очень удачно поддерживал действия наступающих, маневрировал под вражеским огнем и сводил на нет все атаки немцев. Сама Валентина, говоря словами написавшего о ней очерк в армейской газете известного прозаика Василия Смирнова, автора романа «Открытие мира», «проявила настоящий русский характер, высокую стойкость перед лицом смертельной опасности».

Среди ее подвигов — лихой рейд во вражеский тыл на пулеметной тачанке. Отважная пулеметчица Валя Чудакова после войны сменила свой пулемет на перо. Несколько лет назад я приобрел ее книгу, которая называется «На тихой Сороти».

О темпе наступления от Варшавы до Одера говорит такой факт. Обычно редакция нашей дивизионной газеты двигалась чуть ли не в боевых порядках пехоты. А тут продвижение пошло с такой скоростью, что наша редакция-типография, смонтированная на трехтонке, сильно отстала от передовых частей. За 20 дней было пройдено около 600 километров.

И нам, журналистам, приходилось пересаживаться на любой попутный транспорт, чтобы быть там, где положено быть фронтовому газетчику. То ехали в кузове грузовика на укладке снарядов, то на танковой броне, а не повезет — верхом, или, того хуже, на телеге.

Кстати, некоторый опыт кавалерийской езды я уже приобрел. А было это так. Заместитель редактора газеты старший лейтенант Куцаев направил меня в редакцию фронтовой газеты, находившуюся примерно в 18 километрах от нас. Нужно было немедленно дать в номер принятое по радио сообщение о высадке англо-американского десанта в Нормандии, другими словами, об открытии союзниками долгожданного второго фронта в Западной Европе.

В таких случаях свободного транспорта под рукой не оказывается. Начальник ветлазарета, внимательно посмотрев на меня, предложил для поездки верховую лошадь. До сих пор верхом мне никогда ездить не приходилось, но другого выхода не было. Медик меня утешал: впереди поскачет сопровождающий, и моя ученая лошадка, как иголка за ниткой, сама пойдет туда, куда надо. Но, видимо, «учености» у кобылы было маловато, да и мои кавалерийские возможности врач переоценил. Когда мы вернулись, нас обоих можно было укладывать на поправку в лазарет...

При продвижении в сторону Берлина поражаало огромное скопление военной техники. Танки, самоходки, артиллерийские орудия на конной тяге, командирские «виллисы» шли только вперед. Другого пути уже не было и быть не могло.

Что касается представителей прессы, то здесь, вероятно, уместно привести высказывание старейшины корпуса военных корреспондентов, ныне, увы, умершего корреспондента «Правды» Мартына Мержанова. «Журналисты — тоже часть армии. Пусть маленькая, незаметная частица, а все же веточка одного дерева».

Сколько их, моих товарищей с «лейкой» и блокнотом, навсегда осталось лежать на полях больших и малых сражений!

Из фронтового блокнота:

«У нас горе. Погиб редактор майор Н. И. Калмыков. Снаряд настиг его по дороге на командный пункт.

Получили скорбную весть. Разбомбило редакционную машину в соседней армии. Убиты прекрасные журналисты, наши товарищи, неоднократно отличавшиеся в боях: В. Николаев, И. Шварц, А. Ермолаенко.

В нескольких сотнях метров от рейхстага

сражен пулей редактор дивизионной газеты майор Зацепин.

С тяжелым ранением отправлен в тыл наш заместитель редактора старший лейтенант Куцаев...

Последняя корреспонденция Николая Калмыкова была о военфельдшере Козако, вынесшем с поля боя 60 раненых и удостоенном за свой подвиг ордена Ленина.

Писать о славных делах бойцов и командиров Красной Армии — святое дело. Но сколько таких рассказов ушло в небытие вместе с погибшими военкорами...»

При прорыве берлинской обороны только на Кюстринском плацдарме, например, на каждый километр фронта приходилось до трехсот орудий, минометов, «катюш». На последних рубежах обороны, ослепленные ненавистью и лучами зенитных прожекторов, гитлеровцы сопротивлялись с отчаянием обреченных. Двое суток, не прекращаясь ни на минуту, шли бои за Зеловские высоты.

На дорогах, по которым наша редакционная трехтонка движется к Берлину, все чаще попадаются колонны пленных гитлеровцев. И тут же — узники освобожденных нашими войсками нацистских концлагерей. Они еще в ненавистных полосатых одеждах. Изможденные тела, серые лица. Но в глазах — радость. Русские, французы, бельгийцы, норвежцы, датчане. У многих в руках наскоро нарисованные национальные флаги. Стремительное наступление советских войск спасло их от неизбежной гибели в последние дни войны. По приказу палача-рейхсфюрера Гиммлера лагеря и заключенных нужно было стереть с лица земли...

А мы — все вперед и вперед. Каждый шаг приближает нас к заветной цели.

...До самой фашистской берлоги
Уводят дороги бойца.

Из фронтового блокнота:

«Перед одной из штурмовых групп нашей дивизии поставлена задача: захватить огромное серое здание какого-то фашистского министерства, преградившее путь к центру.

Обязанности между солдатами распределены четко. Одни сковывают действия вражеских пулеметчиков. Другие короткими перебежками, а где и ползком, преодолевают опасные участки. Третьи расправляются с «фаустниками», которые сильно сдерживают наши танки и самоходки.

И так метр за метром, дом за домом, улицу за улицей, рубеж за рубежом.

А там, где только что отгремел бой, уже стоит на перекрестке наша регулировщица и руководит движением во вражеской столице. Немного поодаль, у дымящейся походной кухни, рядом с советскими солдатами — немецкие дети».

Победа. Вот она, рядом. И по сей день не могу свыкнуться с мыслью, что в эти последние часы войны мы теряли наших боевых товарищей.

Помню, 1 мая (последний Первомай в огне) мы с сотрудником редакции, впоследствии писа-

телем Леонидом Елисеевым по-пластунски пробирались в расположение одной из наших групп. Шум боя не стихал, а, казалось, нарастал: кругом дым, гарь, свист пуль, хлопки «фаустов», грохот взрывов. И в то же время куда ни глянь из окон свешивались белые простыни, скатерти, пододеяльники, полотенца. Жители Берлина уже признали полную и безоговорочную капитуляцию рейха.

А через несколько часов, 2 мая, наступила тишина, гарнизон Берлина сложил оружие.

Маршал Жуков устроил свою знаменитую пресс-конференцию на острове Ванзее. Он рассказал о сражении за Берлин.

«Оно не было похоже на битву под Москвой, Ленинградом или даже Сталинградом... В первые годы войны нам часто приходилось воевать в исключительно неблагоприятных условиях. К тому же у наших солдат и офицеров тогда не было такого опыта, как сейчас. В сражении за Германию мы имели превосходство в людях, танках, самолетах, артиллерии и во всем прочем в соотношении 3:1, а иногда даже 5:1. Но важно было не просто взять Берлин, а взять его в кратчайший срок. Немцы ожидали нашего удара. Я выбрал способ внезапной атаки ночью всем фронтом.

Мы очень быстро прорвали германскую оборону на Одере... Противник, видя, что его оборона не выдерживает, бросил на свою защиту все резервы из района Берлина и даже снял часть гарнизона из самого Берлина, и в этом был его большой просчет. Подходящие резервы врага были во встречных сражениях разбиты с воздуха и нашими танками. Когда советские войска прорвались к Берлину, оборона города

была в ряде мест оголена. В частности, была оголена зенитная оборона противника.

Это было поучительное сражение, особенно в отношении темпов и тактики ночного боя такого масштаба. Главное, что немцы были разгромлены на Одере. В самом Берлине происходила просто огромная операция по очистке. Сравнения с битвой под Москвой здесь не может быть».

9 мая! Творится что-то неописуемое. Стрельба чуть ли не из всех видов оружия. Но это уже салют Победы.

Где в те часы находился я? Всюду. Успел побывать в казармах, на плацах, где наши ребята вот уже целую неделю несли гарнизонную службу, занимались воинской учебкой.

И последняя запись во фронтовом блокноте, который уже можно назвать послевоенным.

Встретил Васю Субботина, сотрудника такой же, как и наша, дивизионной газеты. Что и говорить, Васе повезло особенно. Именно их 150-я дивизия участвовала во взятии рейхстага.

Пройдет еще несколько лет, и из-под пера ныне маститого писателя Василия Субботина выйдет книга, уже само название которой звучит прекрасно: «Как кончаются войны». Книга, которую «Литературная энциклопедия» оценила как «одно из лучших произведений советской художественной прозы о штурме рейхстага. Переведена на многие иностранные языки».

...Разглядывая старую школьную фотографию, я думаю о войне, которая прошла через биографию нашего поколения. На войне мы писали о войне. Сейчас, спустя много лет, я вновь пишу о ней. Память должна жить.

Г. Санасарян. ЖАРКИМ ЛЕТОМ 42-го	5
В. Карташев. ДВАДЦАТЬ ДНЕЙ В АДУ	23
В. Лямин. В ГОРЯЩЕМ СТАЛИНГРАДЕ	43
М. Пастухов. СОЛДАТСКИЕ БУДНИ	70
Н. Берлин. БОМБОВАЯ НАГРУЗКА — МАКСИМАЛЬНАЯ	96
И. Лисов. ЗА ОГНЕННОЙ ЧЕРТОЙ	117
Г. Степанов. ЗИМОЙ ПОД ЛЕНИНГРАДОМ	146
М. Заплатин. НАША МОЛОДОСТЬ ЗАЩИЩАЛА РОДИНУ	167
В. Дедюхин. НОЧНОЙ БОЙ	181
Н. Хаунен. ДО САМОЙ ФАШИСТСКОЙ БЕРЛОГИ...	198

Бойцы вспоминают

Редактор **М. Науменко**
Художник **Н. Горбунов**
Художественный редактор **Т. Ключарева**
Технические редакторы **Т. Шипулина, В. Чувашов**
Корректоры **Г. Борсук, Л. Крамаренко**

ИБ № 1552

Сдано в набор 10.06.87 г. Подписано в печать 19.12.87 г. ЛБ19398.
Формат 70×108^{1/32}. Бум. тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 9,45. Усл. кр.-отт. 11,02. Уч.-изд. л. 10,047. Тираж 15 000 экз. Заказ № 792. Цена 60 к.
Пермское книжное издательство. 614000, г. Пермь, ул. К. Маркса, 30.
Книжная типография № 2 управления издательств, полиграфии и книжной торговли. 614001, г. Пермь, ул. Коммунистическая, 57.

